

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

Актуальные проблемы государственного и муниципального управления

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ АКАДЕМИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ

Выходит четыре раза в год

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

199178, Санкт-Петербург, В. О.,

Средний пр., д. 57.

Тел. (812) 335-94-72

Факс (812) 323-24-60

E-mail: uk@szags.ru

© Северо-Западная академия государственной службы, 2007

© Редколлегия журнала «Управленческое консультирование» (составитель), 2007

СОДЕРЖАНИЕ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ И МУНИЦИПАЛЬНАЯ СЛУЖБА

- **Горшков А. С., Бирюкова Г. М., Чжен Жичан, Чжао Шимин.** Государственный служащий: психологическая и профессиональная компетентность 5
- **Торба А. В.** Правовой механизм обеспечения аттестации государственных гражданских служащих 10
- **Марышев А. А.** Вопросы взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления (на примере опыта США) 19
- **Князев С. Н., Ганчеренок И. И., Лосева И. И., Рафикова А. Р.** Здоровьесбережение как приоритет для эффективного государственного управления 26
- **Коротич Е. Б.** Государственное управление региональным развитием Украины 39

ПОЛИТИКА И ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО

- **Васецкий А. А.** Корпоративизм и политическая составляющая его развития 44
- **Овчинников В. А., Таровик С. С.** К вопросу о реформе основного избирательного закона 59

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА:

Горшков А. С. — ректор Северо-Западной академии государственной службы, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, доктор педагогических наук (Санкт-Петербург) — *председатель совета*; **Волков В. А.** — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург) — *заместитель председателя совета*; **Васецкий А. А.** — кандидат философских наук (Санкт-Петербург); **Востряков Л. Е.** — доктор политических наук (Санкт-Петербург); **Горбунов А. А.** — заслуженный строитель Российской Федерации, профессор, доктор экономических наук (Санкт-Петербург); **Гуторов В. А.** — доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербург); **Двас Г. В.** — вице-губернатор администрации Ленинградской области, доктор экономических наук (Санкт-Петербург); **Жуковский А. И.** (г. Великий Новгород); **Межевич Н. М.** — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург); **Михеев Ю. А.** — заслуженный экономист Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор (г. Москва); **Тургаев А. С.** — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург); **Филиппов Г. Г.** — доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербург); **Чубинский-Надеждин В. В.** — заслуженный работник культуры РСФСР, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург); **Шевченко В. Я.** — доктор химических наук, академик РАН (Санкт-Петербург).

ВЛАСТЬ И ЭКОНОМИКА

- **Давыденко А. А.** Тенденции развития государственного управления морскими портами России 74
- **Мальцев К. В.** Системный подход в исследовании развития земельного рынка 80

ОБЩЕСТВО И РЕФОРМЫ

- **Кудрявцева Е. И.** Проблемы управления персоналом на предприятиях и в организациях малого и среднего бизнеса 89
- **Кашина М. А.** Женщины в российской пенитенциарной системе: к вопросу о необходимости гендерной юстиции 99
- **Полохало Ю. Н., Косов Ю. В.** Российское высшее образование в условиях глобализации: проблема сохранения национальных традиций и использования зарубежного опыта 112
- **Акопов С. В.** Теория мимов, социальный дарвинизм и проблема гуманизма в общественных науках 122
- **Галёва Н. Е.** Особенности формирования народонаселения европейского Севера России 133
- **Резник Ю. М.** Жизненный мир провинциального человека (опыт анализа социокультурных различий) 143
- **Голянич В. М., Грачев С. С.** Представления о себе и противнике в системе ценностных ориентиров молодежи 160

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Востряков Л. Е. — доктор политических наук (Санкт-Петербург) — *главный редактор журнала*; **Волков В. А.** — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург); **Елфимов Г. М.** — доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербург); **Исаев А. П.** — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург); **Кириллов А. Л.** — доктор технических наук, профессор (Санкт-Петербург) — *заместитель главного редактора*; **Клюев А. В.** — доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербург); **Малышев С. И.** (г. Великий Новгород) — *заместитель главного редактора*; **Периль Б. В.** — кандидат философских наук (Санкт-Петербург); **Старовойтов А. А.** — доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург); **Чигарева И. В.** — кандидат исторических наук (Санкт-Петербург); **Чимаров С. Ю.** — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург); **Яновский В. В.** — кандидат физико-математических наук (Санкт-Петербург);

КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

- **Алякринская М. А.** Вопросы административного руководства и подчинения в русской культурной традиции (на материале творчества М. Е. Салтыкова-Щедрина) 183

ОТКЛИКИ НА КНИГИ

- **Сибирев Ю. В.** Государственное управление: новые проблемы и поиски решений 190
- **Соловьева Е. О.** «Государственная власть и местное самоуправление в России — история и современность»: обзор материалов V международного научного форума СЗАГС 196
- **Пастарнакова О. А.** Изучение социологии для формирования современного управленца 199

ДОСКА ПОЧЁТА СЗАГС

НАУЧНЫЕ ДИСКУССИИ

- **Бочаров А. Б.** Непредсказуемость как стратегия управления в управленческой парадигме XX в. 217

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ СЗАГС

- **Волков В. А.** Новый журнал для профессионалов государственной службы 224
- **Дунаева Н. В.** Кадровое обеспечение органов государственной власти Северо-Западного федерального округа РФ 230
- Публикации журнала «Управленческое консультирование» в 2007 г. 232

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СЛУЖАЩИЙ: ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ

*Горшков А. С.,
Бирюкова Г. М.,
Чжен Жичан,
Чжао Шимин*

Горшков Александр Сергеевич — доктор педагогических наук, профессор, ректор Северо-Западной академии государственной службы, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации.

Бирюкова Галина Михайловна — доктор философских наук, кандидат психологических наук, профессор кафедры психологии управления и педагогики СЗАГС.

Чжен Жичан — доктор психологических наук, профессор Пудунской академии руководящих кадров (Шанхай).

Чжао Шимин — доктор психологических наук, адъюнкт-профессор Пудунской академии руководящих кадров, директор Центра психологии и оценки лидерства (Шанхай).

Высокий уровень профессионализма государственных служащих является залогом и одним из условий успешных решений актуальных социальных проблем. Но как определить степень эффективности государственного служащего? Специфическая особенность деятельности госслужащих заключается в том, что, во-первых, чрезвычайно трудно проследить влияние результатов труда государственных чиновников на социальные процессы, так как они могут быть отсрочены на достаточно длительное время, а во-вторых, их зачастую невозможно измерить. Отсюда — оценка деятельности государственного чиновника через расплывчатые критерии оценки результатов его труда не может быть объективной, а материальное поощрение не всегда соответствует вложенному труду, что тоже не может служить показателем степени эффективности деятельности.

Управленческие решения, которые формулируют и принимают государственные служащие в ранге руководителей, являются задачами с определенной степенью неопределенности. Это объясняется тем, что эффект

управленческого решения может наступить как завтра, так и через несколько лет, а следующая задача требует своего решения уже сегодня. Управленческая деятельность только тогда может считаться эффективной, если она в результате принятых и реализованных решений приводит к позитивному изменению общественных процессов.

Известно, что социально-психологические качества и личностные свойства любого уровня управленца, работающего в сфере государственного управления, отражают психические состояния, нравственные устои и степень соответствия потребностей данного человека актуальным проблемам государства. Вот почему теоретико-практическое изучение социально-психологических и моральных качеств государственных чиновников, принимающих решение, является предельно актуальным и определяющим в судьбе любого государства.

Чрезвычайно актуальным на сегодняшний день является также поиск новых современных подходов к определению эффективности деятельности управленцев, к прогнозированию деятельности как действующих, так и вновь принимаемых на работу специалистов в области управления. Решение этих задач позволит в свою очередь оптимизировать учебный процесс в высших учебных учреждениях, готовящих будущих государственных чиновников.

Любая система социального управления предполагает субъект-объектные отношения, которые и являются внутренним источником ее

становления и развития. Однажды сложившись, эта система не может оставаться в неизменном виде ввиду постоянно изменяющихся условий внутренней и внешней среды.

Социум объединяется в таковой в результате осознания его членами необходимости совместного существования. Однако очевидно, что эта необходимость резко ограничивает стремление отдельного человека к реализации собственных индивидуальных целей, непосредственным образом приводящих и к возможности самореализации. Причем сами индивидуальные цели и потребности чиновников могут как совпадать, так и не совпадать с социально значимыми. Если индивид адекватным образом осознает возможные противоречия между общественными и личными целями, то он начинает воспринимать общее благо как одно из главных условий получения возможности собственной реализации. Иными словами, ему становится выгодно следовать идеям и нормам общего блага, ибо это есть кратчайший путь и условие достижения собственного блага.

Чтобы идеи общего блага реализовывались, социум должен быть управляемым. Само управление в обществе предполагает наличие определенных социальных функций и регулирующей их соотношения статусной иерархии.

Любые отношения в социальном управлении учитывают статусную составляющую, когда одна из сторон выступает в качестве субъекта, а другая — как объект социального управления. Главное отличие между

ними заключается в их функциональных возможностях и обязанностях, а именно: государственные чиновники получают автоматическое право принимать различного рода управленческие решения, другая же сторона выступает в роли объекта социального управления, призванного решать поставленные задачи во имя достижения социальных целей.

Какое же поведение чиновничьего аппарата и принимаемые им решения будут восприниматься гражданами как адекватные достижению общего блага? По всей видимости, то, которое соответствует принципу справедливости и потребности людей в совместном существовании. Смысл этого сосуществования выражается в сохранении возможности участия каждого в реализации общего блага.

Однако в силу статусной изоляции и появившейся в результате этого возможности информационного манипулирования, принцип социальной справедливости был нарушен для тех, кто лишен права на управленческие решения. А поскольку это нарушение справедливости скрыть не представляется возможным, часть общества, которая подвергается информационному манипулированию, отказывается добровольно самоограничивать себя во имя достижения всеобщего блага, считая, что власть руководящих обогащается за их счет. Управляемые отказываются принимать нормы поведения управляющих, в связи с чем назревает внутренняя напряженность, грозящая подчас перера-

сти в социальные конфликты. Стремясь сохранить социальную стабильность, властные структуры путем использования идеологических выкладок пытаются представить существующий порядок как вполне справедливый и оправданный. Для этого они привлекают ученых, философов, гуманитариев различных научных направлений (из числа авторитетных), чьи учения доказывают правомерность и справедливость существующего порядка. Результатом такой деятельности является появление государственной идеологии, которая создает теоретическое обоснование социальной справедливости. Следует особо отметить, что цель появления такого рода идеологических учений — сохранение устойчивости социума в условиях его внутренней напряженности.

Одной из таких идеологообразующих теорий стал экзистенциализм как философия субстанционального НИЧТО. Суть этого НИЧТО для современного западного человека заключается в отсутствии каких-либо внутренних детерминант, дающих индивиду право на полноту реализации свободы воли, свободы выбора и, главное, свободы ответственности за свои поступки. Да, социум предлагает всем право на самореализацию, или, как утверждал Маркузе, — стал одномерным, но если индивид сделал неправильный выбор и не добился удачи, то виноват в этом сам индивид, а не социальная организация в лице тех, кто использует его возможности, так как он сам предоставил право социальной организации управлять им. Иными

словами, делай правильный выбор и ты будешь вознагражден, а если нет, то вини себя самого, так как общество равных возможностей предоставило тебе все права для твоего счастья, правда, скрыло информацию для принятия правильного решения.

По большому счету власть хочет добиться от членов социума удовлетворяющего ее поведения, т. е. в должной мере добровольного исполнения предлагаемого им закона, по сути отражающего интересы власти, обозначающиеся как интересы государства. А чтобы это было возможным, необходимо знать, от чего зависит желаемое поведение, какие условия нужно создать, чтобы сформировалось такое поведение. Эту задачу призваны решать гуманитарные науки. Так, социология изучает законы функционирования социума, его структуру, выявляет социальные доминанты, формирует оптимальный набор социальных функций управления, то есть все то, что должно быть целью деятельности (поведения) управляемых. Педагогика, в свою очередь, призвана научить навыкам социального поведения. Область интересов психологии — субъективный механизм формирования факторов личностного поведения, как-то: мотив, мотивация, цель, поведение, являющих собой динамическое единство индивидуальных особенностей и условий социального сосуществования. Выявление этих механизмов предполагает получение вероятностного прогноза поведения индивидов в различных жизненных ситуа-

циях, а также возможностей влиять на формирование желательного поведения.

Любая профессия имеет субъективно переживаемые маркеры, влияющие на эффективность профессиональной деятельности. Административная деятельность чиновника, которую можно рассматривать через оценку его организаторских способностей, умение подчинять и вести за собой людей, принимать самостоятельные и ответственные решения, выстраивать адекватные иерархические отношения и т. п., во многом зависит от личностных установок человека, которые либо соответствуют актуальным потребностям социума, либо являются сугубо индивидуалистичными, эгоистичными, а в некоторых случаях — асоциальными. Вот почему актуальной проблемой сегодняшнего дня является насущная необходимость переориентации каждого чиновника на деятельность, основанную на принципах социальной ответственности перед обществом. Важная роль в решении этой проблемы отводится профессиональной среде, которая может либо способствовать, либо препятствовать процессам профессионально-личностного совершенствования государственных чиновников. Профессиональная идентичность государственных чиновников, соответствующая принципам социальной ответственности перед обществом, удовлетворенность своим трудом и трудом своего профессионального сообщества непосредственным образом влияют на эффективность принимаемых управленческих решений, на профес-

сиональное поведение госслужащих и в целом на имидж данной профессии.

В настоящее время к числу актуальных относится также задача эффективного прогнозирования степени успешности осуществления профессиональной деятельности государственным чиновником. Решение этой задачи возможно с позиции теории социально-психологической адаптации, в которой психологические процессы приспособления человека, обладающего индивидуально выраженными характеристиками, осуществляются в соответствии с его требованиями. Адаптированная личность, как правило, отличается стремлением к самореализации, которое сбалансировано высоким самоконтролем, направленным на соблюдение нормативных требований общества. Деятельность дезадаптированной личности не может быть эффективной в социально-гуманитарном плане, так как актуальные эгоцентрические потребности решаются либо асоциальным путем, либо под влиянием постоянного учета внешних оценок, что лишает человека возможности реализации творческого потенциала. Выявление комплекса социально-психологических особенностей личностей государственных чиновников и особенностей осуществления их деятельности (например, необходимость действовать только в рамках установленных правил и норм поведения, требующих сознательной ре-

гуляции поведения) позволяет определить оптимальный баланс между возможностями человека и требованиями профессии.

Еще одним аспектом деятельности государственных служащих, требующим теоретического осмысления и эмпирического изучения, является процесс принятия управленческих решений. В этих решениях отражается вся совокупность возникающих в процессе трудовой деятельности проблем. Принятие решений государственным чиновником в ранге руководителя характеризуется сочетанием групповых интересов и общественных, личных и коллективных. Главным препятствием в принятии эффективных управленческих решений является инерция мышления, неспособность руководителя уйти от рутинно привычного способа решения. Эти психологические ограничения могут корректироваться в рамках специальных обучающих программ в целях решения актуальных производственных задач.

Вышеизложенные проблемы являются актуальными и ждут своего теоретико-эмпирического исследования, так как современные руководители нуждаются в повышении своей профессиональной компетенции, в повышении квалификации, что непосредственным образом отразится как на среднем, так и на высшем уровне принятия государственных управленческих решений.

ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ АТТЕСТАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГРАЖДАНСКИХ СЛУЖАЩИХ

Торба А. В.

В настоящее время важнейшими кадровыми технологиями в системе государственной службы Российской Федерации, обеспечивающими профессиональную пригодность и соответствие замещаемым должностям, являются аттестация и квалификационный экзамен государственных служащих. Анализ действующего федерального законодательства и сложившейся практики в части правового регулирования порядка проведения аттестаций и квалификационных экзаменов государственных гражданских служащих позволяет заключить, что современная система государственной службы не унифицирована, а некоторые нормативные правовые акты требуют внесения поправок.

Так, в соответствии с ч. 5 ст. 12 Федерального закона «О системе государственной службы Российской Федерации» от 27 марта 2003 г. № 58-ФЗ прохождение государственной службы включает в себя назначение на должность, присвоение классного чина, дипломатического ранга, воинского и специального звания, аттестацию или квалификационный экзамен, а также другие обстоятельства (события)¹. Из вышеприведенной

Торба Александр Васильевич — руководитель аппарата правительства Калининградской области (г. Калининград).

¹ Федеральный закон «О системе государственной службы Российской Федерации» от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ // Собрание законодательства РФ от 02.06.2003. № 22. Ст. 2063.

цитаты следует, что аттестация и квалификационный экзамен по закону являются взаимозаменяемыми мероприятиями.

Анализ ряда федеральных нормативных правовых актов по вопросам прохождения военной службы, службы в органах внутренних дел, таможенных органах России свидетельствует об их соответствии базовому Федеральному закону «О системе государственной службы Российской Федерации»: в этих видах федеральной государственной службы прослеживается единство и правовых, и организационных основ.

Например, в соответствии с Положением о порядке прохождения военной службы военнослужащим присваиваются первичные воинские звания при назначении на должность и очередные воинские звания в день истечения срока пребывания в предыдущем воинском звании *без сдачи каких-либо квалификационных экзаменов*¹. Разделом VI Положения предусмотрена возможность проведения аттестации военнослужащих.

Федеральный закон «О службе в таможенных органах Российской Федерации» от 21 июля 1997 г.

№ 114-ФЗ гласит, что сотрудникам таможенных органов присваиваются первичные специальные звания при зачислении на должность и очередные специальные звания по истечении установленного срока выслуги в предыдущем специальном звании в день истечения этого срока *без сдачи квалификационных экзаменов*². Статьей 47 этого нормативного правового акта предусмотрена аттестация сотрудников таможенных органов.

Аналогичный порядок присвоения первичных и очередных специальных званий, а также проведения аттестации установлен Положением о службе в органах внутренних дел Российской Федерации³.

Таким образом, федеральное законодательство, регулирующее прохождение военной службы, службы в органах внутренних дел, в таможенных органах и других органах так называемого «силового блока», закрепляет:

- проведение аттестации государственных служащих;
- присвоение первичных воинских и специальных званий одновременно с назначением на должность *без сдачи квалификационного экзамена*;

¹ Положение о порядке прохождения военной службы. Ст. 21, 22 / Указ Президента Российской Федерации «Вопросы прохождения военной службы» от 16 сентября 1999 г. № 1237 // СЗ РФ от 20.09.1999. № 38. Ст. 4534.

² Федеральный закон «О службе в таможенных органах Российской Федерации» от 21 июля 1997 г. № 114-ФЗ. Ст. 12–14 // СЗ РФ от 28.07.1997. № 30. Ст. 3586.

³ Положение о службе в органах внутренних дел Российской Федерации. Ст. 17, 22, 23 / Постановление Верховного Совета Российской Федерации «Об утверждении Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации и текста присяги сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации» от 23 декабря 1992 г. № 4202-1 // Ведомости СНД и ВС РФ от 14.01.1993. № 2. Ст. 70.

– присвоение очередных воинских и специальных званий *по истечении срока пребывания в предыдущем звании без сдачи квалификационных экзаменов.*

Закрепление названных этапов прохождения государственной службы в полной мере соответствует требованиям ст. 3 и ст. 12 Федерального закона «О системе государственной службы Российской Федерации».

Развитие федерального законодательства о государственной гражданской службе Российской Федерации идет иным путем. Так, если в соответствии с ч. 5 ст. 12 Федерального закона «О системе государственной службы Российской Федерации» прохождение государственной службы включает в себя аттестацию или квалификационный экзамен, то для прохождения государственной гражданской службы законодательством закреплены и аттестация, и квалификационный экзамен¹ (табл. 1 на с. 13 и 2 на с. 14).

Указанное обстоятельство предопределяет неравные условия прохождения государственной гражданской службы в сравнении с другими видами государственной службы (вопреки базовому законодательству о системе государственной службы Российской Федерации).

Парадокс присутствия квалификационного экзамена в условиях прохождения государственной гражданской службы подтверждается также следующим фактом. Федеральным

государственным гражданским служащим Министерства иностранных дел Российской Федерации в соответствии с Указом Президента Российской Федерации «О порядке присвоения и сохранения дипломатических рангов и об установлении месячных окладов федеральным государственным гражданским служащим в соответствии с присвоенными им дипломатическими рангами» от 15 октября 1999 г. № 1371 (с изменениями на 25 июля 2006 г.) присваиваются не классные чины, а дипломатические ранги. Однако в Федеральном законе «О государственной гражданской службе Российской Федерации» указано, что гражданским служащим присваиваются классные чины (ст. 11), а сочетания «дипломатические ранги» не упоминается вовсе. Принимая факт присутствия на государственной гражданской службе и классных чинов, и дипломатических рангов, обратим внимание на то, что в соответствии с названным указом Президента Российской Федерации и первые, и очередные дипломатические ранги государственным гражданским служащим присваиваются *без проведения квалификационных экзаменов, а по итогам аттестации.* Анализ рассмотренной правовой коллизии позволяет сделать следующие выводы:

1) дипломатическая служба не является самостоятельным видом государственной службы Российской Федерации;

¹ Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ. Ст. 48, 49 // СЗ РФ от 02.08.2004 г. № 31. Ст. 3215.

Таблица 1

Соотношение ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» от 27 марта 2003 г. № 58-ФЗ и законодательства о видах государственной службы в РФ по вопросам аттестации и проведения квалификационного экзамена государственных служащих

Федеральный закон «О системе государственной гражданской службы Российской Федерации»	«Положение о порядке прохождения военной службы»	Федеральный закон «О службе в таможенных органах Российской Федерации»	«Положение о службе в органах внутренних дел Российской Федерации»	Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации»
Прохождение государственной службы включает в себя назначение на должность, присвоение классного чина, дипломатического ранга, воинского и специального звания, аттестацию или квалификационный экзамен, а также другие обстоятельства (события) (ч. 5 ст. 12)	Предусмотрена возможность проведения аттестации	Предусмотрена возможность проведения аттестации	Предусмотрена возможность проведения аттестации	Предусмотрены и аттестация, и квалификационный экзамен

- 2) вопросы прохождения государственной гражданской службы в отдельных государственных органах не могут находиться вне правового регулирования со стороны федерального законодательства об этом виде государственной службы Российской Федерации;
- 3) механизмы присвоения дипломатических рангов и классных чинов на единой государственной гражданской службе Российской Федерации отличаются существенным образом (в одном случае — аттестация, в другом — квалификационный экзамен);
- 4) дипломатические ранги, будучи разновидностью классных чинов

- на гражданской службе (по аналогии с воинскими званиями при прохождении военной службы на флоте — ранги у капитанов), остались вне правового регулирования со стороны специального закона о виде государственной службы;
- 5) при присвоении дипломатических рангов предпочтение отдано аттестации, но не квалификационному экзамену.
- Противоречивость присутствия в законодательстве о государственной гражданской службе институтов аттестации и квалификационного экзамена подтверждается также следующим обстоятельством.

Таблица 2
Соотношение законодательства РФ о видах государственной службы
по вопросам присвоения первичных и очередных классов чинов,
дипломатических рангов, воинских и специальных званий

№ п/п	«Положение о порядке прохождения военной службы»	«Положение о службе в органах внутренних дел Российской Федерации»	Федеральный закон «О службе в таможенных органах Российской Федерации»	Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации»
1.	Первичные звания присваиваются при назначении на должность. Ст. 21	Первичные звания присваиваются при назначении на должность. Ст. 22	Первичные звания присваиваются при назначении на должность. Ст. 12	Гражданским служащим, замещающим должности гражданской службы без ограничения срока полномочий, и первичные, и очередные классные чины присваиваются по результатам квалификационного экзамена. Ст. 11, ч. 2
2.	Очередные звания присваиваются по истечении установленного срока выслуги в предыдущем звании. Ст. 22	Очередные звания присваиваются по истечении установленного срока выслуги в предыдущем звании. Ст. 27	Очередные звания присваиваются по истечении установленного срока выслуги в предыдущем звании. Ст. 12	
	Во всех случаях квалификационный экзамен не предусмотрен			

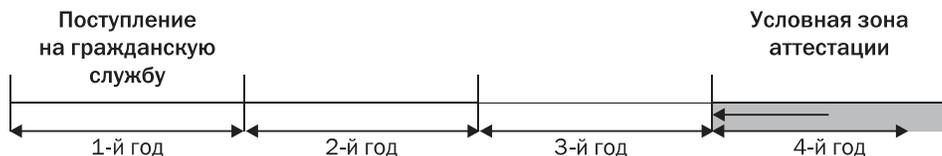
В соответствии с ч. 1 ст. 48 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» аттестация гражданского служащего проводится в целях определения его соответствия замещаемой должности. Аналогичные цели преследует и проведение квалификационного экзамена, что следует из ч. 4 ст. 49 указанного Федерального закона.

Если учесть, что гражданский служащий аттестуется 1 раз в 3 года, а сроки пребывания в классном чине составляют 1 и 2 года, то фактически

многие гражданские служащие подвергаются аттестационным процедурам не менее 2–3 раз в течение 3 лет (секретари, референты государственной гражданской службы). Другими словами, периоды аттестации и квалификационного экзамена накладываются друг на друга и исключают мирное «сосуществование» (рис. 1).

Отдельные механизмы проведения аттестации и квалификационного экзамена при прохождении гражданской службы в свою очередь вызывают ряд вопросов об их

Аттестация проводится 1 раз в 3 года
(через год после поступления на службу)

Первый классный чин присваивается после успешного завершения испытания либо через 3 месяца после назначения на должность, после сдачи квалификационного экзамена

Аттестации не подлежат гражданские служащие в течение года со дня сдачи квалификационного экзамена

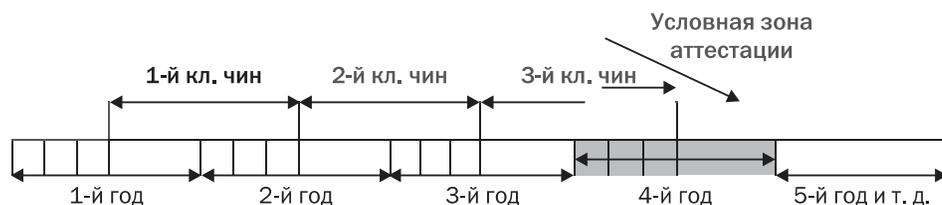

Рис. 1. Соотношение аттестации и квалификационного экзамена при прохождении государственной гражданской службы (вариант для секретарей и референтов гражданской службы)

правовой состоятельности и практической целесообразности.

Правовое регулирование порядка проведения аттестации и квалификационного экзамена осуществляется следующими федеральными нормативными правовыми актами:

- Федеральный закон «О государственной гражданской службе

Российской Федерации» от 27 июля 2001 г. № 79-ФЗ (ст. 48, 49);

- Указ Президента Российской Федерации «О проведении аттестации государственных гражданских служащих Российской Федерации» от 1 февраля 2005 г. № 110;
- Указ Президента Российской Федерации «О порядке сдачи

квалификационного экзамена государственными гражданскими служащими Российской Федерации и оценки их знаний, навыков и умений (профессионального уровня)» от 1 февраля 2005 г. № 111;

- Указ Президента Российской Федерации «О порядке присвоения и сохранения классных чинов государственной гражданской службы Российской Федерации федеральным государственным гражданским служащим» от 1 февраля 2005 г. № 113 (п. 14).

Как было указано выше, целью аттестации гражданского служащего является определение его соответствия замещаемой должности гражданской службы. Эта проверка на соответствие проводится 1 раз в 3 года, что закономерно согласуется с целями аттестации. Не вызывает каких-либо сомнений и необходимость проведения внеочередных аттестаций (ч. 5, 6 ст. 48 Федерального закона; п. 5 Указа Президента Российской Федерации от 1 февраля 2005 г. № 110) за исключением основания, закрепленного п. 2 ч. 5 ст. 48 Федерального закона и пп. «б» п. 5 Указа Президента Российской Федерации № 110 — проведение внеочередной аттестации по решению представителя нанимателя при принятии решения об изменении условий оплаты труда гражданских служащих.

В последнем случае возникают следующие практические вопросы:

1. Каким образом согласуются цели аттестования гражданского служащего (определение его соответствия замещаемой должности) и изменения в системе оплаты труда?
2. Каким образом изменения в системе оплаты труда могут влиять на соответствие работника замещаемой должности?
3. Какие выводы и решения аттестационной комиссии из числа перечисленных в п. 20 Указа Президента Российской Федерации от 1 февраля 2005 г. № 110 могут быть приняты в зависимости от увеличения или уменьшения денежного содержания гражданского служащего?

Очевидно, что любые ответы на эти вопросы лежат за пределами здравого смысла. Очевидно и другое: введение ст. 50 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» совершенно иной по отношению к ранее действовавшей системе оплаты труда гражданских служащих не явилось правовым основанием для проведения массовой аттестации гражданских служащих.

Обращает на себя внимание также еще одно противоречие. В соответствии с пп. «а» п. 4 Положения о порядке сдачи квалификационного экзамена государственными гражданскими служащими Российской Федерации и оценки их знаний, навыков и умений (профессионального уровня)¹ квали-

¹ Положение о порядке сдачи квалификационного экзамена государственными гражданскими служащими Российской Федерации и оценки их знаний, навыков и умений

фикационный экзамен проводится в том числе при решении вопроса о присвоении гражданскому служащему, не имеющему классного чина государственной гражданской службы Российской Федерации (далее — классный чин), первого классного чина по замещаемой должности гражданской службы. Смысл данной правовой нормы заключается в том, что квалификационный экзамен сдают граждане и гражданские служащие, поступившие на государственную гражданскую службу федерального или субъектного уровня, независимо от оснований (впервые, в порядке перевода из других видов государственной службы и др.) и не имеющие классного чина государственной гражданской службы данного вида, независимо от наличия у них воинских званий, дипломатических рангов, специальных званий и т. п.

Представляется, что данная правовая норма не согласуется с ч. 2 и 3 ст. 13 Федерального закона «О системе государственной службы Российской Федерации», в соответствии с которыми:

- присвоенные гражданину классные чины, дипломатические ранги, воинские и специальные звания сохраняются при освобождении от замещаемой должности или увольнении с государственной службы;
- при переводе государственного служащего с государственной

службы одного вида на государственную службу другого вида ранее присвоенный классный чин, дипломатический ранг, воинское и специальное звание учитываются при присвоении классного чина, дипломатического ранга, воинского и специального звания по новому виду государственной службы.

Несоответствие Положения о порядке сдачи квалификационного экзамена государственными гражданскими служащими Российской Федерации и оценки их знаний, навыков и умений (профессионального уровня) Федеральному закону «О системе государственной службы Российской Федерации» порождает вопросы и этического характера. Например, с 1 января 2007 г. в силу передачи государственных полномочий и преобразования в органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации государственные служащие бывшей Федеральной службы занятости Российской Федерации автоматически перешли в иной государственный статус. Трудно объяснить, почему присвоение первого классного чина государственной гражданской службы субъекта Российской Федерации федеральным государственным служащим, имеющим классные чины федеральной государственной гражданской службы, должно осуществляться через квалификационный экзамен.

(профессионального уровня) / Указ Президента РФ «О порядке сдачи квалификационного экзамена государственными гражданскими служащими Российской Федерации и оценки их знаний, навыков и умений (профессионального уровня)» от 1 февраля 2005 г. № 111 // СЗ РФ от 07.02.2005 г. № 6. Ст. 438.

С учетом вышеизложенных фактов и рассмотренных правовых коллизий предлагаются следующие практические меры:

1. Привести Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» в соответствие с основными принципами построения и функционирования системы государственной службы, закрепленными ст. 3 Федерального закона «О системе государственной службы Российской Федерации», а также в соответствие с положением ч. 5 ст. 12 (либо аттестация, либо квалификационный экзамен).
2. Упразднить институт квалификационного экзамена как инструмент присвоения классов чин на государственной гражданской службе (либо упразднить аттестацию).
3. Исключить п. 2 ч. 5 ст. 48 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (в части аттестации в связи с изменением оплаты труда).
4. В ст. 11 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» внести следующие изменения и дополнения:
 - а) наименование статьи изложить в редакции: «Статья 11. Классные чины и дипломатические ранги на гражданской службе»;
 - б) ч. 1 ст. 11 изложить в редакции: «Классные чины гражданской службы присваиваются граждан-

- ским служащим в соответствии с замещаемой должностью гражданской службы в пределах группы должностей гражданской службы. Особенности присвоения дипломатических рангов на государственной гражданской службе, а также их соотношения с классными чинами гражданской службы устанавливаются указом Президента Российской Федерации»;
- в) в ч. 2 ст. 11 слова «квалификационный экзамен» заменить на «аттестации», имея в виду, что дипломатические ранги могут быть присвоены по результатам аттестации;
 - г) ч. 12 ст. 11 изложить в редакции: «Порядок присвоения, сохранения классов чин и дипломатических рангов федеральной гражданской службы и их соотношение между собой, соотношение классов чин и дипломатических рангов федеральной гражданской службы и воинских и специальных званий, классов чин и дипломатических рангов федеральной гражданской службы и классов чин гражданской службы субъектов Российской Федерации определяется указом Президента Российской Федерации».
5. Аналогичные вышеизложенному изменения внести в Указы Президента Российской Федерации от 1 февраля 2005 г. № 110, 111, 113.

ВОПРОСЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ОПЫТА США)

МАРЫШЕВ А. А.

Как известно, государственное управление на региональном уровне и местное самоуправление относятся к элементам организации публичной власти. Являясь социальным институтом, государство представляет собой одну из форм самоорганизации общества. Оно возникает и конституируется как представительство общественных интересов, как сила, стоящая над обществом, как система организованного политического господства одних людей над другими. Эффективность этой системы зависит, в том числе, и от наличия развитой системы регионального управления.

Институт местного самоуправления призван соединять интересы государства, общества и личности. Самоуправление основывается на принципах свободы, равенства и непосредственного участия в управлении¹. Гражданские права и массовые виды активности, различные внесударственные проявления общественной жизни, обусловленные заинтересованностью людей в собственной организации, зарождаются и в конечном

Марышев Александр Анатольевич — советник Межпарламентской Ассамблеи Евразийского экономического сообщества (Санкт-Петербург).

¹ Каверзин М. Ю. Государство и местное самоуправление: проблемы взаимодействия // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Политология». 2003. № 4. С. 13.

итоге реализуются именно в местных сообществах, образующих базу гражданского общества. Сущность местного самоуправления состоит в том, чтобы на уровне каждой отдельно взятой личности осуществлять гармонизацию прав и свобод человека и гражданина с интересами государства и общества.

На протяжении всей истории государственности прослеживается тесная органическая взаимосвязь между развитием государства и развитием самоуправления. В различных типах государств на разных этапах исторического развития существовали различные модели местного самоуправления. Эти модели, как правило, являлись отражением государственного развития и опирались на правовые нормы и директивные указания, устанавливаемые государством. Использование той или иной модели самоуправления, в конечном счете, зависело от типа государства, его устройства, формы правления и политического режима. Взаимосвязь государственных и самоуправленческих начал обусловлена глубинными и объективными факторами, в числе которых степень социально-экономической зрелости общества, соотношение и расстановка различных социальных групп, характер их борьбы или сотрудничества, духовные, национальные, культурные традиции, особенности геополитического положения, исторического развития,

демографического состояния общества и др.

Необходимость совершенствования государственно-правового института местного самоуправления и системы местных государственных органов в Российской Федерации в настоящее время обусловлена кардинальными переменами в области экономики и социальной сферы, в политике и идеологии нашего государства. К основным из них следует отнести становление новых экономических отношений, передел собственности, демонополизацию социальной сферы, в первую очередь реформы пенсионной системы и жилищно-коммунального комплекса¹; в политике и идеологии — решение вопросов национальной безопасности, внутривластной стабильности и консолидации общества, сохранение, развитие и преумножение национальных культур, стремление к политическому плюрализму в обществе, к развитию многопартийности.

На данном этапе развития местного самоуправления в Российской Федерации выделение каких-либо моделей достаточно условно. Возможно, обобщение опыта других государств, рассмотрение различных подходов к организации самоуправления, его форм и структур будет способствовать выработке собственно российских моделей местного самоуправления, наиболее приемлемых в конкретных местных условиях.

¹ Григорьева Л. В. Опыт политической и административной организации местных органов власти за рубежом на примере США. — Саратов, 1996. С. 25.

В качестве примера организации местных органов власти может быть рассмотрен опыт Соединенных Штатов Америки.

В основу системы местного самоуправления в США положены следующие фундаментальные принципы:

1. Обязательство государства по обеспечению самоуправляемости местных сообществ, на которую они имеют политическое право. Практически это означает, что большинство проблем, если не все, должны решаться людьми, с ними столкнувшимися. Решение местных вопросов при таком подходе, возможно, является единственно эффективным.
2. Для полного использования политического права на самоуправление необходимо наличие сильной законодательной базы. Закон должен обеспечить высокую степень местной автономии, демократическое участие населения в процессе принятия решений на местах и прочную финансовую основу.

В США существуют 5 основных форм местного управления, объединяют их именно вышеуказанные фундаментальные принципы¹. Существующие формы отражают опыт страны в достижении демократии на местном уровне и обусловлены необходимостью обеспечения действенного местного управления.

Первая, наиболее старая форма — это «Городское собрание», ух-

дящее корнями в Британское законодательство и существующее в 6 штатах северо-востока США. Отличительная характеристика такой системы правления состоит в ее акценте на представительскую демократию. На законодательном уровне она представляет собой собрание, проводимое в течение 1 дня и более, при участии всего взрослого населения города для голосования за местные законы и финансы.

При системе «Слабый Мэр и Совет» основной контроль над городскими делами находится в руках выборных советов, состоящих из 9–25 человек. Мэр является главным, но ограниченным в полномочиях лицом исполнительной власти. Совет действует самостоятельно и через многочисленные комитеты осуществляет контроль над всеми департаментами местного управления.

Следующая форма управления — «Комиссия», когда руководство городским управлением лежит на нескольких избранных членах, которые являются как законодателями, так и администраторами, избранными благодаря своему профессиональному опыту и деловой компетенции.

Форма «Сильный Мэр и Совет» похожа на многие государственные системы правления с наличием сильных исполнительных органов. В основном мэр, который избирается населением в ходе прямого голосования, имеет право вето на

¹ *Kenneth O. Warner. A Common Sense Personnel Program. — Tennessee Town and City, 2005. P. 13.*

решения выборного совета, хотя совет может и отменить вето 2/3 голосов своих членов. Мэр несет прямую ответственность за подготовку бюджета, однако он должен по нему получить одобрение совета.

При форме управления «Совет и Управляющий/Менеджер» сильная исполнительная власть дается не связанному с политикой профессиональному менеджеру, избранному сильным демократическим советом и работающему на контрактной основе. В городах с таким управлением может существовать и мэр, имеющий небольшие полномочия исполнительной власти или не имеющий их совсем. Городской Менеджер/Управляющий наделен правами принимать на работу и увольнять работников, контролировать работу служб и подготавливать бюджет. Совет же утверждает бюджет и определяет политику. Менеджер несет ответственность за их осуществление. Совет может в любое время заменить Менеджера. Кроме того, Совет прямо назначает независимого городского аудитора и прокурора с гарантией контроля финансов и юридических вопросов.

Данная форма управления стала наиболее устойчивой в США. На сегодняшний день половина более чем 7000 единиц местного управления работает на основе типа «Совет и Менеджер».

Хотя местное самоуправление не имеет общенационального конституционного статуса и регулируется

исключительно штатами, оно всегда играло важную роль в функционировании «кооперативного федерализма», являясь де-факто самостоятельным субъектом межправительственного сотрудничества внутри федерации¹. Опыт США свидетельствует о том, что местное самоуправление оказывает влияние на федеративные отношения преимущественно через партийный механизм, а также через группы давления, представляющие интересы местных властей на федеральном уровне и в законодательных органах штатов. В США, как и в большинстве иных демократических государств, местное самоуправление как группа давления хорошо организовано в национальном масштабе. Достаточно большим политическим весом обладают ассоциации графств, муниципалитетов, мэров и т. п., имеющие свои представительства в Вашингтоне.

По мнению американских исследователей, федерализм в США, начиная с 1930 гг., из «двустороннего» постепенно превратился в «трехсторонний», характеризующийся партнерскими отношениями между федеральным центром, штатами и муниципальным управлением, расширением прямых контактов федеральных и местных властей. В настоящее время можно условно выделить две группы таких взаимоотношений. В первую из них «входят отношения, возникающие по поводу сбора и предоставления информации, оказания

¹ Felix A. Nigro. Public Personnel Administration. — N. Y., 2000. P. 36.

различного рода технической помощи, дачи рекомендаций»¹, в то время как «отношения второй группы возникают по поводу предоставления муниципальным органам управления различного рода федеральной помощи»². Расширение подобных отношений отнюдь не всегда приветствуется субъектами федерации, обеспокоенными проблемой сохранения своих суверенных прав и склонными рассматривать такие отношения как идущие вразрез с принципами федерализма.

Сотрудничество между федеральными властями и местным самоуправлением обычно более активно развивалось в период пребывания на посту президента представителей демократической партии³. Последние традиционно стремились укрепить свою электоральную базу посредством расширения государственного вмешательства в социальную сферу, реализации различных федеральных программ городского развития (достаточно вспомнить крупные социальные инициативы президентских администраций 1960 гг., получившие названия «Великого общества» и «Войны с бедностью»). Весьма интенсивные прямые контакты федеральных властей и местного самоуправления в период пребывания на президентском посту демократа Л. Джон-

сона (1963–1969 гг.) даже подтолкнули отдельных исследователей к выводу о качественном перерождении американского федерализма. Появилась достаточно курьезная теория «прямого федерализма», предсказывавшая постепенное отмирание штатов. Место последних, по мнению сторонников данной концепции, должно было занять местное самоуправление, якобы более приспособленное для решения насущных задач общества.

Президенты-республиканцы, как правило, наоборот, пытались в большей степени опереться на чисто рыночные механизмы экономического и социального регулирования, сократить федеральное финансирование социальных программ (включая программы городского развития). В данном отношении показателен курс администрации Р. Рейгана на «новый федерализм», в рамках которого была существенно сокращена помощь штатам и местным органам при общем увеличении объемов помощи частному сектору. Федеральное правительство было призвано «вместо финансирования конкретных программ сосредоточиться на предоставлении рекомендаций, передав максимально возможную самостоятельность в решении городских проблем правительствам

¹ Тимофеев Н. С. О сущности и территориальной основе местного самоуправления // Проблемы реализации Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». — М., 1996. С. 30.

² Там же. С. 31.

³ Local Government Reform and Reorganization: An International Perspective / Ed. by Arthur B. Gunlicks. — N. Y.; London, 1998. P. 9.

штатов и через них — местным органам власти»¹.

Местные власти играют важную роль и в реализации на местах политики правительства соответствующего субъекта федерации². Подобные отношения строятся не только как отношения подчинения, но и как отношения сотрудничества, в рамках которых местные органы обладают собственным политическим потенциалом. Власти субъектов федерации не могут не учитывать политические настроения в местных сообществах, проводником которых являются различные ассоциации местных властей. От поддержки на местах во многом зависят результаты выборов в различные властные органы субъектов федерации. Кроме того, будучи хорошо знакомыми с положением дел в соответствующих территориальных единицах, органы местного самоуправления зачастую способны более эффективно, чем правительства субъектов федерации, решать отдельные локальные проблемы, реагировать на непредвиденные ситуации. В качестве многоцелевых органов местные советы обеспечивают горизонтальную интеграцию и координацию различных служб субъектов федерации, функционирующих на низовом уровне, трансформируя их деятельность в

единый курс и обеспечивая тем самым комплексный подход к решению проблем. Как отмечает применительно к своей стране американский исследователь Р. Л. Хэнсон, достаточно высокий политический потенциал местных властей «частично компенсирует их второстепенный конституционный, административный и финансовый статус»³.

Политическая практика свидетельствует о том, что местное самоуправление (в сотрудничестве с федеральными властями) служит определенной преградой центробежной тенденции в политической системе современного федеративного государства. Так, по мнению американских исследователей, местные сообщества порой успешно используют общегосударственное право для защиты своих инициатив от посягательства со стороны властей штатов. Выступая в роли защитника и гаранта прав местного самоуправления, федеральные власти, таким образом, несколько ограничивают возможный произвол в данной области со стороны субъектов федерации.

Опыт функционирования российского местного самоуправления к настоящему времени выявил основные недостатки двух базовых моделей его организации. «Так, «поселенческая» модель, предполагающая

¹ Шамшур О. В. Государственная политика в сфере этнорасовых отношений в городах США (70–80-е годы XX в.) // Очерки по культурной антропологии американского города. — М., 1997. С. 30.

² C. Wright Mills. The Power Elite. — Oxford University Press, 1997. P. 30.

³ Russell Hanson. Governing Partners: State-Local Relations in the United States. — Boulder, Colorado: Westview Press, 1998. P. 5.

создание множества мелких муниципальных образований, затрудняет решение всего круга вопросов местного значения, ослабляет финансовую базу местного самоуправления, не обеспечивает комплексного территориального развития, отдаляет органы местного самоуправления от государственной власти и затрудняет контроль за их функционированием со стороны государства. Лишенная этих недостатков «районная» модель, в рамках которой создаются достаточно крупные муниципальные образования, в свою очередь, отдаляет местную власть от населения, ограничивает

возможности гражданского участия, затрудняет самостоятельное решение вопросов непосредственного жизнеобеспечения отдельных населенных пунктов.

Подводя итоги, можно заключить, что учет зарубежного и отечественного опыта самоуправления в настоящее время позволит выработать синтетический подход к территориальной организации местного самоуправления в Российской Федерации, который соединит преимущества различных моделей и будет соответствовать заданным Конституцией и современной социально-экономической ситуацией требованиям.

ЗДОРОВЬЕСБЕРЕЖЕНИЕ КАК ПРИОРИТЕТ ДЛЯ ЭФФЕКТИВНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

*КНЯЗЕВ С. Н.,
ГАНЧЕРЕНОК И. И.,
ЛОСЕВА И. И.,
РАФИКОВА А. Р.*

Князев Станислав Никифорович — доктор юридических наук, профессор, ректор Академии управления при Президенте Республики Беларусь (г. Минск).

Ганчеренок Игорь Иванович — доктор физико-математических наук, профессор, проректор Академии управления при Президенте Республики Беларусь (г. Минск).

Лосева Ирина Ивановна — кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой физической культуры Академии управления при Президенте Республики Беларусь (г. Минск).

Рафикова Алена Робертовна — кандидат педагогических наук, доцент, заместитель заведующей кафедрой физической культуры Академии управления при Президенте Республики Беларусь (г. Минск).

В последнее время все большее внимание в обществе приобретает проблема энергосбережения. Эта проблема глобальна как по своей значимости для конкретного государства, особенно не обладающего достаточными природными источниками энергии, так и для устойчивого и комфортного развития всего человеческого сообщества. Однако, на наш взгляд, не менее значимой является и проблема здоровьесбережения, но уже в национальном контексте — эффективного управления государством. Именно на этот аспект, зачастую игнорируемый либо опосредованно учитываемый в теории государственного управления¹, мы и обращаем внимание в нашей статье.

Для сложившейся демографической ситуации в Республике Беларусь представляется актуальным не только рассматривать ее с позиций рождаемости и смертности, но и с позиций сохранения здоровья трудоспособного населения. Демографическая нагрузка на трудоспособное население продолжает увеличиваться за счет лиц пожилого возраста, и, по

¹ Шамхалов Ф. Теория государственного управления. — М., 2002.

мнению экспертов, в ближайшем будущем может возникнуть ситуация, когда в республике лиц пенсионного возраста станет больше, чем молодежи. В этой связи вычленение и исследование такой категории, как профессиональное здоровье, представляет особую значимость, поскольку потери трудового потенциала связаны с ростом заболеваний людей в трудоспособном возрасте. Рост только сердечно-сосудистых заболеваний, часто сопровождающихся потерей трудоспособности, а иногда и жизни (55% в структуре общей смертности), в последнее время ведет к значительному экономическому ущербу для государства.

Термин «профессиональное здоровье», впервые прозвучавший в докладе В. М. Бехтерева в 1905 г., характеризует способность организма человека сохранять защитные свойства, обеспечивающие его работоспособность в условиях осуществления профессиональной деятельности. Личностный фактор влияния на здоровье занимает первую позицию в определении ВОЗ, выделившей: 50% — образ жизни человека, 20–25% — генофонд, 20–25% — внешние условия (состояние окружающей среды), 10–15% — медицинские условия. Сохранение профессионального здоровья так же, как и здоровья в целом, детерминировано личностными установками. В Республике Беларусь Президентом А. Лука-

шенко поставлена задача формирования ценностной установки здоровья как фактора, влияющего на успешность профессиональной деятельности, так же, как и ценностной установки на качественное образование для исключения генерации «здоровых калек»¹. Ощутим недостаток в фундаментальных, научно обоснованных и прикладных работах, представляющих инновационные подходы и методы формирования мотивации трудоспособного населения к ведению здорового образа жизни как основы сохранения профессионального здоровья. Количество научных публикаций по данной проблеме весьма ограничено. *Нам представляется, что необходима более значимая приоритизация этого направления, в том числе и в рамках межгосударственных научных программ.*

Для взрослых (как для детей и молодежи) нужны осознаваемые побудительные мотивы к изучению и соблюдению норм здорового образа жизни (ЗОЖ). Как показывают наши исследования, взгляды на сущность здоровья у взрослых существенно не отличаются от тех, которые отмечены у молодежи. Взрослые люди часто также не осознают, насколько уже утрачено здоровье, так как не обладают информацией о том, что является критерием его оценки. Это и вызывает трудности при формировании ЗОЖ. На аналогичные проблемы,

¹ Кадры управления в современных условиях: Материалы постоянно действующего семинара руководящих работников республиканских и местных государственных органов. — Минск, 2004.

встречающиеся в практике обучения ЗОЖ студенческой молодежи, указывают ряд авторов, выделяя среди причин: часто встречающееся безразличное отношение и недостаточную личную ответственность за свое здоровье, непонимание значения здоровья, переоценка своего здоровья, физических и психических возможностей, недостаточный уровень общего развития и культуры, в том числе и валеологической¹.

Анализ литературы показывает, что в последнее время активно, но достаточно локально предлагаются различные педагогические технологии, виды деятельности, направленные на сохранение здоровья, в основном детей и молодежи. Идет интенсивный анализ практического опыта, но так и не решен вопрос о том, кто должен непосредственно заниматься этой проблемой и что должна содержать профессиональная подготовка специалиста, способного организовать и возглавить профилактическую деятельность по сохранению здоровья². Междисциплинарность взаимодействия в решении этой проблемы остается декларативной. Разделение валеологии на педагогическую и меди-

цинскую привело к целому ряду противоречий. Отсутствие взаимодействия между преподавателями физической культуры (на которых традиционно возложены проблемы формирования ЗОЖ), связывающих это понятие только с двигательной активностью, участием в спортивно-массовых мероприятиях, и врачами, отстаивающими валеологию как сугубо медицинскую науку (без учета педагогического, социального, психологического аспектов), существенно ослабляет эффективность решения проблемы. «Оставляя» валеологию за медицинской, следует отметить, что и внутри медицинского академического сообщества нет единых взглядов на сущность валеологии, вплоть до полного ее отрицания как науки. Так, в Российской Федерации до настоящего времени не разработан государственный образовательный стандарт для подготовки специалиста с высшим медицинским образованием по специальности «Валеология» (квалификация врач-валеолог), а педагогическая специальность «Валеология» (квалификация педагог-валеолог) изъята из классификатора.

- ¹ Лавриненко Г. В. Научно-методические подходы к обучению студентов здоровому образу жизни / Здоровый образ жизни как одно из приоритетных направлений государственной политики: Материалы межвуз. научн.-практ. конференции. Минск, 20 апреля 2006 г. МВД Республики Беларусь, Академия МВД. — Минск, 2006. С. 17.
- ² Татарникова Л. Г. Валеология в педагогическом пространстве. — СПб., 1999; Овчаров Е. А., Радионова Л. В. Гигиеническая и валеологическая практика в ходе подготовки специалистов // Здравоохранение РФ. 2000. № 3; Ганчеренок И. И., Рафикова А. Р. К валеологической модели системы управленческих кадров // Кіраванне у адукацыі (Беларусь). 2007. № 1. С. 3–10; Зайцев Г. К. Валеолого-педагогические основы обеспечения здоровья человека в системе образования: Автореф. дисс. ... д. пед. наук. — СПб., 1998.

Т. М. Резер в своей работе¹ также указывает на неоднозначность трактовки валеологического образования. Происходит либо совмещение педагогического и медицинского компонентов в понятии «валеология», либо их взаимоотношительное противопоставление. Так, Г. К. Зайцев считает, что основу валеологического компонента педагогического образования составляет медицинский, а не педагогический аспект². Однако медицинские работники, исследуя причины низкого уровня состояния здоровья учащихся, чаще анализируют санитарно-гигиенический компонент, а не клинико-педагогический, учитывающий особенности психосоматического развития индивида и личности учащегося. Именно в отсутствии интеграции медицинского и педагогического подходов видятся основные противоречия и трудности комплексного разрешения проблемы здоровьесбережения населения. Т. М. Резер видит решение проблемы в реализации проекта начального профессионального медицинского образования для детей школьного возраста в рамках общеобразовательного процесса. Обучение учащихся допрофессиональному и начальному профессиональному медицинскому образованию, по мнению автора, на основе личностно ориентированных технологий в обучении будет способствовать выполнению социального заказа и удовлетворения потребно-

стей личности в здоровьесбережении. Использование этих технологий в обучении здоровьесбережению и здоровому образу жизни направлено на самоопределение, самореализацию школьника на основе его внутренней профессиональной мотивации.

Однако говоря о здоровом образе жизни как элементе культуры общества, нельзя ограничиться только рамками образовательных компонентов по сохранению здоровья для отдельных категорий, для школьников или, по аналогии, для студенческой молодежи, и трудно уповать на «самореализацию школьника на основе его внутренней профессиональной мотивации», если она ничем не подкреплена.

Определение культуры как образа жизни, передаваемого по наследству от поколения к поколению, культивируемого в западной литературе, представляется нам приемлемым к бытовой, повседневной, материально наблюдаемой и проявляющейся в поведении и общении людей культуре. Как же обстоит дело с передачей культуры здорового образа жизни от поколения к поколению у нас? Очевидно, наш образ жизни передается и воспроизводится новыми поколениями. Но можно ли считать культурой содержание передаваемого? Следует ли этот образ жизни передавать от поколения к поколению в неизменном виде? Представляется, что

¹ Резер Т. М. Медико-биологический подход к организации здоровьесберегающей деятельности // Педагогика. 2006. № 5. С. 29–37.

² Зайцев Г. К. Указ. соч.

нет. Тогда можно ли сформировать культуру здорового поведения у взрослых? Можно, и это надо делать в первую очередь. *Из кого может быть сформирована среда здорового образа жизни для детей? Из взрослых.* Отсюда происходит и наше видение решения проблемы в Академии управления при Президенте Республики Беларусь.

Формирование индивидуальной культуры члена общества определяется общественным сознанием. Сознание имеет три основных уровня — бытийный, рефлексивный и духовный (В. П. Зинченко). Именно бытийный уровень сознания проявляется в общении и поведении людей и является наблюдаемым. По современным данным, бессознательное определяет до 92–98% поведения человека. Бытийный уровень сознания — базовый, он усваивается в детстве бессознательно и соблюдается бессознательно. Воспитание культурного, интеллигентного человека — результат «культуры раннего детства» (В. В. Виноградов). Рефлексивное сознание формируется в течение жизни путем изучения, обучения, передачи знаний, размышлений над действительностью, поведением окружающих и своим поведением. Духовный уровень сознания достигается в обществе единицами. Проблема заключается в том, что индивид и общество в целом могут иметь определенный уровень рефлексивного сознания, усвоить некоторые ценности на уровне рефлексии, обсуждать их, декларировать и приветствовать, но при этом сохранять прежнее традиционное бытийное сознание,

прежнее поведение. Так и происходит с категорией здоровья. Виртуально, по-видимому, 100% людей хотят иметь хорошее здоровье, декларируют заботу о нем, однако на практике отмечается глубокое несоответствие между желанием иметь хорошее здоровье и реальными усилиями, направленными на его сохранение. *Отмечен факт, что при выборе приоритетов население (как молодые, так и взрослые люди), ставя на первое место заботу о здоровье, здоровому образу жизни отводят лишь 15-ю позицию.*

Необходимо создание здоровой бытовой среды для ребенка, его постоянное участие в повседневных ритуалах здорового образа жизни. Поэтому формирование здорового образа жизни как детей, так и взрослых, как элемента культуры общества должно осуществляться на рефлексивной основе, начиная с бытийного уровня, но обязательно подкрепляться «организационными мероприятиями». А откуда должны исходить эти «организационные мероприятия»?

Представляется, что для формирования культуры здорового образа жизни в современном государстве, по крайней мере постсоветского пространства, нужно определенное «управленческое принуждение». Требуется концентрация усилий на формирование общественного мнения в пользу провозглашения здоровья национальной ценностью, а стиль здорового поведения — культурной ценностью. И эти усилия должны быть направлены в первую очередь со стороны руководящего звена системы государственного управления.

В этой связи очень важным является вопрос: а в состоянии ли люди, обеспечивающие власть, поддерживать эти идеи, если сами не будут в достаточной мере здоровыми и не смогут служить проводниками идей здорового образа жизни в массы? И здесь уместно затронуть два аспекта проблемы сохранения профессионального здоровья населения.

Во-первых, менталитет нашего общества определяет, что побудительной основой решения в жизни людей тех или иных вопросов часто является законодательная форма реализации, вырабатываемая управленческими органами. Своевременность, успешность и грамотность реализации административных актов зависят от того, насколько сами управленцы открыты к решению этих проблем, насколько приоритетна для них ценность здоровья населения. Мотивированность повышается, если руководитель оценивает здоровье населения через призму личных пристрастий к вопросам здоровья и здорового образа жизни. Например, сами управленцы одним из вариантов формирования здорового образа жизни для себя предлагают бесплатную выдачу ежемесячно абонементов в фитнес-залы или бассейны, ссылаясь на то, что если уж администрация выдала, то не ходить будет невозможно, тогда как самостоятельность выбора этих занятий всегда будет ограничена нехваткой времени, ленью или экономией денежных средств «из своего кармана».

Во-вторых, ответственность нанимателя за причиненный ущерб

здоровью работника и принятие мер по проведению мероприятий по охране здоровья в соответствии с требованиями санитарных норм и правил, действующих на территории Республики Беларусь, ставят вопрос: а в состоянии ли современный работодатель (руководитель) позаботиться о своем собственном здоровье и здоровье своего подчиненного персонала и тем самым предотвратить возникновение профессиональных заболеваний?

Анализ причин снижения уровня профессионального здоровья самих работников системы государственного управления показал, что как раз те личностные установки, которые являются определяющими для влияния на здоровье большинства и сохранение собственного здоровья у большинства обследованных руководителей (N = 720) не активизированы. Отмечено несоответствие между потребностями руководителей в здоровье и усилиями, направленными на его сохранение и укрепление, низкая мотивированность на сохранение здоровья. Это обусловлено, с одной стороны, отсутствием четкой регламентации в инструктивных документах по критерию профессионального здоровья при оценке профпригодности к руководящей должности, с другой стороны, часто личным неудовлетворительным уровнем валеологической образованности и валеологической культуры в целом.

Таким образом, появляется проблема *примера* для широких слоев населения, создания эталонного слоя здоровых, ведущих здоровый образ жизни, успешных в обществе

людей — прежде всего, в лице руководителей вплоть до главы государства.

Значение формирования культуры здорового образа жизни у взрослых как рефлексии, лежащей в основе сохранения здоровья детей, подтверждается при анализе возрастной динамики мотивации к рациональной двигательной активности как элемента здорового образа жизни. Результаты исследования показывают, что на стадии формирования личности в детском возрасте говорить об осознании ими необходимости вести здоровый образ жизни ради поддержания здоровья не приходится. Это проблемы мотивации родителей, так как в дошкольном возрасте занятия посещаются детьми с присутствием родителей. Продолжительность занятий (прекращение посещения секции ребенком по причине проблем взрослых: «нет времени водить», «не хочется занимать выходной день», «не вижу ожидаемого эффекта от занятий» и т. д.), а также выбор вида занятия (коньки, гимнастика, танцы и т. п.) часто продиктовано субъективным решением родителей в зависимости от их мотиваций и предпочтений. На рис. 1 представлены предпочтения родителей при организации спортивного досуга детей.

Не все из выбранных родителями видов спорта дети воспринимают с удовольствием и сохраняют к ним стойкий интерес в будущем. Однако у большинства опрошенных молодых людей, с раннего детства занимающихся каким-либо видом спорта, стойкая привычка к занятиям, мотивация, как правило, сохраняются и

в последующей жизни. Меняться могут пристрастия. Мотивы выбора вида мышечной активности, например, у студентов первого курса, вчерашних школьников, уже меньше зависят от мнения родителей и определяются в большей степени доступностью достижения в них спортивных результатов (рис. 2 на с. 34).

Игровые виды выходят на первое место, заменяя индивидуальные, где маленький ребенок может проявить себя легче. Поддержание интереса к занятиям является задачей, на основе которой решаются все остальные. И если у дошкольников спортивные интересы зависели от интереса родителей к тем или иным видам спорта, то у школьников уже появляется выбор вида спорта, где и проявляется начинающая формироваться мотивация. Со здоровым образом жизни ее увязать пока едва возможно, а вот с выражением своих интересов — вполне определено. К моменту окончания школы личность школьника до индивидуальной степени различия сформирована, однако наиболее завершенными оказываются спортивные интересы, так как возраст начала занятий видами спорта приходится на школьные годы. Лишь небольшой процент взрослых людей отметил, что впервые начал заниматься физическими упражнениями после окончания школы (рис. 3 на с. 34).

Основной запас движений уже получен. Степень использования полученных знаний, умений и двигательных навыков зависит от мотивации, целевых установок. Отмечено, что если основной мотив родите-

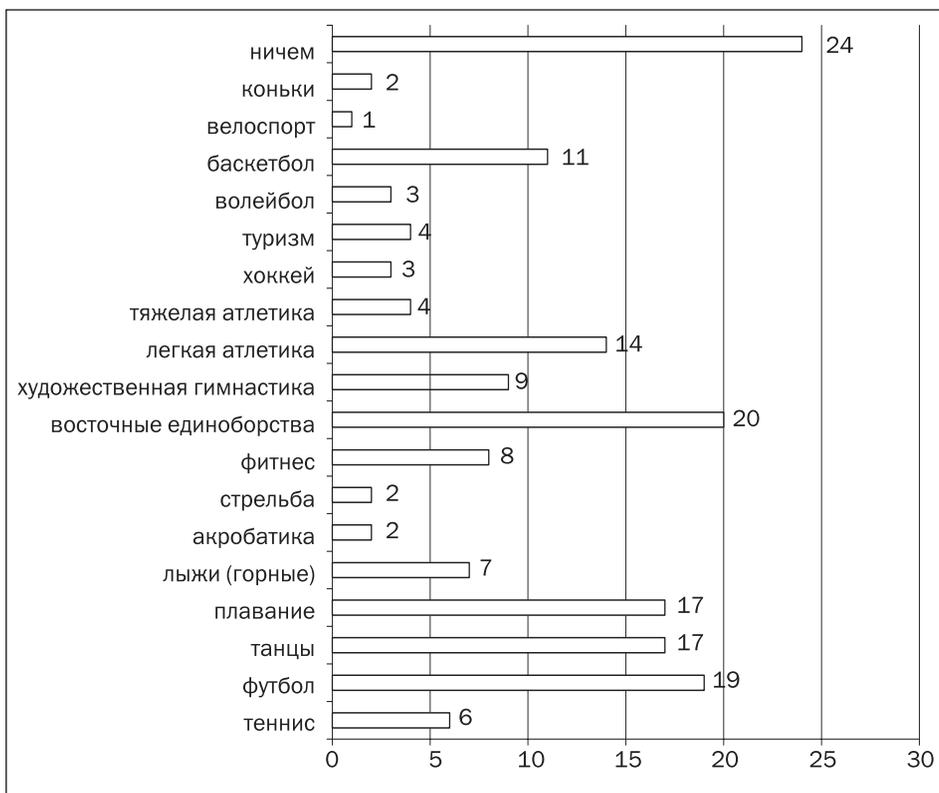

Рис. 1. Современные спортивные предпочтения родителей при организации досуга детей (%)

лей при организации спортивного досуга своих детей формулируется как «в целях оздоровления», то уже осознанный мотив занятий физическими упражнениями самих подростков или молодежи, например, в возрасте 16–17 лет, как правило, не связан с оздоровительным эффектом. Виды спорта, избираемые выпускниками школ, основаны в основном на желании выделиться в среде своих сверстников.

Объективно оценивать состояние своего здоровья, а также фиксировать связь между состоянием здоровья и ведением здорового образа жизни хотя бы фрагментарно с регулярными занятиями физическими упражнениями не только школьники, но и студенты не в состоянии. Дальнейшие исследования показали, что и взрослые люди, даже имеющие высшее образование, также не всегда могут это сделать. Большинство

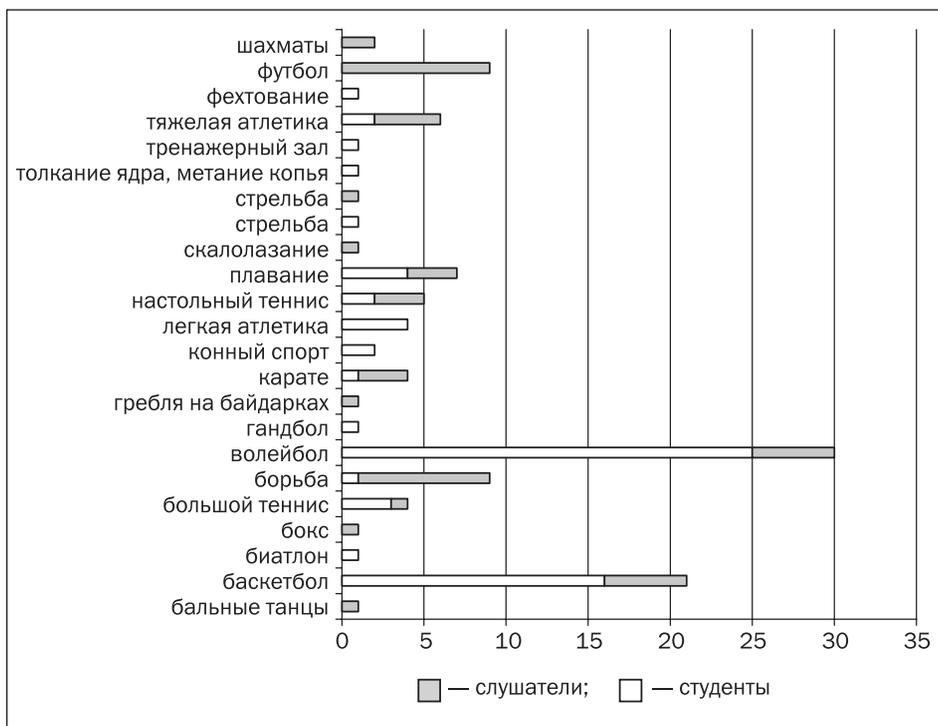

Рис. 2. Спортивные предпочтения студентов 1-го курса (%)

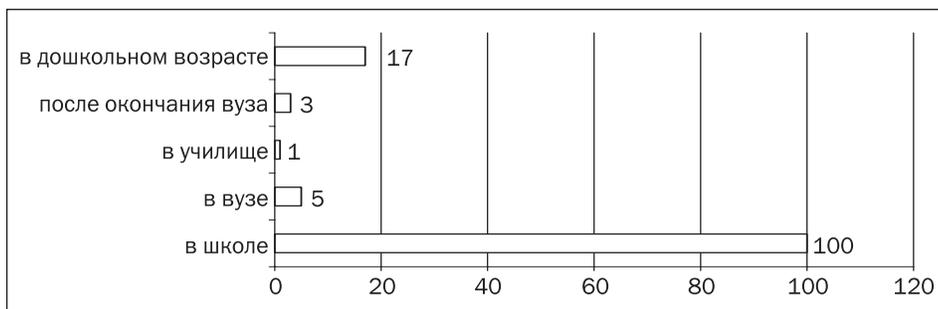

Рис. 3. Возрастные периоды начала спортивных занятий (%)

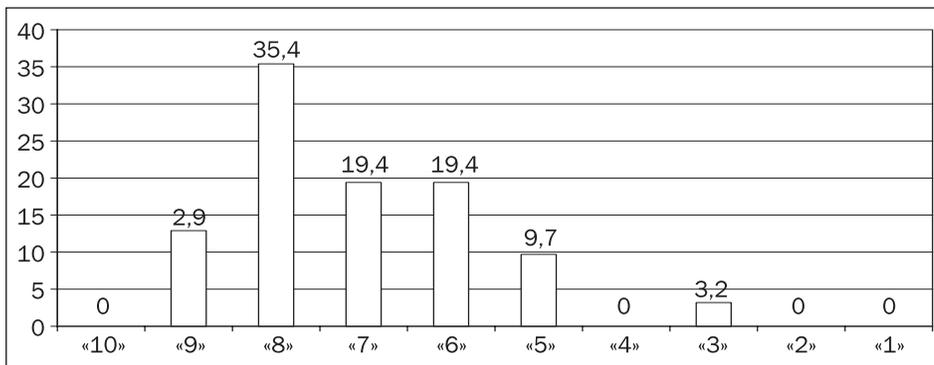

Рис. 4. Показатели самооценки студентами состояния здоровья (%)

придерживается мнения о том, что здоровье — это отсутствие болезней, не связывая это понятие ни с работоспособностью, ни с нервно-психическим состоянием, ни с адаптацией к условиям внешней среды, в том числе профессиональной деятельности, не имея знаний по критериальным значениям функциональных показателей, отличающим здорового человека от больного.

Студентам Академии управления было предложено оценить уровень своего здоровья по десятибалльной шкале (рис. 4).

Полученные результаты свидетельствуют, что очень многие имеют завышенное представление о своем здоровье, не основанное на объективных показателях. Однако в студенческом возрасте, особенно на старших курсах, уже начинает отмечаться забота о своем здоровье как отражении внешнего вида, выражающаяся в попытках контролировать его, в основном по показателям

веса. И можно констатировать, что к 19–20 годам молодые люди хотя бы теоретически отмечают связь здоровья с образом жизни и двигательной активностью (рис. 5 на с. 36).

Как видно из рис. 6 (на с. 36), именно взрослые начинают контролировать параметры своего здоровья осознанно, опираясь на объективные данные.

Однако выбор параметров контроля часто детерминируется психологическим аспектом. Например, показатели массы тела взрослые не очень «любят» отслеживать, поскольку это может нести негативную неприятную информацию, которую лучше не знать, «чтобы не расстраиваться». А то, что показатель веса напрямую связан с показателями артериального давления, которое приходится отслеживать, поскольку у большинства имеются уже проблемы с системой кровообращения, практически не учитывается.

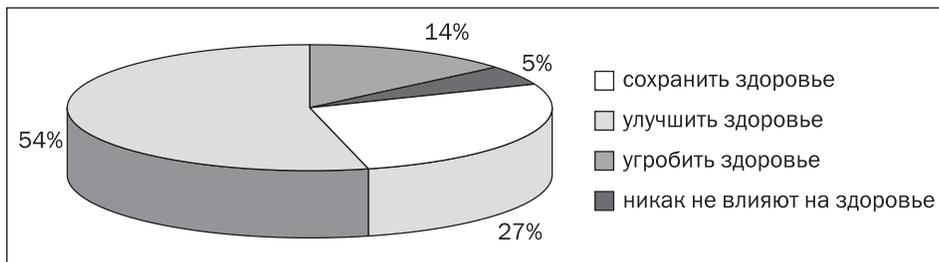

Рис. 5. Оценка студентами влияния занятий физической культурой на состояние здоровья

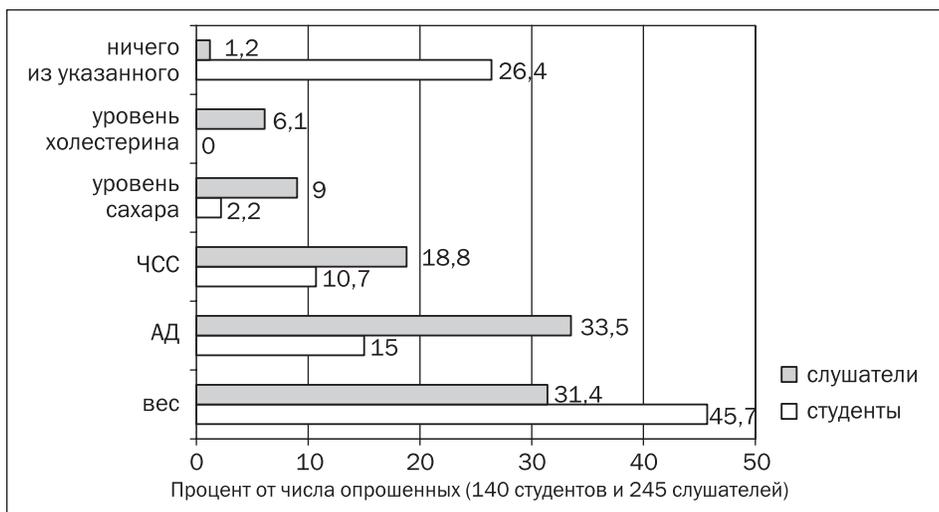

Рис. 6. Сравнительные показатели лиц из числа молодежи и взрослых, контролирующие некоторые показатели состояния здоровья

Информация о неудовлетворительном состоянии соматического (текущего) здоровья, функциональных показателей, физической подготовленности, с которой знакомятся слушатели на лекциях по здоровьесбережению, по наблюдению авторов, считается неприятной те-

мой для обсуждения, а у некоторых вызывает неадекватно откровенно негативную или несерьезную «смешливую» реакцию, что является не чем иным, как формой защиты. Вычерчивается такой замкнутый круг: уровень валеологической образованности и валеологической культуры в

целом остается низким, поскольку не подкреплен мотивами личности, сформированными в процессе ее эволюции в обществе, а отсутствие мотивации, в свою очередь, связано с недостаточной валеологической образованностью и культурой.

При этом, на наш взгляд, мотивация к здоровьесбережению должна иметь не только медицинский, но и педагогический, и социально-экономический аспект, поскольку служит для оценки жизненного и трудового потенциала страны, влияния фактора здоровья на производительность труда и, наоборот, влияния факторов профессии на здоровье человека. Вызывает сожаление тот факт, что формирование мотивации к ведению здорового образа жизни как основы сохранения профессионального здоровья и, как следствие, сохранения трудового потенциала страны мы пытаемся осуществить без внесения кардинальных изменений, излишне лояльно, в отрыве от реальности жизни, от образовательных процессов, споря и ссорясь, кто и как должен это делать.

На вопрос «какая кафедра на протяжении обучения в вузе дает вам сведения о сохранении здоровья?» 55% выпускников ответили «кафедра физической культуры», 5% — «кафедра социологии», 5% — «кафедра психологии», 35% — «никакая кафедра». На вопрос «откуда черпаются сведения о здоровье?» 52% указали на источники СМИ, а на вопрос о желании научиться заботиться о своем здоровье 96% респондентов ответили положительно. Мнения о целесообразности вве-

дения предмета по здоровьесбережению в учебный процесс разделились: у юношей практически поровну (55% «за» и 45% «против»), у девушек, менее склонных испытывать страх перед дополнительной учебной нагрузкой, соответственно, 68% «за» и 32% «против». Взрослые указывают практически те же источники информации, подтверждая, что следовые эффекты живого общения, личного примера живут дольше: слова лектора, запавшие в память со студенческой скамьи, беседы с тренером в школьные годы (табл. 1 на с. 38), что еще раз подчеркивает, что личность формирующего мотивацию, его профессиональная компетентность имеют определяющее значение. С другой стороны, в ответах нет очень важного слова — «родители» — ни у взрослых, ни у теперешней молодежи, чьи родители и являются эти взрослые. Иными словами, пример наших родителей мы потом повторяем сами, будучи родителями. И можно утверждать, что на современном этапе в нашей республике роль семьи в формировании валеологических знаний, мотивации к ЗОЖ, выражена недостаточно.

Подытоживая сказанное, отметим следующее. Динамика мотивации к здоровому образу жизни в возрастном аспекте не однозначна. Она похожа на круг, отправной (неосознанной) и конечной (осознанной) точкой которого является забота о здоровье. Но на промежуточных этапах эта связь, не подкрепленная валеологическим образованием, общественным поощрением, служебной необходимостью, законодательной

Таблица 1
Результаты опроса слушателей об источниках информации
по здоровьесбережению

Варианты ответов	% ответов
1. В высшем учебном заведении	53,6
2. Нигде	5,7
3. В средствах массовой информации	20,0
4. Чтение научно-методической и специальной литературы	18,6
5. От инструктора зала, где посещаю занятия	8,6
6. От тренера, занимаясь в школьные годы	38,6

основой, примером со стороны непосредственного руководства, родителей теряется, и мотивация к здоровому образу жизни, сохранению здоровья ослабевает.

Для формирования соответствующей адекватной культуры в настоящее время необходимы:

- 1) дальнейшая направленная мотивация всех слоев общества к усвоению культуры здорового образа жизни, сохранения здоровья, в том числе и через личный пример руководящих кадров;
- 2) управленческие меры, обеспечивающие общественные и государственные требования (на уровне квалификационных характеристик и аттестационных критериев) к сохранению здоровья и ведению здорового образа жизни;
- 3) организационно-образовательные формы приобретения соот-

ветствующих знаний по здоровьесбережению, в том числе с позиций приложения к профессиональной деятельности, особенно включая управленческую деятельность и подготовку квалифицированных специалистов по валеологическому образованию населения всех возрастных категорий, образованию с элементами преемственности (от дошкольного до андрологического уровня) и междисциплинарного взаимодействия. Другими словами — образование для эффективной профессиональной деятельности на основе здорового образа жизни¹;

- 4) проведение фундаментальных и прикладных профильных научных исследований в рамках межгосударственных научных программ.

¹ Ганчеренок И. И. Вступительное слово к конференции / Здоровый образ жизни — основа профессионального и творческого долголетия: Материалы и доклады конференции. — Минск, 2007. С. 3–4.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНЫМ РАЗВИТИЕМ УКРАИНЫ

Коротич Е. Б.

В настоящее время Украина находится на пути интеграции в мировую экономику. Стремление к партнерским отношениям в Европейском Союзе обуславливает необходимость ускорения социально-экономического развития, демократизации государственной власти и создания гражданского общества. При этом будущее Украины во многом зависит от уровня и перспектив развития ее регионов, создания условий для наращивания экономического потенциала территориальных комплексов и внедрения действенного механизма государственного управления региональным развитием.

Разработка такого механизма должна опираться на достаточное теоретико-методологическое основание, на результаты исследований многих современных ученых, уделяющих внимание проблемам построения эффективной системы государственного управления и решающих вопросы обеспечения сбалансированного развития регионов Украины. Теоретическим исследованиям в области государственного управления посвящены фундаментальные работы В. Б. Аверьянова, Г. В. Атаманчука, В. Д. Бакуменко, В. М. Князева, В. А. Козбаненко, И. Б. Колиушко, В. М. Мартыненко, О. А. Машкова, А. Ф. Мельник, Н. Р. Нижник, О. Ю. Оболенского, В. В. Токовенко, В. В. Цветкова и других ученых. Весомый вклад в формирование представлений об управлении регионами Украины, региональном развитии, основах разработки и

Коротич Елена Борисовна — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры государственного управления и менеджмента Харьковского регионального института государственного управления Национальной академии государственного управления при Президенте Украины (г. Харьков).

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ
КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

39

4/2007

осуществления региональной политики внесли такие ученые, как Г. В. Балабанов, З. С. Варналий, С. Г. Галуза, З. В. Герасимчук, А. П. Голиков, М. И. Долишний, Л. М. Зайцева, В. Ю. Керецман, В. В. Мамонова, Ю. Наврузов, В. И. Павлов, В. А. Поповкин, С. А. Романюк, В. К. Симоненко, Н. Г. Чумаченко.

Углубленный анализ исследований, представленных в работах вышеназванных и многих других известных ученых, стал основой для дальнейшего научного поиска в области теории государственного управления и регионального развития. Целью данной статьи является тезисное представление некоторых наработок автора в данном направлении развития современной науки, в частности, в ней рассматриваются вопросы совершенствования понятийного аппарата, разграничения и взаимосвязи ряда терминов, связанных с государственным управлением региональным развитием.

Прежде всего, следует остановиться на таких понятиях, как «государственное управление» и «управление государством». Государственное управление является целенаправленной деятельностью по управлению социально-территориальным комплексом страны, которое в демократическом государстве должно сознательно осуществляться всеми органами государственной власти (законодательной, исполнительной и судебной) от лица и в интересах всего населения этого государства. Понятие «управление государством» следует рассматривать как включающее в себя государ-

ственное управление. Управление государством осуществляется не только органами государственной власти, но и системой местного самоуправления, отдельными общинами, партиями, движениями, организациями или их союзами и т. п. исходя, соответственно, из государственных интересов, интересов общин разных уровней, партийных, корпоративных и других интересов.

В составе государственных механизмов управления целесообразно выделить конкретные государственные механизмы управления, механизмы осуществления процесса государственного управления, а также механизмы формирования и взаимодействия составляющих системы государственного управления. Каждый конкретный государственный механизм управления представляет собой совокупность взаимосогласованных методов управления, посредством использования которых осуществляется практическое влияние государства на общественную жизнедеятельность людей для обеспечения достижения конкретной цели, которая будет оказывать содействие развитию страны в избранном стратегическом направлении с соблюдением ряда определяющих принципов. В соответствии с набором методов управления, которые входят в состав конкретных государственных механизмов управления, предлагается разделить их на административные (организационно-распорядительные), правовые, экономические, политические, социально-психологические, морально-этические и комплексные механизмы управления.

Механизмы осуществления процесса государственного управления можно разделить в зависимости от того, органы какой ветви государственной власти (законодательной, исполнительной или судебной) в нем задействованы в качестве субъектов управления. В условиях Украины также целесообразно выделить механизм осуществления государственного управления Президентом Украины и его Секретариатом.

Механизмы формирования и взаимодействия составляющих системы государственного управления дают возможность исследовать процессы создания разных систем государственного управления в историческом аспекте (включая изменения взаимоотношений между отдельными элементами) и подробно рассмотреть системы государственного управления в каждом государстве как с точки зрения их первичного формирования, проведения системных изменений, так и в отношении текущего назначения или выборов новых представителей власти. Поскольку механизмы осуществления процесса государственного управления и механизмы формирования и взаимодействия составляющих системы государственного управления касаются государственного управления в целом, для их обозначения может применяться общий термин «механизмы государственного управления»¹.

Наиболее широким понятием является термин «механизмы управления государством», так как кроме государственных механизмов управления, посредством которых реализуется государственная власть, к нему относится ряд негосударственных механизмов, среди которых можно выделить, например, самоуправленческие, партийные, конфессиональные, связанные с бизнесом и, к сожалению, коррупционные механизмы целенаправленного влияния на развитие государства. Кроме того, в состав механизмов управления государством входит значительный спектр механизмов взаимодействия отдельных подсистем управления государством.

Понятие «регион» можно определить как конкретное территориальное пространство, которое отличается комплексом характеристик и признаков, позволяющих выделить эту территорию как субнациональную социально-экономическую подсистему государства. В составе характеристик региона целесообразно выделить такие характеристики, как состояние экономики и окружающей среды, природные условия, состав и движение населения (в том числе трудовых ресурсов), этническое происхождение населения, культурные традиции и исторические особенности.

Для признания территории регионом предлагается система признаков,

¹ Коротич О. Б. Державне управління регіональним розвитком України. — Х.: Вид-во ХарПІ НАДУ «Магістр», 2006. С. 29.

которые могут быть условно разделены на обязательные (единство, комплексность, специализация, относительная самостоятельность, действие одного круга нормативно-правовой базы, внутренняя неоднородность) и желательные (четкая очерченность границ, управляемость, дееспособность). В настоящее время в Украине этим признакам в наибольшей мере соответствуют области, Автономная Республика Крым, а также города Киев и Севастополь, имеющие согласно Конституции Украины специальный статус¹.

Государственное региональное управление следует рассматривать как совокупность государственного управления целостным социально-экономическим территориальным комплексом государства в пространственном аспекте и государственного управления каждым отдельным регионом. В условиях роста экономики страны государственное региональное управление по праву может быть обозначено термином «государственное управление региональным развитием», включающим в себя государственное управление региональным развитием всего государства и государственное управление развитием регионов.

Действенный механизм государственного управления в Украине должен быть построен с учетом существенного расхождения в уровнях социально-экономического развития ее регионов. В настоящее время часть регионов Украины имеет валовую добавленную стоимость в расчете на одного жителя, превышающую (иногда довольно значительно) среднее для страны значение, при этом остальные регионы (составляющие преимущественное большинство) его не достигают. Так, в Киеве валовая добавленная стоимость на одного жителя более чем в 3 раза превышает среднее значение, при этом в Донецкой области валовая добавленная стоимость в расчете на одного жителя составила 133,5% от среднего уровня, в Полтавской — 121,6%, в Днепропетровской — 118,4%, а в Запорожской — 111,3%. Вдвое меньше среднего по Украине значения валовой добавленной стоимости в расчете на одного жителя имеют Тернопольская (48,3%) и Черновицкая (49,3%) области, низкие показатели также в Закарпатской (58,3%), Житомирской (60,5%) и Херсонской (62,5%) областях².

В то же время следует отметить, что значительного увеличения диф-

¹ Конституція України: Прийнята на п'ятій сесії Верховної Ради України 28 червня 1996 року із змінами, внесеними законом України від 8 грудня 2004 року № 2222-IV. Ст. 133. — К.: Видавничий дім «Скіф», 2006.

² Рассчитано по: Статистичний щорічник України за 2005 рік / За ред. О. Г. Осауленка; відп. за випуск В. А. Головно. — К.: Консультант, 2006. С. 47.

³ См.: Коротич О. Б. Стратегія державного управління регіональним розвитком України // Теорія та практика державного управління: Зб. наук. праць. — Х.: Вид-во ХарPI

ференциации между достижениями отдельных регионов Украины за последние 10 лет не наблюдается³, за исключением резкого скачка в динамике валовой добавленной стоимости по г. Киеву в 2001 г.¹ Наиболее показательным в данном случае является соотношение валовой добавленной стоимости, приходящейся на одного жителя в г. Киеве, и минимального значения этого показателя среди остальных регионов, которое с 2,68 в 1996 г. выросло до 6,58 раза. Следовательно, наибольшая дифференциация среди регионов Украины в отношении валовой добавленной стоимости наблюдается между г. Киевом и остальными административными регионами страны.

Построение механизма государственного управления региональным развитием должно преду-

сматривать создание общих правил функционирования регионов. Такой механизм должен стимулировать усилия каждого региона к эффективному использованию имеющихся ресурсов, инноваций, наращиванию собственного потенциала, ежегодному росту жизненного уровня населения с ориентацией на долгосрочную перспективу. Наименее развитым регионам должно быть выгодно выйти из категории проблемных и перейти от дотаций к максимальному использованию собственных достижений. Кроме того, важным принципом построения механизма государственного управления региональным развитием может быть отчисление дотационным регионам такой доли, чтобы сильные регионы не утратили стимулов к собственному развитию.

НАДУ «Магістр», 2007. № 1 (16). С. 48.; Статистичний щорічник України за 2001 рік / За ред. О. Г. Осауленка; Відп. за випуск В. А. Головка. — К.: Техніка, 2002. С. 50.; Статистичний щорічник України за 2005 рік... С. 47.

¹ Коротич О. Б. Державне управління регіональним розвитком України... С. 42.

КОРПОРАТИВИЗМ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЕГО РАЗВИТИЯ

Васецкий А. А.

Современные корпорации, как показывает опыт, превращаются в весомый экономический и политический институт, основу которого составляет корпоративный капитал, используемый не только для выражения защиты группового экономического интереса, но и в целях участия во власти. С. П. Перегудов определяет корпорацию как «крупное акционерное образование с весомым промышленным компонентом. Она может принимать форму вертикально-интегрированной компании, управляемого из общего центра холдинга, интегрированной финансово-промышленной группы, ТНК и т. д.»¹.

Становление корпораций как главных носителей крупных форм собственности является одним из важнейших факторов демократизации страны. Обладая разнообразным арсеналом ресурсов, современными политическими технологиями, они не в меньшей, а порой даже в большей степени влияют на политические процессы современной России, чем партии, общественно-политические движения, союзы, ассоциации и т. п.

В соответствии с этим политический корпоративизм наиболее точно определен Э. Хейвудом как включение интересов различных экономических групп в процессы государственного управления².

Васецкий Андрей Анатольевич — кандидат философских наук, проректор — директор Института дополнительного образования государственных и муниципальных служащих СЗАГС.

¹ Перегудов С. П. Крупная российская корпорация в системе власти // Полис. 2001. № 3. С. 16.

² Хейвуд Э. Политология. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. С. 341.

Стоит вспомнить, что тема роли корпоративизма в формировании политического режима не чужда истории политической жизни России и рассматривалась в трудах русского политического мыслителя И. А. Ильина.

Разрабатывая концепцию государства, Ильин особое внимание уделяет теории о формах государственного устройства. В работе «О монархии и республике» он выделил 2 принципа государственного устройства: учреждения и корпорации. Ильин не приемлет политические крайности и подчеркивает двойственную природу государственного устройства. Он доказывает, что в развитии любого государства проявляются в той или иной степени корпоративные и учредительные тенденции. Государство как корпорация, разъясняет Ильин, основывается на равноправии своих членов, объединенных «в единую организацию по своей свободной воле». Корпорация «строится снизу вверх; она основывает все на голосовании». Государство как учреждение «строится не снизу, а сверху», здесь наличествуют отношения «повеления — подчинения». Учреждение, пишет Ильин, «строится по принципу опеки над заинтересованными людьми». Народ в таком государстве «не управляет собою и не распоряжается, а воспитывается, опекается и повинуется»¹. Идеал

«корпоративного государства», отмечает Ильин, отстаивают сторонники «формальной демократии», а «сторонники тоталитарного строя», продолжает он, «убеждены, что государство тем лучше организовано, чем последовательнее всякое самоуправление исключено и подавлено, чем больше государство превращено в учреждение»².

Абсолютизация идеалов государственного строя как корпорации или учреждения, по убеждению Ильина, равно недопустима: в первом случае «погаснет всякая власть» и наступит «анархия», а во втором — «погаснет всякая человеческая самодеятельность», исчезнет «свобода личности и духа», наступит «каторга». Но анархия, заключает он, «не лечится каторгой», а каторга «не оздоравливается анархией: это безумие. Спасителен только третий путь»³. Все это означает, продолжает отечественный мыслитель, «что современные крайности (формальной демократии и тоталитарного режима) являются нездоровыми заблуждениями. Государство в своем здоровом осуществлении всегда совмещает в себе черты корпорации с чертами учреждения: оно строится — и сверху, и снизу, и по принципу властной опеки, и по принципу самоуправления»⁴.

Как видим, в качестве главного критерия Ильиным выдвигается не абстрактная форма правления

¹ Ильин И. А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. Статьи 1948–1954 гг. — М.: МП «Рарог», 1992. С. 85–86.

² Там же. С. 86.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 87.

(монархия или республика), которая может наполняться разным содержанием, а представления о государственном (политическом) режиме и правовом статусе личности. Для Ильина государство, по сути, должно быть народно-самоуправляющейся организацией, основывающейся на духовно зрелой личности гражданина, на множестве индивидуальных правосознаний в их взаимосвязи (т. е. корпорацией). Ильин предвидел ту огромную политическую роль, которую играют корпорации в современных государствах.

Современная экономика, однако, сложна и неоднородна по своей структуре. Она включает крупные, средние и мелкие предприятия, сосредоточенные между государственной, смешанной, корпоративной, индивидуально-частной формами собственности. Это весьма сложная, разнообразная по видам концентрации и централизации собственности и производства структура. Рынок регулируется сразу с нескольких сторон — государством, корпорациями и большим количеством организационно разрозненных предпринимателей. В силу определенных причин малый и средний бизнес в России не достиг такого уровня развития, когда он смог бы активно влиять на политические процессы в стране.

Можно говорить о том, что та часть бизнес-сообщества нашей страны, которую составляет среднее предпринимательство, представлена сегодня преимущественно категорией лиц, имеющих в советский период отношение к руководящим работникам — директо-

рам предприятий, чиновникам, впоследствии ставших основными владельцами средних и небольших производств. В 1991–1993 гг. эти лидеры советского периода пытались оказывать определенное влияние на расстановку политических сил, объединяясь в различные союзы: Лигу оборонных предприятий, РСПП, Федерацию товаропроизводителей и др. Складывалось впечатление, что это были реальные силы, и новая власть способствовала неограниченному повышению окладов, присвоению этими лицами целых предприятий, тем самым делая реальные шаги по привлечению их на свою сторону. С этого момента проявилась разобщенность этого социального слоя, так как была утрачена общность интересов, сплоченность его представителей.

Что касается позиций малого предпринимательства по отношению к власти, то они выглядят наиболее уязвимыми. Дело в том, что изначально российские реформаторы рассматривали в качестве главного системообразующего объекта преобразований крупное производство, а в качестве главной арены политической борьбы — верхние эшелоны власти без образования широкого демократического движения, ориентированного на создание социального рыночного хозяйства. В результате объективно оказался выполненным социальный заказ бывшей хозяйственной элиты на быструю капитализацию собственности, ранее не имевшей рыночной стоимости.

Власть сегодня пытается проводить политику поддержки малого

бизнеса — экономической основы существования среднего класса. Разработана нормативно-правовая база предпринимательства. Государство предпринимает усилия по созданию эффективной работоспособной инфраструктуры поддержки малого бизнеса. Разработаны государственные программы его поддержки.

Поскольку малое предпринимательство оказывается наиболее экономически уязвимым слоем, постольку формы его взаимодействия с властью наиболее аморфны и неразвиты.

Иная ситуация складывается с крупным бизнесом. Он не только сформировался в качестве политического субъекта, но и стал определяющим элементом современного политического режима. Поэтому его исследование «необходимо дополнить более широким, институциональным подходом, при котором главное внимание сосредоточивается на анализе не столько “олигархов”, сколько тех корпоративных образований, от имени которых они выступают»¹.

Осмысление особенностей политизации деятельности корпоративных образований, их взаимоотношений с властными структурами в современной России позволяет более точно и объективно рассматривать предпринимательские структуры в качестве новых субъектов политического процесса.

Эта проблема важна для современной России в политическом

смысле, так как участие корпоративных образований в общественно-политической жизни приводит к перераспределению объемов политической власти, а глубокие преобразования в социально-политической сфере способны изменить качество политики, методы ее реализации.

Основной интерес корпоративных образований лежит в экономической сфере — это борьба за ресурсы и их перераспределение. Но реализация этого интереса в современных условиях связана с влиянием, которое корпоративные образования оказывают на органы власти и управления и процесс принятия политических решений в целом. «Чем выше зависимость народного хозяйства страны или региона от результатов деятельности данной корпорации, тем больше у нее возможностей влиять на политическую власть и принимаемые ею решения. Для современной России, которая держится сегодня “на плаву” благодаря сравнительно узким секторам экономики, этот момент имеет особое значение»². Проблема участия корпораций в политике настолько сложна, что было бы упрощением сказать, что органы, олицетворяющие политическую власть, в нынешней ситуации зависимы от корпоративных образований и не свободны в выборе тех или иных решений. Тем не менее эта зависимость настолько значительна, что приходится признавать, что «формирование политической власти,

¹ Перегудов С. П. Указ. соч. С. 16.

² Там же.

свободной и относительно свободной от влияния на нее со стороны узкокорпоративных и эгоистических интересов олигархических группировок, возможно лишь как очень длительный процесс, которому должны будут сопутствовать иные процессы — не менее длительные и трудные с учетом необходимости разрыва системы жесткой взаимобусловленности и участия бизнеса в политическом процессе, становление реальной многопартийности, формирование национально-ориентированной политической культуры, прежде всего культуры правящей элиты»¹.

Во все времена прогресс в любом обществе происходил за счет аккумуляции, обогащения и творческого развития прошлого опыта индивидуальной деятельности, деятельности корпоративных органов. Объединение предприятий, действующих в рыночной экономике, происходило и происходит ради смягчения разрушительной конкуренции. При конкуренции между средними и мелкими предприятиями для выигрыша бывает достаточно весьма небольшого преимущества, которое может достигаться незаконными путями и носить случайный характер. Положение мелких и средних предприятий в конкурентной среде нельзя считать устойчивым.

Несколько иначе конкурируют крупные корпорации. Им, чтобы вы-

играть в конкурентной борьбе, требуются весьма значительные преимущества либо в объеме дополнительного капитала, либо в виде значимых технологических или организационных новшеств. Когда каждая корпорация стремится к прочному положению в экономике, то все корпорации вынуждены придерживаться схожих стратегий в таких областях, как техника производства, диверсификация и качество продукции, поведение на рынке. Экономика в целом оказывается в относительно устойчивом состоянии, насколько сглаживается цикличность экономической конъюнктуры, а схожесть стратегий обостряет конкуренцию между корпорациями. Стремясь к упрочению своего положения, корпорации заинтересованы в завоевании различных сфер экономики.

Наибольшее распространение понятие «корпорация» получило для обозначения организованных экономических групп, имеющих профессиональный интерес. «Основное назначение корпораций состоит в создании так называемой многомерной экономики, в которой формы собственности носят подчиненный характер. Под многомерностью подразумевается диверсификация форм собственности, гибкая структура экономики с перетоками управляющих воздействий от государства к корпорации и аутсайдерам»². Такая корпорация является, прежде всего, экономическим

¹ Лифанов А. В. Актуальные проблемы политической науки и современной политической практики: Вопросы и ответы. — Новосибирск: СибАГС, 2005. С. 49.

² Аврех Г. Нужны ли России крупные предприятия? // Россия XXI. 1993. № 4. С. 82.

институтом и является объектом исследования экономической науки. Современные экономические корпорации обладают реальной экономической властью.

М. Вебер в эпоху зарождения современных экономических корпораций квалифицирует их как «социально-экономические» организации. Д. Гэлбрейт пишет о них как об «источниках власти», и не только экономической. П. Друкер рассматривает крупную корпорацию как организацию, выполняющую экономические, социальные и политические функции. Концепция корпоративизма явилась реакцией на трудности, возникшие в процессе осуществления кейнсианской модели государственного регулирования экономики и плюралистической политики.

Современная корпорация — экономический институт, обладающий сложной внутренней структурой и вступающий помимо экономических отношений в другие виды отношений (политические, социальные).

Большинство корпораций, кроме своих основных функций, выполняют еще и другие функции, вступают в отношения с различными социальными группами, вовлекают их в процесс удовлетворения своего профессионального интереса, преобразуясь и трансформируясь при этом сами. Поэтому можно говорить о корпорации как об образовании, для которого характерны сложная внут-

ренняя структура, внешние связи, а также экономическая, политическая, социальная, идеологическая функции. Именно о корпоративных образованиях идет речь, когда упоминаются такие понятия, как «финансово-промышленные группы», «финансово-промышленные конгломераты», «финансово-промышленные кланы», «финансово-правительственные группы» и т. п.

Особенно значительный вклад в развитие теории корпоративизма внесли Ф. Шмиттер, Г. Лембрух, Р. Пал и Дж. Винклер¹.

Согласно Ф. Шмиттеру, корпоративизм — это «система представительства интересов, составные части которой организованы в несколько особых, принудительных, неконкурентных, иерархически упорядоченных, функционально различных разрядов, официально признанных или разрешенных (а то и просто созданных) государством, наделяющим их монополией на представительство в своей области в обмен на известный контроль за подбором лидеров и артикуляцией требований и приверженностей»². В основе корпоративизма лежит идея интеграции и агрегации потенциально вовлеченных акторов с целью внедрения институционально регулирующего механизма решения конфликтов по поводу распределения.

Вследствие этого уместно рассматривать корпоративное образование

¹ См.: Стрелец И. Корпоративизм и его влияние на развитие современного общества // Бизнес и политика. 1996. № 1. С. 48.

² Шмиттер Ф. Неокорпоративизм // Полис. 1997. № 2. С. 18.

как экономический, социальный и политический феномен, как коллективный субъект управления и выделять факторы политической институционализации деятельности корпоративных образований (политические отношения с органами государственной власти и участие в выборах в органы государственной власти, политические отношения с партиями, общественно-политическими организациями, лоббистскими группами, взаимодействиями со СМИ и т. п.) и их влияние на политические процессы.

Корпорации имеют свою классификацию и структуру. По видам основной человеческой деятельности их можно разделить на экономические, социальные, культурные. Корпоративные образования можно подразделить на формальные (получившие юридическое оформление) и неформальные (не получившие такого оформления). В зависимости от уровня власти, с которым взаимодействуют корпоративные образования, можно выделить корпоративные образования макро-, мезо-, микроуровня. Корпоративные образования можно классифицировать также по силе влияния на государственные органы и принимаемые ими решения.

Корпоративным образованиям присущи признаки заинтересованных групп, однако непосредственно заинтересованными группами, в политическом контексте этого термина, они не являются. Функция

группы интересов является для них не единственной и даже, как правило, не основной. «Корпорация относится к категории так называемых институциональных групп интересов, конституирующих общественно-политическую систему. В то же время в отличие от ряда других образований подобного типа (министерства, ведомства, в т. ч. военные, местные и региональные бюрократии и т. д.) корпорации, как правило, не могут эффективно выполнять свои непосредственные (в данном случае — экономические) функции, если не выступают одновременно в качестве групп давления»¹.

Главная сфера интересов корпоративных образований — профессиональная. Даже для самых политизированных экономических корпоративных образований их главная сфера деятельности — производственная, коммерческая, финансовая.

Основной смысл взаимодействия корпоративных образований с органами государственной власти сводится к тому, чтобы обеспечить наиболее благоприятные условия профессиональной деятельности корпоративных образований в целях их развития. Успешное лоббирование решений, принимаемых органами государственной власти в своих интересах, позволяет повысить эффективность профессиональной деятельности корпораций. Кроме того, корпоративные образования могут воздействовать и на структуру гражданского общества.

¹ Перегудов С. П. Указ. соч. С. 18.

Это воздействие «влияет на политическое поведение и позиции лиц, непосредственно формулирующих и артикулирующих требования корпорации к властям, ибо понятно, что решения последних могут сказаться как на социально-трудовых отношениях внутри самой корпорации, так и на ситуации в городе, регионе и в стране в целом»¹. Смысл участия в политических процессах — в повышении эффективности профессиональной деятельности. При этом стоит отметить, что успешное лоббирование решений, принимаемых органами государственной власти в своих интересах, позволяет извлекать корпоративным образованиям дополнительную экономическую прибыль без расширения производства. Другими словами, прибыль можно получать не только экономической, но и политической деятельностью. Можно говорить о политическом производстве экономической прибыли.

Величина, количество и направление «векторов взаимодействия» определяют основные параметры национальной специфической модели корпоративизма.

Корпоративизм определяли как идеологию, как разновидность политической культуры или государственного устройства, как форму организации экономики, как особый тип общества. Наиболее продуктивен подход, в рамках которого корпоративизм рассматривается как один из

возможных механизмов, позволяющих ассоциациям интересов (семьям, фирмам, локальным сообществам, группам, корпоративным образованиям) взаимодействовать со своими членами и разнообразными контрагентами (в первую очередь, органами государственной власти).

Корпоративные образования являются важнейшей частью системы функционального представительства интересов. Они имеют сложную структуру, располагают ресурсами, технологиями для воздействия на процесс принятия политических решений. Анализ форм, способов, уровней, интенсивности, объема и результатов политизации деятельности корпораций позволяет выявить реальную роль корпоративных образований в политических процессах.

В последние десятилетия в России наиболее активно формируются системы взаимодействия корпораций и органов государственной власти, опровергая распространенное представление о том, что в новейшей российской истории впервые реально появились две противостоящие силы, которые могут стать относительно независимыми. Одна — это государственная власть, опирающаяся на право узаконенного насилия, другая — власть денег. Они не могут найти мирного разрешения конфликтов между собой по той причине, что нет принятых правил игры².

¹ Перегудов С. П. Указ. соч. С. 17.

² Заборенко А. С. Власть, бизнес и гражданское общество в современной России: условия возможного консенсуса / Политическая наука и государственная власть в Российской Федерации и Новых независимых Государствах: Сб. науч. ст. — Екатеринбург: Институт философии УрО РАН, 2004. С. 275.

В России отношения между государственными органами и крупными корпоративными образованиями исторически очень развиты. Современные преобразования, нацеленные на формирование разнообразных форм собственности и хозяйствования на основе рыночных механизмов регулирования экономики, усложнили систему взаимоотношений корпоративных образований и властных органов и способствовали многообразию их форм. Корпоративизм и система отношений договорного характера и сегодня остаются ведущим типом отношений для России.

Для понимания характерных черт корпоративных образований в России в настоящее время необходимо проследить, как трансформировались за последние десятилетия сами корпорации, а также как развивались их взаимоотношения с политическими институтами, прежде всего с государственными органами, и выделить, таким образом, несколько этапов их эволюции:

1. Советский этап «бюрократического корпоративизма» (до конца 1980 гг.);
2. Переходный этап (конец 1980 – середина 1990 гг.);
3. Этап «олигархического корпоративизма» (середина 1990 гг. – настоящее время).

На первом этапе доминирующей моделью представительства интересов в СССР был бюрократический корпоративизм, базировавшийся на тесном взаимодействии партийно-государственных верхов и корпоративных образований и представ-

лявший собой одну из разновидностей государственного корпоративизма. «Социалистический» корпоративизм не только функционировал под контролем и руководством государства, но и практически не выходил за государственные рамки. Его главной особенностью является, с одной стороны, «руководящая и направляющая» роль партийно-советских верхов, а с другой — засилье бюрократически организованных интересов, навязывавших этим верхам и правила игры, и конкретные хозяйственно-политические решения. «Торг» между корпоративными образованиями и политическим руководством определялся заданными идеологическими и политическими параметрами, а достигнутые договоренности оформлялись либо в виде планов, либо тех или иных конкретных решений.

Наибольшим влиянием в СССР пользовались те корпоративные образования, которые функционировали на приоритетных направлениях партийно-государственной стратегии (ВПК, отраслевые ведомства тяжелой промышленности, капитального строительства и т. п.).

На втором этапе коренное преобразование советского общества затронуло прочно сложившиеся взаимоотношения между корпоративными образованиями и политической системой общества. Изменения в правовой сфере положили начало созданию рыночной инфраструктуры, формированию новых и трансформации существующих корпоративных образований. Модель взаимоотношений корпоративных

образований и трансформирующихся государственных органов обретает новую специфическую форму. Но и на этом этапе источниками формирования новой российской элиты стали наиболее устойчивые структуры общества: государственный аппарат, силовые ведомства, промышленные корпорации, этнические организации и криминалитет. На всех уровнях власти — федеральном, региональном, местном — сегодня доминируют представители или выходцы из данных структур. Поэтому российскую элиту трудно отнести к определенному типу: меритократическому, классовому, сословному, номенклатурному и т. п.¹

Именно на этом этапе корпоративные образования обрели новое качество и заняли особое положение как в экономике, так и в политике. Их экономические интересы вошли в резкое противоречие с господством государственной собственности. Разрешить это противоречие можно было только с помощью государства, путем изменения права собственности. Отсюда проистекало резкое усиление деятельности корпоративных образований с целью кардинальных изменений условий хозяйствования, разгосударствления и перераспределения госсобственности, получения прав на занятие конкретной деятельностью, льготных кредитов, лицензий, квот, государственных заказов и т. п.

Российская модель принятия политических и государственных решений, имеющая исторические корни и в значительной мере определяемая деятельностью органов исполнительной власти, обусловила формирование тенденции тесного взаимодействия представителей крупных корпоративных образований с органами государственной власти. В новой модели интенсифицируется процесс политизации деятельности корпоративных образований во взаимодействии с политической элитой, называемой номенклатурой. Главное в номенклатуре — власть. Благодаря власти она активно и определяющим образом участвует в политическом управлении обществом. Как господствующий класс, теряющий свои позиции, она стремится стать имущим классом. Номенклатура стремится сохранить свою господствующую роль в другой форме. Происходит эффективный обмен властных полномочий на собственность. На первое место выходят имущественные отношения. С переходом к рыночной экономике номенклатурная элита интенсивно меняет партийно-карьерный способ существования на имущественно-наследственный, обуславливая тем самым тенденцию взаимной заинтересованности в тесных отношениях с корпорациями. «Власть пока “главнее” собственности, хотя все в большей мере перетекает в нее»².

¹ Кулинченко А. В. Политические партии и развитие демократии: опыт России и Германии // Полис. 2004. № 2. С. 165.

² Там же.

На третьем этапе по мере углубления процесса разгосударствления собственности, ее концентрации и установления контроля над финансовыми и материальными ресурсами со стороны корпоративных образований степень их политического влияния заметно возрастает. «Власть подверглась сильному давлению со стороны оформившегося и набравшего вес бизнеса. В этих условиях корпоративизм складывался в своей «олигархической» разновидности, когда реальную власть пыталась перехватить узкая группа быстро обогатившихся наиболее крупных собственников»¹. Совокупная влияние корпоративных образований становится настолько высокой, что позволяет оформиться в стране временным коалициям крупных корпоративных образований, которые, имея своих представителей в госаппарате, начинают приобретать черты олигархии. В результате наиболее значимая часть взаимоотношений корпоративных образований с государством перемещается в узкое социальное пространство, свободное от институциональных ограничений. Центральное место в нем занимают неформальные связи на высшем уровне. Утверждается «корпоративно-олигархический» тип согласования интересов.

Главным фактором, определившим развитие современных тенденций во взаимоотношениях государ-

ства и крупных корпоративных образований, стало интенсивное сращивание политической власти и крупного капитала при распределении государственной собственности и последующим переделом рынка. Для этого используется ряд формализованных процедур (инвестиционные конкурсы и залоговые аукционы, доверительное управление пакетами акций, находящихся в собственности государства (трастовые договоры), система уполномоченных банков и т. п.).

Мало того, выявление и исследование новых тенденций «проникновения» в представительные и исполнительные органы власти (в первую очередь — в Федеральное Собрание и Правительство РФ) руководящего звена формальных и неформальных корпораций позволяет сформулировать черты качественно нового этапа во взаимоотношениях политической власти и крупных корпоративных образований. Влияние на политические процессы и установление «правил игры» определяется уже не только через «своих» представителей в органах власти и управления, но и при непосредственном участии самих первых лиц корпоративных образований.

Специфика взаимодействия корпоративных образований и государства определяется следующими факторами: характером самих корпоративных образований, историческими и

¹ Темижева З. Э. Корпоративизм в теории и практике России / Актуальные проблемы политики и политологии в России: Сб. ст. / Под общ. ред. В. С. Комаровского. — М.: РАГС, 2003. С. 74.

культурными традициями, экономическими, социально-политическими условиями (конкретно — характером политической системы), в рамках которых они функционируют. Отмеченные и раскрытые тенденции становления взаимоотношений между государством и корпорациями в России состоят в усилении влияния корпоративных образований при одновременном ослаблении (при наличии острой потребности усиления) роли государства.

Корпоративные образования в России существенно отличаются от корпораций, существующих в странах со сложившейся рыночной экономикой, прежде всего той значительной ролью, которую они играют в общественно-политической жизни страны. Государство вообще не может быть свободно от воздействия корпоративных интересов. Однако в современном российском государстве роль корпоративных образований принимает гипертрофированную форму, и, что важно, государство само заинтересовано в поддержании тесных отношений с корпоративными образованиями. К настоящему моменту можно выделить следующие сложившиеся корпоративные структуры: газовая, нефтяная, энергетическая, металлургическая, коммерческо-предпринимательская, банковская, автомобильная, аграрная. Безусловно, первое место с большим отрывом занимают структуры топливно-энергетического комплекса.

Среди особенностей современных российских корпоративных образований и их политических отношений с государством можно выделить наиболее характерные: исторически обусловленная роль корпораций в современном политическом процессе; обладание ими ресурсами, сопоставимыми с государственными (информационные, финансовые и др.); вовлечение представителей высших эшелонов власти в передел собственности и контроль над ней, т. е. реализация своих интересов посредством бюрократического аппарата через перераспределение государственной собственности в свою пользу или в пользу «уполномоченных». При этом наблюдается минимум формализации и прозрачности, склонность к закрытым формам воздействия на принятие политических решений, высокая роль межличностных отношений (личные, деловые и дружеские связи, политический торг, коррупция), отсутствие равных для всех возможностей. Так, вопрос о собственности оказывается вовсе не решенным в современных условиях.

Предприниматели на встрече с Президентом в Торгово-промышленной палате заявили, что «необходим запрет пересмотра, если собственность приобретена по законам, действовавшим на момент сделки, пусть плохим законам, но действовавшим»¹. Отсутствие солидаристских целей или идей, реализуемых в

¹ Путин пообещал: национализации не будет. Но только для тех, кто «вел себя правильно» // Известия. 2003. 24 декабря.

процессе взаимодействия корпоративных образований и власти, побуждает добиваться использования сиюминутной конъюнктуры для своих сугубо эгоистических целей. Под давлением государственной власти предприниматели готовы брать на себя дополнительные социальные обязательства, но только под встречные гарантии государства¹.

Заинтересованность государственных органов в тесных отношениях с корпоративными образованиями; содействие госчиновников приращению и сосредоточению в руках крупнейших корпоративных образований подавляющей массы ресурсов собственности; сравнительно узкая база эффективного и конкурентоспособного предпринимательства, а следовательно, и налогообложения, толкает к подобной логике действий.

Политическая необеспеченность существования предпринимательских структур вынуждает их на открытое соперничество между корпоративными образованиями за ресурс «большой власти».

В настоящее время в России ключевое положение занимают корпоративные образования, сформировавшиеся на основе госбюрократии, имеющие доступ к высшему руководству государства и возможность оказывать влияние на весь комплекс и все уровни принятия решений.

Корпоративные образования обладают информационными воз-

можностями, включающими в себя как собственные средства массовой информации, так и обширные связи с ними.

Активное и массированное проникновение корпоративных образований в СМИ свидетельствует о том, что возможность влиять на общественное мнение через контролируемые или «дружественные» СМИ воспринимается руководителями корпоративных образований как очень важный ресурс, вполне сопоставимый по своему весу с привилегированными отношениями с органами государственной власти и управления. Контроль над каналами коммуникации и вместе с тем манипуляция потоком информации позволяет проводить собственную информационную политику (порой без учета интересов общества) и помогает корпоративным образованиям:

- воздействовать на политическую власть и политическую элиту через собственные каналы;
- формировать выгодное для себя общественное мнение при принятии властями тех или иных стратегических решений (часто через механизм общественного недовольства);
- лоббировать собственные интересы в государственных структурах;
- дискредитировать коммерческих и политических противников;
- приводить к власти и поддерживать на федеральном, регио-

¹ Путин пообещал: национализации не будет. Но только для тех, кто «вел себя правильно» // Известия. 2003. 24 декабря.

нальном и местных уровнях людей, способных обеспечивать корпоративным образованиям необходимые для развития условия;

- устанавливать привилегированные взаимоотношения с перспективными политическими лидерами, в том числе с потенциальными участниками выборов и пр.

Наибольшего успеха в борьбе за овладение информационным рынком добились крупные корпоративные образования макроуровня, раньше других начавшие взаимодействовать со СМИ. «В наше время стало обычным признавать, что невозможно предпринять никакого политического действия без поддержки общественного мнения. Политические отношения перестали быть просто игрой правителей, они требуют одобрения общественного мнения. В этом отношении различия между демократическим и другими режимами уже стираются. Диктатор принужден постоянно взывать к общественному мнению, опираться на него и манипулировать им таким образом, чтобы создать у всех впечатление, что он никогда не действует иначе как в соответствии с требованиями и желаниями людей. Точно так же демократическое правительство оказывается совершенно парализованным, если оно не контролирует посредством пропаганды общественное мнение, от которого зависит»¹.

Что же это за группы? Каковы их признаки? «Типичная российская финансовая группа имеет следующие особенности. Во главе ее обычно стоят банк и финансовая держательская компания — холдинг. В нее входит несколько промышленных компаний — либо одной, либо нескольких отраслей, а также торговые и сервисные предприятия. Промышленные предприятия, входящие в группу, организованы в форме акционерных компаний закрытого или открытого типа. Финансовая группа, как правило, связана личной унией с правительством, то есть имеет своих представителей в правительстве или в составе своего руководства бывших высоких правительственных чиновников. Финансовые группы борются между собой за контроль над наиболее лакомыми кусочками бывшего общенародного пирога и в то же время связаны переплетающейся сетью взаимных финансовых участия. Группа контролирует то или иное СМИ — газету, журнал, телевизионный канал»².

Степень контроля и нынешняя конфигурация рынка СМИ неустойчивы, зависят от многих факторов. Среди них одним из наиболее существенных следует считать устойчивость как самих корпоративных образований, так и их ресурсов (в том числе политических).

Таким образом, мы видим, что корпорация является специфическим

¹ Эллюль Ж. Политическая иллюзия. — М.: Nota Bene, 2003. С. 178.

² Гусейнов В. А. От Ельцина к...? Хроника тайной борьбы. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1999. С. 202–203.

субъектом современной политической системы, а также носителем глобальных экономических интересов, которые в то же время трансформируются и выражаются как политические. Будучи явлением крупного бизнеса, она аккумулирует в себе не только интересы среднего и мелкого бизнеса, но и значительных групп населения и гражданского общества, благоденствие которых зависит от благополучия головной корпорации. Эти особенности делают корпорации ведущими субъектами политического процесса. В то же время необеспеченность корпораций институциональными атрибутами, несовершенство механизмов политической институционализации провоцирует их на борьбу за несвойственные им политические

функции государственной власти, что приводит к уродливым формам симбиоза власти и бизнеса или к войне между ними. Даже отсутствие легитимности принадлежащей корпорации собственности делает политические риски абсолютно неприемлемыми для корпораций и вынуждает их бороться за монополию на политическую власть. Так властные функции переходят от государственных структур к экономическим¹. Демократизация общества в таких условиях оказывается более чем проблематичной. Выходом из такой ситуации может быть только создание и укрепление механизмов политической институционализации корпораций и предпринимательства в целом.

¹ Белоусов А. Б. Актеры в дискретной модели лоббистской коммуникации // Политическая наука и государственная власть... С. 236.

К ВОПРОСУ О РЕФОРМЕ ОСНОВНОГО ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ЗАКОНА

*Овчинников В. А.,
Таровик С. С.*

Овчинников Валентин Алексеевич — кандидат юридических наук, кандидат технических наук, доцент кафедры государственного и международного права Северо-Западной академии государственной службы.

Таровик Светлана Сергеевна — аспирант Северо-Западной академии государственной службы.

Главной темой острой политической дискуссии осени 2006 г. стал проект Федерального закона Российской Федерации № 308197-4 «О внесении изменений в Федеральные законы “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации” и Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» (об устранении внутренних противоречий и отдельных пробелов в регулировании избирательного процесса, установлении новых оснований отказа в регистрации кандидата (списков кандидатов), отмены и аннулирования регистрации кандидата (списков кандидатов)), внесенный депутатами Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации А. М. Бабаковым, П. Ю. Ворониным, М. В. Емельяновым, А. Д. Жуковым, И. В. Лебедевым, В. А. Овсянниковым, Е. Ю. Соломатиним.

Указанный проект был внесен в Государственную Думу Федерального Собрания РФ 09 июня 2006 г., а 8 июля 2006 г. проект был принят Государственной Думой Федерального Собрания РФ в первом чтении¹. Далее в повестке заседания Совета Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 14 ноября

¹ Постановление Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 8 июля 2006 г. № 3419-IV ГД // Информационная система «Консультант плюс».

2006 г. данный проект был назначен к рассмотрению во втором чтении на заседании Государственной Думы 15 ноября 2006 г., по итогам которого он был принят¹; также было принято решение Совета Государственной Думы Федерального Собрания РФ о направлении законопроекта и его материалов Президенту РФ, Совету Федерации Федерального Собрания РФ, Правительству РФ, депутатам Государственной Думы Федерального Собрания РФ². 17 ноября 2006 г. проект был принят в третьем чтении³ на заседании Государственной Думы Федерального Собрания РФ в окончательной редакции⁴. В свою очередь Совет Федерации Федерального Собрания РФ одобрил рассматриваемый законопроект 24 ноября 2006 г.⁵, а уже 5 декабря 2006 г. проект был подписан Президентом России⁶. 7 декабря 2006 г. документ был опубликован и вступил в силу с момента публикации⁷.

На протяжении всего пути последовательного прохождения рассматриваемым проектом стадий

законодательного процесса его сопровождали шквал критических замечаний, масса разнообразных политических дискуссий, а также множество полярных оценок в средствах массовой информации. Например, 8 июля 2006 г. (в день принятия Государственной Думой ФС РФ законопроекта в первом чтении) на канале РИА Новости сообщалось о предложении А. Вешнякова снять проект с рассмотрения (кроме того, 06.07.2006 г. также предлагалось обсудить проект с экспертами и доработать), не вводить досрочное голосование и необоснованные требования к документам, которые должны представлять кандидаты в избирательные комиссии. Рассматриваемая тема была развита 13 июля 2006 г. в публикации «Миссия Вешнякова» И. Мильштейна, которая подробно осветила позицию главы ЦИК РФ в прениях: «1. В досрочном голосовании нет нужды: уехавший за границу гражданин всегда может взять открепительное удостоверение; 2. Положение о ненадлежащем оформлении

1 Постановление Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 15 ноября 2006 г. № 3721-IV ГД // Информационная система «Консультант плюс».

2 Паспорт проекта Федерального закона «О внесении изменений в Федеральные законы «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ» и ГПК РФ» № 308197-4 // Информационная система «Консультант плюс».

3 Постановление Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 17 ноября 2006 г. № 3734-IV ГД // Информационная система «Консультант плюс».

4 Паспорт указанного проекта № 308197-4.

5 Постановление Совета Федерации Федерального Собрания РФ от 24 ноября 2006 г. № 383-СФ // Информационная система «Консультант плюс».

6 Паспорт указанного проекта № 308197-4.

7 Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ» и ГПК РФ» от 05 декабря 2006 г. № 225-ФЗ // Российская газета. 2006. 7 декабря. № 4241.

документов необоснованны, а «если бы действовал отказ в регистрации за недоверенность и неполноту данных, то Государственная Дума опустела бы наполовину»; 3. Норма об экстремизме юридически безграмотна: «если человек экстремист, его надо сажать в тюрьму, а не снимать с выборов»; 4. Нельзя снимать с выборов «всю партию, если один из ее членов уличен в каком-нибудь разжигании, так как не может партия в целом отвечать за кандидата»; позицию выступавшего после Александра Альбертовича в прениях представителя Президента в Государственной Думе А. Косопкина: «Мы не разделяем драматизма некоторых выступавших», а также заявленную в прениях позицию А. Митрофанова: «Это нужно, чтобы создать, наконец, системные партии: две или три, как в Америке...»¹. Автор цитируемой статьи считает, что «поправки более всего нужны для того, чтобы лишний раз унизить оппозицию, причем унизить чисто символически, сняв с пробега тех же Лимонова или Касьянова, заранее зная, что шансов у них нет»². Более мягко прокомментированы поправки, вызвавшие грандиозный ажиотаж, в статье Т. Шкель «ЦИК отретепирует выборы в Думу» от 31 августа 2006 г., а именно: «1. ЦИК не нравится, что представители партии «Единая Россия» возвращают досрочное голосование,

которое, по опыту ЦИКа, сопровождается серьезными фальсификациями; 2. Александр Вешняков 30 августа 2006 г. сказал журналистам, что принятые в первом чтении парламентским большинством поправки требуют осмысления и корректировки: «разумное следует оставить, неразумное убрать»; 3. Глава Центризбиркома заявил: «Мы готовы сотрудничать с «Единой Россией» ради укрепления демократической системы, а не наоборот»³. Однако главным отличием статьи Т. Шкель и ее основным достоинством является не эмоциональное, а детальное освещение концепции рассматриваемого законопроекта: «1. Принятый в последний день перед летними каникулами Думой в первом чтении законопроект ставит новые препятствия на пути партий и отдельно взятых кандидатов на пути к власти по признакам экстремизма; 2. В праве быть избранным в органы государственной власти и местного самоуправления предполагается отказывать всем, кто был ранее осужден за экстремизм, уже отбыл наказание, но имеет неснятую и непогашенную судимость; 3. С выборов будут сниматься те кандидаты или списки кандидатов, в отношении агитации которых будет установлено, что они призывают к экстремизму или оправдывают его; 4. Партии в период выдвижения кандидатов и самой избирательной

¹ Мильштейн И. Миссия Вешнякова // Лига избирательниц. 2006. № 1(73). С. 1.

² Там же.

³ Шкель Т. ЦИК отретепирует выборы в Думу // Российская газета. 2006. 31 августа. № 4158.

кампании будут обязаны предварительно уведомлять власть о своих съездах, собраниях, иных мероприятиях, касающихся выборов; 5. Александр Вешняков считает, что с экстремизмом надо бороться, но признаки экстремизма должны быть расшифрованы более конкретно, иначе можно любого, кто критикует начальство, снять с выборов на этом основании¹. Приведенные цитаты публикаций отражают в наиболее общем виде спорную ситуацию в связи с принятием в первом чтении законопроекта, а также две противоположные позиции по поводу указанного проекта: с одной стороны, мнение разработчиков и большинства Государственной Думы ФС РФ о целесообразности, своевременности поправок, с другой — мнение главы ЦИК РФ, А. А. Вешнякова, о необходимости доработки поправок. В данном споре интересны оба мнения, а именно их аргументация с позиции норм права, однако именно это самое важное составляющее практически отсутствует в публикациях, посвященных данной проблеме.

В этой связи будет уместно отметить, что особая важность изучаемого законопроекта связана в пер-

вую очередь с принципом свободных выборов, который предусмотрен в Конвенции «О стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод в государствах — участниках Союза Независимых Государств»² и в Федеральном законе «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ». В законе рассматриваемый принцип закреплен следующим образом: «Участие гражданина Российской Федерации в выборах и референдуме является свободным и добровольным. Никто не вправе оказывать воздействие на гражданина Российской Федерации с целью принудить его к участию или неучастию в выборах и референдуме либо воспрепятствовать его свободному волеизъявлению»³. Из приведенной цитаты следует, что закрепленный в законе принцип свободных выборов «находит выражение в двух формах»⁴. Одной из этих форм является свободное и добровольное участие гражданина в выборах и референдуме: принуждение к участию или неучастию в голосовании невозможно, в каком бы виде оно ни проявлялось. Вторая форма

¹ Шкель Т. Указ. соч.

² Конвенция «О стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод в государствах — участниках СНГ». Ст. 8. // Вестник Межпарламентской Ассамблеи. 2002. № 3 (34). С. 343–366.

³ Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ» от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ. Ст. 3, п. 3 // Российская газета. 2002. 15 июня. № 106.

⁴ Вешняков А. А. [и др.] Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ». Ст. 3. — М.: Норма, 2003.

представляет собой свободу волеизъявления при голосовании, сопровождаемую запретом любого воздействия на него. Ряд положений, обеспечивающих эту свободу, содержится в самом Федеральном законе «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ», а также гарантируется нормами уголовного и административного права¹.

В частности в Федеральном законе «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в статье о всеобщем избирательном праве и праве на участие в референдуме содержится полный перечень случаев ограничения этого права, равно как и свободы участия гражданина в выборах и референдуме². В указанный перечень Федеральным законом РФ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ” и Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации»³ вносится дополнительный пункт⁴ следующего содержания: «Не имеют права быть избранными граждане Российской Федерации, осужденные за совершение преступлений

экстремистской направленности, предусмотренных Уголовным кодексом Российской Федерации, и имеющие на день голосования на выборах неснятую и непогашенную судимость за указанные преступления».

В связи с вышеизложенным необходимо уточнить понятие экстремизма и признаков экстремистской деятельности. Поскольку изучаемый закон⁵ не раскрывает и не дополняет значения упомянутых понятий применительно к избирательному процессу, а лишь содержит отсылки к нормам Уголовного кодекса Российской Федерации и специального Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности», то необходимо применять и использовать уже сформулированные понятия, а именно: «экстремистская деятельность (экстремизм) — это 1) деятельность общественных и религиозных объединений, либо иных организаций, либо редакций средств массовой информации, либо физических лиц по планированию, организации, подготовке и совершению действий, направленных на: насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации; подрыв безопасности Российской Федерации; захват или

¹ Вешняков А. А. [и др.] Указ. соч.

² Федеральный закон «Об основных гарантиях...», Указ. акт. Ст. 4.

³ Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон "Об основных гарантиях... и ГПК РФ"», Указ. акт.

⁴ Т. е. поправка вносится в Федеральный закон «Об основных гарантиях...», в ст. 4, п. 3.2 («б»). Указ. акт.

⁵ Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон “Об основных гарантиях... и ГПК РФ”». Указ. акт.

присвоение властных полномочий; создание незаконных вооруженных формирований; осуществление террористической деятельности либо публичное оправдание терроризма; возбуждение расовой, национальной или религиозной розни, а также социальной розни, связанной с насилием или призывами к насилию; унижение национального достоинства; осуществление массовых беспорядков, хулиганских действий и актов вандализма по мотивам идеологической, политической, расовой, национальной или религиозной ненависти либо вражды, а равно по мотивам ненависти либо вражды в отношении какой-либо социальной группы; пропаганду исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их отношения к религии, социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности; воспрепятствование законной деятельности органов государственной власти, избирательных комиссий, а также законной деятельности должностных лиц указанных органов, комиссий, соединенное с насилием или угрозой его применения; публичную клевету в отношении лица, замещающего государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, при исполнении им своих должностных обязанностей или в связи с их исполнением, соединенную с обвинением указанного лица в совершении деяний, указанных в настоящей статье, при условии, что факт клеветы установлен в судебном порядке;

применение насилия в отношении представителя государственной власти либо на угрозу применения насилия в отношении представителя государственной власти или его близких в связи с исполнением им своих должностных обязанностей; посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля, совершенное в целях прекращения его государственной или иной политической деятельности либо из мести за такую деятельность; нарушение прав и свобод человека и гражданина, причинение вреда здоровью и имуществу граждан в связи с их убеждениями, расовой или национальной принадлежностью, вероисповеданием, социальной принадлежностью или социальным происхождением; создание и (или) распространение печатных, аудио-, аудиовизуальных и иных материалов (произведений), предназначенных для публичного использования и содержащих хотя бы один из признаков, предусмотренных настоящей статьей; 2) пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения; 3) публичные призывы к осуществлению указанной деятельности, а также публичные призывы и выступления, побуждающие к осуществлению указанной деятельности, обосновывающие либо оправдывающие совершение деяний, указанных в настоящей статье; 4) финансирование указанной деятельности либо иное содействие в планировании, организа-

ции, подготовке и совершении указанных действий, в том числе путем предоставления для осуществления указанной деятельности финансовых средств, недвижимости, учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной, факсимильной и иных видов связи, информационных услуг, иных материально-технических средств»¹.

Данные положения закона уточняются в комментариях следующим образом: «Призыв — это активное воздействие на сознание и волю людей с целью склонить их к насильственным действиям по захвату власти, удержанию власти или изменению конституционного строя и т. д.»²; «призывы к осуществлению экстремистской деятельности означают подстрекательские действия, направленные на достижение указанной цели»³; «формы, в которых осуществляются призывы, могут быть самыми разнообразными (устные, письменные, с помощью технических средств и т. п.), кроме призывов с использованием средств массовой информации»⁴; «под экстремистскими материалами понимаются предназначенные для обнародования документы либо информация на иных носителях, призывающие к осуществ-

лению экстремистской деятельности либо обосновывающие или оправдывающие необходимость осуществления такой деятельности, в том числе труды руководителей национал-социалистической рабочей партии Германии, фашистской Италии, публикации, обосновывающие или оправдывающие практику совершения военных или иных преступлений, направленных на полное или частичное уничтожение какой-либо этнической, социальной, расовой, национальной или религиозной группы»⁵.

Рассмотренные понятия экстремизма и признаков экстремистской деятельности используются для квалификации деяний по составам, предусмотренным Уголовным кодексом в данной сфере⁶. Таким образом, в российском законодательстве признаки экстремизма находят четкое закрепление, а это означает, что принцип свободы выборов не только не ущемлен, но и, напротив, обретает новый смысл в связи с введением положений, ограничивающих право граждан быть избранными, если это граждане Российской Федерации, в отношении которых вступившим в законную силу обвинительным приговором суда установлено, что в их действиях содержатся

¹ Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ. Ст. 1, п. 1 // Российская газета. 2002. 30 июля. № 138–139.

² Лебедев В. М. Комментарий к Уголовному кодексу РФ. Ст. 280. — М.: Юрайт, 2004.

³ Резник Г. М., Наумов А. В. Практика применения УК РФ. Комментарий судебной практики и доктринальное толкование. Ст. 280. — М.: Волтерс Клувер, 2005.

⁴ Лебедев В. М. Указ. соч. Ст. 280.

⁵ Там же.

⁶ Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. Ст. 280, 282.1, 282.2 // Собрание Законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

признаки экстремистской деятельности, и в отношении которых до дня регистрации не погашена или не снята судимость, поскольку именно эти положения позволяют обеспечить защиту не только избирательных прав граждан РФ от различного рода проявлений экстремизма в сфере избирательного права, но и конституционный строй России, а также права и свободы человека и гражданина в РФ.

Вместе с тем здесь будет уместно отметить особую важность замечания А. А. Вешнякова относительно недостаточной расшифровки признаков экстремизма в редакции законопроекта, принятой в первом чтении с точки зрения непосредственного правоприменителя. Окончательная редакция законопроекта была скорректирована и содержит ссылку к действующему законодательству РФ в отношении расшифровки признаков экстремизма, однако судебная практика разрешения споров в сфере применения санкций за экстремизм в избирательном процессе пока отсутствует, крайне сложным представляется и определение необходимой и достаточной степени конкретности в расшифровке признаков экстремизма, закрепленных в

федеральном законе¹, положений которого, возможно, будет достаточно.

Помимо прочего необходимо уделить внимание положениям рассматриваемого закона в части изменений, вносимых в статью Федерального закона РФ «Об основных гарантиях...» об основаниях отказа в регистрации кандидата², а именно следующим основаниям: «отсутствие среди документов, представленных для уведомления о выдвижении и регистрации кандидата, документов, необходимых в соответствии с настоящим Федеральным законом³, иным законом для уведомления о выдвижении и регистрации кандидата»⁴; «наличие на день, предшествующий дню заседания избирательной комиссии, на котором должен рассматриваться вопрос о регистрации кандидата, среди документов, представленных для уведомления о выдвижении и регистрации кандидата, документов, оформленных с нарушением требований настоящего Федерального закона⁵, иного закона»⁶; «отсутствие на день, предшествующий дню заседания избирательной комиссии, на котором должен рассматриваться вопрос о регистрации кандидата, в документах, представленных для

¹ Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности». Указ. акт.

² Федеральный закон «Об основных гарантиях...». Указ. акт. Ст. 38 п. 24, «В», «в[1]», «в[2]».

³ Федеральный закон «Об основных гарантиях...». Указ. акт.

⁴ Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон "Об основных гарантиях... и ГПК РФ"». Указ. акт. Ст. 1, п. 6, «е».

⁵ Федеральный закон «Об основных гарантиях...». Указ. акт.

⁶ Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон "Об основных гарантиях... и ГПК РФ"». Указ. акт. Ст. 1, п. 6, «е».

уведомления о выдвижении и регистрации кандидата, каких-либо сведений, предусмотренных настоящим Федеральным законом¹, иными законами»². Данное основание отказа в регистрации кандидата направлено как на устранение возможных нарушений избирательного законодательства, так и на соблюдение, детальную реализацию всеми участниками избирательного процесса установленных законодателем³ правил в процессе выдвижения и регистрации кандидата.

Изучаемый закон⁴ вносит изменения и дополнения и в статью Федерального закона РФ «Об основных гарантиях...», содержащую основания для аннулирования, отмены регистрации кандидата, списка кандидатов, отмены регистрации инициативной группы по проведению референдума⁵. Наибольший интерес представляет собой поправка, вызвавшая множество дискуссий, об отмене судом по заявлению избирательной комиссии регистрации списка кандидатов за несоблюдение избирательным объединением, кандидатом из зарегистрированного списка кандидатов запрета, касающегося призывов,

обоснования, оправдания экстремизма в публичных выступлениях, предвыборных программах, агитационных материалах (если избирательное объединение, выдвинувшее этот список, не исключит такого кандидата из списка)⁶. В данной ситуации возникает очень тонкий юридический спор: с одной стороны, авторы законопроекта вводят ответственность партии в виде отмены регистрации за (экстремистские) действия (высказывания) каждого из ее членов — с другой стороны, оппоненты настаивают на том, что партия в целом не должна отвечать за каждого из своих кандидатов. Проблема заключается в том, что каждая из сторон, выражающих полярные позиции, использует для аргументации нормы различных отраслей права Российской Федерации. Например, позиция, отрицающая возможность ответственности партии, основана на нормах уголовного права РФ, которые закрепляют только персональную ответственность за противоправные деяния отдельно взятых граждан (в том числе и членов партии)⁷, поскольку из определения субъекта преступления следует, что

¹ Федеральный закон «Об основных гарантиях...». Указ. акт. Ст. 33 п. 2, 3.

² Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «Об основных гарантиях... и ГПК РФ». Указ. акт. Ст. 1, п. 6, «е».

³ Федеральный закон «Об основных гарантиях...». Указ. акт.

⁴ Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «Об основных гарантиях... и ГПК РФ». Указ. акт. Ст. 1, п. 13.

⁵ Федеральный закон «Об основных гарантиях...». Указ. акт. Ст. 76.

⁶ Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «Об основных гарантиях... и ГПК РФ». Указ. акт. Ст. 1, п. 13, п. 8, «д».

⁷ Уголовный кодекс РФ. Указ. акт.

по российскому уголовному праву¹ им может быть только физическое лицо, т. е. человек, а не юридическое лицо, корпорация или животное² (хотя в зарубежных государствах, например, Великобритании, США, Франции³, Бельгии, Нидерландах⁴, Индии⁵ уголовная ответственность юридических лиц (корпораций) существует, но, по мнению российских юристов, введение такой ответственности в РФ будет противоречить принципам личной и виновной ответственности каждого за свои собственные действия⁶). Противоположная позиция, не исключающая привлечения к персональной ответственности членов партии, вместе с тем, скорее всего, основана на нормах гражданского права РФ, которые предполагают ответственность юридического лица⁷, а поскольку партия является юридическим лицом⁸, то она также должна нести ответственность (которая в данном случае выражается в неучастии в выборах, если избирательное объединение, выдвинувшее список кандидатов, не исключит виновного кандида-

та из списка), что позволит сформировать еще один механизм защиты от различных проявлений экстремизма.

В этой связи необходимо уточнить, что политическая партия представляет собой специфический вид юридического лица, а это в свою очередь предполагает специфику ответственности политической партии. Здесь следует разъяснить следующее: специфика правового положения политической партии как юридического лица заключается в том, что оно урегулировано и нормами ГК РФ⁹, как положение всех юридических лиц на территории России (т. е. это «организация, которая имеет в собственности, хозяйственном ведении или оперативном управлении обособленное имущество и отвечает по своим обязательствам этим имуществом, может от своего имени приобретать и осуществлять имущественные и личные неимущественные права, исполнять обязанности, быть истцом и ответчиком в суде, должна иметь самостоятельный баланс или смету»¹⁰), и нормами Федерального закона РФ «О политических

¹ Там же. Ст. 19, 20.

² Крылова Н. Е., Тяжкова И. М. Уголовное право РФ (общая часть). — М.: ЗЕРЦАЛО, 1999. С. 64.

³ Крылова Н. Е., Серебренникова А. В. Уголовное право зарубежных стран (Англии, США, Франции, Германии). — М.: ЗЕРЦАЛО, 1998. С. 70.

⁴ Лебедев В. М. Указ. соч. Ст. 19.

⁵ Скуратов Ю. И., Лебедев В. М. Комментарий к Уголовному кодексу РФ. Ст. 19. — М.: ИНФРА-М-НОРМА, 2000.

⁶ Кузнецова Н. Ф., Тяжкова И. М., Крылова Н. Е. Курс уголовного права (общая часть). Учение о преступлении. — М.: ЗЕРЦАЛО, 1999. С. 259.

⁷ Гражданский кодекс РФ. Ст. 1068, 1081 // Российская газета. 1994. 8 декабря. № 238–239.

⁸ Федеральный закон «О политических партиях» от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ. Ст. 15, п. 1 // Российская газета. 2001. 14 июля. № 133.

⁹ Гражданский кодекс РФ. Указ. акт.

¹⁰ Гражданский кодекс РФ. Указ. акт. Ст. 48, ч. 1.

партиях»¹, которые распространяют свое действие не на все юридические лица, а только на политические партии и тем самым определяют их специфику («политическая партия — это общественное объединение, созданное в целях участия граждан Российской Федерации в политической жизни общества посредством формирования и выражения их политической воли, участия в общественных и политических акциях, в выборах и референдумах, а также в целях представления интересов граждан в органах государственной власти и органах местного самоуправления»²). Кроме того, специфика правового положения политической партии как юридического лица диктует невозможность применения к ней общих положений ГК РФ об ответственности юридических лиц³, поскольку предусмотренные ими рычаги воздействия («отвечают всем принадлежащим имуществом»⁴, «возмещают вред, причиненный его работником»⁵) не будут столь же эффективны в отношении политических партий — именно поэтому столь важно и актуально введение законопроектом партийной ответственности в виде неучастия в выборах за экстремистские высказы-

вания и действия своих членов⁶. Таким образом, при помощи данной новеллы избирательного законодательства партии получили серьезный стимул к проведению борьбы с «внутрипартийными» проявлениями экстремизма, к всестороннему соблюдению избирательного законодательства под угрозой неучастия в очередных выборах, что, по сути, является самым мощным рычагом воздействия в отношении политических партий, а также специальным видом их ответственности.

Помимо процитированных положений рассматриваемый законопроект в редакции, принятой в первом чтении⁷, содержал новую редакцию⁸ п. 1 статьи Федерального закона РФ «Об основных гарантиях...»⁹ о порядке досрочного голосования. Указанная новелла существенно изменила бы установленный Федеральным законом РФ «Об основных гарантиях...»¹⁰ порядок досрочного голосования, который состоял в том, что оно (досрочное голосование) «на выборах в федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, на референдуме Российской Федерации не

1 Федеральный закон «О политических партиях» от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ. Указ. акт.

2 Там же. Ст. 3, п. 1.

3 Гражданский кодекс РФ. Указ. акт. Ст. 56, 1068, 1081.

4 Там же. Ст. 56.

5 Там же. Ст. 1068.

6 Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон “Об основных гарантиях... и ГК РФ”». Указ. акт.

7 Проект Федерального закона № 308197-4. Указ. акт. Ст. 1.

8 Там же.

9 Федеральный закон «Об основных гарантиях...». Указ. акт. Ст. 65.

10 Там же.

проводится»¹, т. е. закон урегулировал лишь «вопросы проведения досрочного голосования на выборах в органы местного самоуправления и местных референдумах, которое в большей степени, нежели институт открепительного удостоверения, может обеспечить реализацию принципа всеобщности избирательного права»². Следуя данной логике, разработчики законопроекта желали обеспечить реализацию принципа всеобщности избирательного права не только на уровне местного самоуправления, но и на федеральном и региональном уровнях. Вместе с тем нельзя не отметить, что в части реформирования статьи о досрочном голосовании Федерального закона РФ «Об основных гарантиях...»³ цитируемый законопроект представлял собой развитие и реализацию положений Конвенции «О стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод в государствах — участниках Независимых Государств»⁴, установивших следующее: «Гражданину может быть предоставлена возможность реализовать свое право на участие в голосовании посредством организации до-

срочного голосования»⁵. Однако процитированные положения законопроекта⁶ о реформировании процедуры досрочного голосования по итогам второго и третьего чтений в окончательную редакцию закона⁷ не были включены.

Таким образом, в российском избирательном законодательстве в настоящий момент процедура досрочного голосования не получила широкого распространения на всех уровнях проводимых выборов и референдумов, хотя, по мнению А. А. Вешнякова, в данной процедуре и «нет нужды, поскольку уехавший за границу гражданин всегда может взять открепительное удостоверение»⁸, кроме того, «досрочное голосование, по опыту ЦИКа, сопровождается серьезными фальсификациями»⁹. С данной позицией солидарен также А. Чурилов, проиллюстрировавший ее примером: «Прокурор Ставропольского края в связи с поступившими жалобами о массовом досрочном голосовании при выборах губернатора края поднял этот вопрос перед председателем краевой избирательной комиссии — в результате действия прокурора способствовали прекращению

¹ Там же. Ст. 65, п. 1.

² Вешняков А. А. [и др.] Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об основных гарантиях...». Ст. 65.

³ Федеральный закон «Об основных гарантиях...». Указ. акт. Ст. 65.

⁴ Конвенция «О стандартах демократических выборов...». С. 343–366.

⁵ Там же. Ст. 3, п. 3.

⁶ Проект Федерального закона № 308197-4. Указ. акт. Ст. 1.

⁷ Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон “Об основных гарантиях... и ГПК РФ”». Указ. акт.

⁸ Мильштейн И. Указ. соч. С. 1.

⁹ Шкель Т. Указ. соч. С. 1.

фактов принуждения участковыми избирательными комиссиями граждан к досрочному голосованию»¹.

Вместе с тем обозначенная точка зрения принимается не всеми исследователями безоговорочно, некоторые ее не разделяют: «Федеральный законодатель лишает права участвовать в выборах не одну тысячу избирателей только потому, что на отдельных избирательных участках в некоторых регионах страны (Владивосток, Санкт-Петербург и др.) количество досрочно проголосовавших на выборах доходило до 30% от общего числа. В то же время для подавляющего большинства субъектов Федерации это не являлось проблемой — анализ показывает, что в преимущественном числе случаев досрочное голосование осуществлялось в соответствии с Законом, без нарушений: доля голосующих досрочно в общем количестве участвующих в выборах ничтожно мала (как правило, не превышает 0,5–1%) и никак не предопределяет результаты выборов»².

В этой связи будет уместно упомянуть о международном опыте при-

менения досрочного голосования: «Часто избирателю предоставляется право проголосовать досрочно, ибо в месте его временного пребывания будет баллотироваться другой кандидат — обычно досрочное голосование разрешается за одну-две недели до выборов, в этом случае избирательная комиссия вскрывает запечатанный конверт с бюллетенем в день выборов»³. Подводя итог вышесказанному о процедуре досрочного голосования, следует заметить, что в целом для современного избирательного права и процесса характерно весьма осторожное отношение к этой процедуре, поскольку она сопровождается серьезными фальсификациями по авторитетному мнению А. А. Вешнякова, основанному на опыте ЦИК РФ.

Вместе с тем не менее интересна и важна еще одна новелла закона от 5 декабря 2006 г.⁴ об отмене порога обязательной явки избирателей⁵. Особый интерес к данной теме вызван тем, что сравнительно недавно в специальной литературе⁶ стала подчеркиваться особая роль и значение

- ¹ Чурилов А. Прокурорский надзор за соблюдением прав и свобод граждан // Законность. 1997. № 8.
- ² Воробьев Н. И. Об укреплении законодательных гарантий проведения выборов в субъектах РФ и на муниципальном уровне // Журнал российского права. 2004. № 1.
- ³ Чиркин В. Е. Конституционное право зарубежных стран. — М.: Юристъ, 1997. С. 206.
- ⁴ Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «Об основных гарантиях... и ГПК РФ». Указ. акт. Ст. 1, п. 10, «а».
- ⁵ Федеральный закон «Об основных гарантиях...». Указ. акт. Ст. 70.
- ⁶ Особенности избирательной кампании по выборам в законодательные органы государственной власти субъектов РФ в 1997 г.: Доклад ЦИК РФ // Вестник ЦИК РФ. 1998. № 2; Красинский В. В. Качество российских законов // Право и политика. 2005. № 5. С. 4; Нудненко Л. А. Конституционное право гражданина РФ на референдум и международные стандарты // Конституционное и муниципальное право. 2005. № 1, 2. С. 10 (№ 2); Князев С. Д. Указ. соч. С. 41.

порога явки избирателей «для обеспечения легитимности и представительности избираемого органа или выборного лица»¹. Также в этой связи будет полезно вспомнить о правовой позиции Конституционного Суда РФ², где указывается, что граждане, не голосовавшие вообще либо голосовавшие, но не за кандидатов, ставших депутатами, не могут рассматриваться в качестве лишенных своего представительства в парламенте: все избранные в соответствии с законом депутаты являются представителями народа, а это означает — представителями всех граждан, правомочных осуществлять управление делами государства через своих представителей; кандидат, который победил на выборах в соответствии с условиями, определенными законом, становится депутатом представительного органа и представителем народа в смысле ст. 3 Конституции РФ³.

Вместе с тем указанную новеллу невозможно обойти вниманием, поскольку она тесно взаимосвязана с одной из важнейших проблем избирательного права и процесса, актуальной не только для России, но и для большинства зарубежных

стран — с «абсентеизмом», т. е. массовым уклонением избирателей от участия в выборах⁴ (от английского «absent», что означает «отсутствовать»⁵).

В настоящее время, в отличие от 1998–2005 гг., в качестве главного аргумента в пользу отмены порога обязательной явки избирателей разработчиками закона⁶ была высказана мысль о том, что нельзя пренебрегать волеизъявлением проголосовавших политически активных граждан, так как это, по сути, представляет собой ущемление их прав только потому, что их в совокупности менее 20% от общей массы избирателей и все остальные граждане не пожелали проголосовать вовсе. Следуя данной логике, явление абсентеизма необходимо расценивать как добровольный отказ от реализации своего права на участие в выборах (в силу существования упомянутого ранее принципа свободы в избирательном праве и процессе РФ), а это означает, что необходимо учитывать лишь мнение пожелавших принять участие в выборах. Конечно же, результат выборов в данном случае не будет отражать мнение большинства граждан России, однако будет

¹ Вешняков А. А. [и др.] Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об основных гарантиях...». Ст. 70.

² Постановление Конституционного Суда РФ «О проверке конституционности отдельных положений Федерального закона от 21 июня 1995 г.» от 17 ноября 1998 г. № 26-П // Российская газета. 1998. 8 декабря. № 233.

³ Конституция РФ от 12 декабря 1993 г. // Российская газета. 1993. 25 декабря. № 237.

⁴ Чиркин В. Е. Указ. соч. С. 211; Мишин А. А. Конституционное (государственное) право зарубежных стран. — М.: Белые альвы, 1996. С. 244.

⁵ Мюллер В. К. Англо-русский словарь. — М.: Русский язык, 1981. С. 17.

⁶ Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «Об основных гарантиях... и ГПК РФ». Указ. акт.

отражать мнение большинства тех граждан РФ, которые пожелают реализовать свое право на участие в выборах. Возможно, данная реформа сможет в какой-то мере способствовать борьбе с явлением абсентеизма, однако главная ценность поправки заключается в том, что она призвана нейтрализовать последствия указанного негативного явления, заключающиеся в том, что добросовестные избиратели России больше не будут вынуждены голосовать дважды из-за лени или нежелания сограждан ре-

ализовать свои права согласно ст. 32 Конституции России¹.

Рассмотрев все наиболее острые аспекты дискуссии, в заключение необходимо еще раз отметить особую важность изученных поправок, поскольку они затронули один из основополагающих принципов избирательного права, а именно принцип свободных выборов. В итоге указанный принцип избирательного права России был дополнен и обрел новый, отвечающий современным реалиям смысл.

¹ Конституция РФ. Указ. акт.

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ МОРСКИМИ ПОРТАМИ РОССИИ

Давыденко А. А.

Российская Федерация располагает самой протяженной в мире береговой линией морского побережья. Одной из важнейших задач государства в сфере функционирования и развития транспортной системы Российской Федерации является превращение географических особенностей России в ее конкурентное преимущество на мировом рынке транспортных услуг.

В научном и практическом плане для принятия обоснованных управленческих решений и обоснования перспективных тенденций государственного управления российскими морскими портами целесообразно выполнить ретроспективный анализ этапов формирования системы государственного управления деятельностью морских портов.

Первым этапом формирования указанной системы можно считать период до XVIII в. Уже в 911 г. первый князь Киевской Руси в договоре с Византией закрепил определенные социальные и предпринимательские гарантии русским торговым людям. Для развития межгосударственной торговли купцы получали на возвратной основе съестные припасы, якоря, снасти, паруса.

Развитие морской торговли определило необходимость строительства морских портов, первый из которых был построен на Балтийском побережье в Нарве (1540 г.).

Давыденко Александр Александрович — кандидат экономических наук, руководитель Федерального агентства морского и речного транспорта (Москва).

В этот исторический период также активно развивается судоходство и в северных морях. Центром перегрузочных работ беломорского плавания стали Холмогоры, а позднее и Архангельск. В конце XVI в. этот порт способствовал развитию северных территорий России.

Фактически это был первый исторический период территориально-функционального и административного формирования российских торговых морских портов, выполняющих функции по пограничному контролю, приему и выходу российских и иностранных судов, перегрузочным работам и зарождению моря России.

Второй этап, охватывающий весь XVIII в., можно разделить на 2 периода: период реформ Петра I и период дальнейшего развития государственности.

В период Петровских реформ была определена необходимость и целесообразность строительства портового хозяйства государства.

Становление систематического государственного управления деятельностью морских торговых портов России относится к началу XVIII в., когда наблюдались серьезные изменения в формах государственного управления. Были созданы коллегии, которые отличались единообразной структурой, коллегиальностью в принятии решений, строго очерченными законодательными компетенциями. Новый подход определенным образом обеспечивал эффективность мер государственного регулирования. Вопросы торгово-промышленного мореходства были в ведении Ком-

мерц-коллегии, в «Регламенте» которой были определены задачи контроля в «морском хождении и купечестве». Работа Коммерц-коллегии контролировалась и направлялась правительствующим Сенатом.

Морские порты как административно-хозяйствующие субъекты предпринимательской деятельности в области мореплавания выполняли не только функции по перегрузке грузов, но и фискальные задачи государственного аппарата. В обязанности капитанов над портами входила организация приема, досмотра, стоянки и отправления иностранных торговых судов. Они должны были следить и содержать в исправном состоянии портовые средства навигационного ограждения (маяки, бакены, буи, бочки, вежи) и оказывать помощь в аварийной обстановке. Таким образом, в XVIII в. начинается формирование администраций капитанов портов.

В конце XVIII – начале XIX вв. деятельность морских торговых портов наряду с различными законами о судоходстве регулировалась «Уставом Торговым», по которому министру торговли и промышленности предоставлялось право издавать правила и инструкции по освидетельствованию торговых судов, погрузке / выгрузке в портах и т. д.

Третий этап (XIX в.) характеризуется укреплением государственного управления морскими торговыми портами. В этот период было создано министерство, однако основные функции в области торгового мореплавания были рассредоточены между разными министер-

ствами и их ведомствами. За развитие торгового флота отвечало Министерство коммерции и Главное управление водных и сухопутных сообщений. Через 9 лет это министерство было упразднено, и вопросы внешней коммерции и управления таможен были возложены на Министерство финансов, в составе которого был отдел торгового мореплавания.

Внутри портов наблюдалось многовластие различных органов, представляющих Морское министерство, Министерство путей сообщения, Министерство финансов, таможенное и карантинное ведомства, полицию. Такое положение распыхало ответственность и позволяло использовать государственные средства не по назначению.

В 1880 г. началось преобразование российских коммерческих портов под непосредственным контролем учреждений правительства Временной комиссии по устройству торговых портов империи.

Четвертый этап отражает административную и техническую модернизацию морских портов Российской империи в начале XX в. В 1901 г. была произведена передача центрального органа управления торговыми портами из Министерства внутренних дел в Министерство финансов, которое руководило российской торговлей в судоходстве.

Реорганизационные мероприятия министра финансов С. Ю. Витте в 1902 г. обеспечили расширение и конкретизацию правовой основы деятельности Совета по делам торгового мореплавания, при котором

был учрежден особый Комитет по портовым делам.

Только в 1903 г. созданное Главное управление торгового мореплавания и портов стало заниматься комплексом вопросов коммерческого судоходства. Через 2 года это управление вошло в состав созданного Министерства торговли и промышленности.

Дальнейшим реформированием государственного управления в рассматриваемой области было учреждение Главного управления торговым мореплаванием и портами. Это управление объединило все органы Министерства путей сообщения и Министерства финансов, занимающиеся вопросами морского транспорта, в том числе и морскими торговыми портами. Созданное Главное управление стало высшим государственным органом, ответственным за руководство отечественным торговым мореплаванием и судостроением, управление портами, технический надзор за устьями рек и морским побережьем.

К совершенствованию государственного управления портами следует отнести учреждение в 1905 г. нового Министерства торговли и промышленности, в состав которого вошло Главное управление торговым мореплаванием и портами. Отдел торговых портов сохранил в нем свою структурную самостоятельность. Такая централизованная организационная структура просуществовала до упразднения старых органов власти в декабре 1917 г.

Пятый этап соответствует государственному управлению морскими

портами в период существования СССР.

Октябрьская революция 1917 г. внесла некоторые изменения в систему государственного управления. Отдел торговых портов, как и отдел торгового мореплавания, из Наркомата торговли и промышленности передается в ведение ВСНХ, при котором учреждается отдел водных сообщений, регулирующий торговый морской, речной флот и водные сообщения. Однако практически через месяц дальнейшие преобразования завершаются созданием Главного управления водного транспорта — Главвода. На местах организуются областные управления водным транспортом.

Постановление Совета труда и обороны «Об управлении морскими торговыми портами» в апреле 1921 г. узаконило вхождение территорий и сооружений всех портов (за исключением Петроградского, переданного Наркомвнешторгу), в ведение Наркомата путей сообщения. В этот же период была узаконена важная взаимная административная функция флота и портов. Был принят Декрет о приписке морских судов к порту и внесению их в судовой реестр. Таким образом, учет судов стал осуществляться по порту приписки.

В предвоенные годы Президиум ЦИК утвердил Постановление СНК «О реорганизации управления морским и речным транспортом», по которому были выделены ведущие порты с прямым подчинением главным бассейновым управлениям.

В соответствии с принятыми государственными задачами по обес-

печению быстрого роста народно-хозяйственных перевозок и укрепления обороноспособности государства, в конце 1930 гг. впервые в истории государственного управления был создан высший государственный управленческий орган — Народный комиссариат морского флота (НКМФ), в компетенцию которого входил весь комплекс функций по перспективному развитию и оперативному управлению морским транспортом России.

Накануне Великой Отечественной войны было принято постановление СНК СССР «Об организационных мероприятиях по улучшению эксплуатации морского флота», в котором предусматривались решительные меры по устранению недостатков, тормозивших перевалочный процесс в морских портах. Устранялось многоподчинение, все порты закреплялись за НКМФ.

Восстановление народного хозяйства в послевоенный период обусловило изменение структуры государственного управления. В 1946 г. наркоматы преобразуются в министерства, вводится новая структура аппарата Министерства морского флота. Управление деятельностью флота и портов перестраивается по территориально-отраслевому принципу. Создаются отдельные Главные управления флота и портов южных (Главюжфлот), северных и западных (Главсевзапфлот), дальневосточных (Главдальфлот) морей.

Период с 1950-го по 1990 гг. отличается следующими изменениями в государственном управлении морскими портами. К началу этого

периода в основном народное хозяйство было восстановлено. Изменилась организационная структура государственного управления отраслью. В 1953 г. было создано единое Министерство морского и речного флота. Однако через год было новое разделение и вновь организовали отдельное Министерство морского флота СССР, в составе которого выделялось Главное управление движения, эксплуатации флота и портов.

В 1960 гг. получили развитие экономические приоритеты в управлении морским транспортом, внедрялись принципы внутрипроизводственного хозрасчета.

Очередное изменение организационной структуры управления морским транспортом было в 1973 г. Была введена управленческая схема: министерство — государственные хозрасчетные объединения «Севзапфлот», «Южфлот», «Дальфлот» — парохозяйства. Через 9 лет в 1983 г. вернулись к прежней схеме: министерство — парохозяйство — предприятие.

Во второй половине 1980 гг. экономические методы управления предприятиями отрасли были законодательно закреплены Постановлением Совета Министров СССР о переводе с 01.01.1987 г. парохозяйств и предприятий Минморфлота СССР на полный хозяйственный расчет и самофинансирование. К 01.07.1988 г. была утверждена новая генеральная схема управления отраслью. К 1990 г. в состав отрасли входило 67 морских и 2 речных порта, десятки портовых пунктов и пристаней.

Шестой этап отражает государственное управление морскими портами в период развития рыночных отношений в России. Как правило, этот этап делят на 2 периода: период становления рыночных отношений и период развития рыночных отношений в России.

Период становления рыночных отношений связан с распадом Советского Союза — в конце 1991 г. прекратило существование и Министерство морского флота СССР.

Было создано Министерство транспорта Российской Федерации, где государственные управленческие функции, касающиеся морского судоходства, были закреплены за Департаментом морского транспорта. Оперативное управление работой морских портов было передано самим предприятиям. Морские торговые порты вышли из состава парохозяйств, начался процесс их акционирования. В итоге 40 портов России к 1994 г. были способны обеспечить лишь 63% необходимого грузооборота России.

Для обеспечения государственной транспортной политики, развития и рационального использования сооружений, обеспечения безопасности в морских портах, остававшихся в государственной собственности, стали создаваться морские администрации портов.

Общегосударственная реорганизация управления отразилась и на управлении морским транспортом. В 1996 г. вместо Департамента морского транспорта в составе Министерства транспорта была образована Федеральная служба морского

флота России, которая представляла собой федеральный орган исполнительной власти.

В конце 2000 г. Правительство РФ утвердило Положение о Министерстве транспорта РФ, в соответствии с которым Федеральная Служба морского флота Минтранса была преобразована в Государственную службу морского флота Министерства транспорта Российской Федерации и определены основные задачи по государственному управлению морскими торговыми портами.

В 2004 г. в составе Министерства транспорта РФ образовано Федеральное агентство морского и речного транспорта, которому были переданы правоприменительные функции, функции по оказанию государственных услуг и по управлению имуществом в сфере морского и речного транспорта.

Анализ развития государственного управления отечественными морскими портами позволяет сделать вывод о динамичности этого процесса на протяжении всего рассматриваемого исторического периода, особенно последних лет рыночных перемен в России. Однако необходимо подчеркнуть, что в любых политических и экономических

условиях морские порты оставались и будут оставаться стратегическими объектами и ведущая роль государства в их управлении должна сохраняться, развиваться и совершенствоваться.

Административно-распорядительский подход должен обеспечить улучшение взаимодействия, координации действий между участниками транспортного процесса, основой которого могли бы стать договоры о взаимной ответственности, в том числе и финансовой; экономический подход в свою очередь — определить правила планирования перевозок железнодорожного транспорта через морские порты.

Приоритетным направлением развития морского транспорта по-прежнему остается увеличение мощностей отечественной портовой инфраструктуры до параметров, удовлетворяющих потребности в перевалке существующих и перспективных грузопотоков. Деятельность морских торговых портов оказывает существенное влияние на достижение геополитических, экономических и социальных целей России, развитие внешней торговли, а также на экономическое развитие субъектов Российской Федерации.

СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД В ИССЛЕДОВАНИИ РАЗВИТИЯ ЗЕМЕЛЬНОГО РЫНКА

МАЛЬЦЕВ К. В.

Земельный вопрос во все времена был актуален и затрагивал все сферы жизнедеятельности людей: социальную, политическую, экономическую и др. В истории можно найти множество примеров, когда за землю велись кровопролитные войны как внутри, так и между государствами. В разные исторические периоды отдельные племена и целые народы старались расширить пространственные границы своей жизнедеятельности, осваивали все новые и новые земли, стараясь впоследствии защитить свое право жить и работать на этих землях. С развитием цивилизации вопросы распределения земель стали объектом правового регулирования.

В настоящее время в России вопрос собственности на землю обретает новое звучание. Современные экономические условия диктуют новые для России рыночные законы, которые обуславливают направленность земельной реформы на развитие земельного рынка и участие земельных участков в свободном гражданском обороте. В то же время земля как пространственная основа существования государства и его граждан, как звено экосистемы требует пристального внимания со стороны государства для обеспечения политической, экономической, экологической безопасности, социальной защиты населения, защиты исторических и культурных основ существования страны и ее граждан.

В связи с этим особую важность приобретают исследования направлений развития

Мальцев Кирилл Владимирович — кандидат экономических наук, доцент, докторант кафедры национальной безопасности Российской академии государственной службы при Президенте РФ (Москва).

земельного рынка в России; социальных, политических, экономических последствий этих процессов, существующих механизмов государственного регулирования земельного рынка.

Целью данного исследования является разработка механизмов государственного регулирования земельного рынка в России. Для достижения этой цели необходимо описать систему земельного рынка, определив ее основные элементы и взаимосвязь между ними; сформировать модель земельного рынка, позволяющую осуществлять прогноз сценариев развития земельного рынка. Описание системы земельного рынка требует в первую очередь изучения текущего состояния земельного фонда России, основных тенденций изменения его структуры и развития земельного рынка.

Мировой опыт реформирования показывает, что перенос моделей идеального рынка на практику без учета институциональной среды и ограничений рынка приводит к негативным последствиям. Для того чтобы нейтрализовать «пробелы» рынка и максимально эффективно использовать его механизмы для развития экономики, требуется системный подход государства к регулированию земельного рынка, учитывающий социально-экономические, исторические, культурные, политические особенности современной России.

Глубокие и масштабные экономические преобразования, происходившие в последние пятнадцать лет в России и затронувшие практически

все сферы национальной экономики, безусловно, коснулись и земельных отношений, и использования земельных ресурсов. Конституция Российской Федерации, принятая общенародным голосованием в 1993 г., определила различные виды собственности на землю, включая и частную. Только в 2001 г., после продолжительных научных, общественных, политических дискуссий и споров Государственной Думой был принят новый вариант Земельного кодекса, соответствующий новым конституционным положениям. Споры вокруг Земельного кодекса не прекращаются и до сих пор. Камнем преткновения остается вопрос об обороте земель сельскохозяйственного назначения: ведутся активные научные дискуссии о природе и величине земельной ренты, частной собственности на землю, роли государства в управлении земельными ресурсами.

Использование системного подхода в исследовании позволяет сформировать модель земельного рынка, обеспечивающую возможность раскрыть все основные процессы и учесть существенные аспекты его функционирования и оценить возможность влияния на них государства. На рис. 1 в укрупненном виде представлена система земельного рынка, состоящая из основных элементов, находящихся в определенной взаимосвязи друг с другом. Основными элементами этой системы являются объекты рыночных отношений — права на земельные участки, участвующие в гражданском обороте, и субъекты — продавцы, покупатели, профессиональные уча-

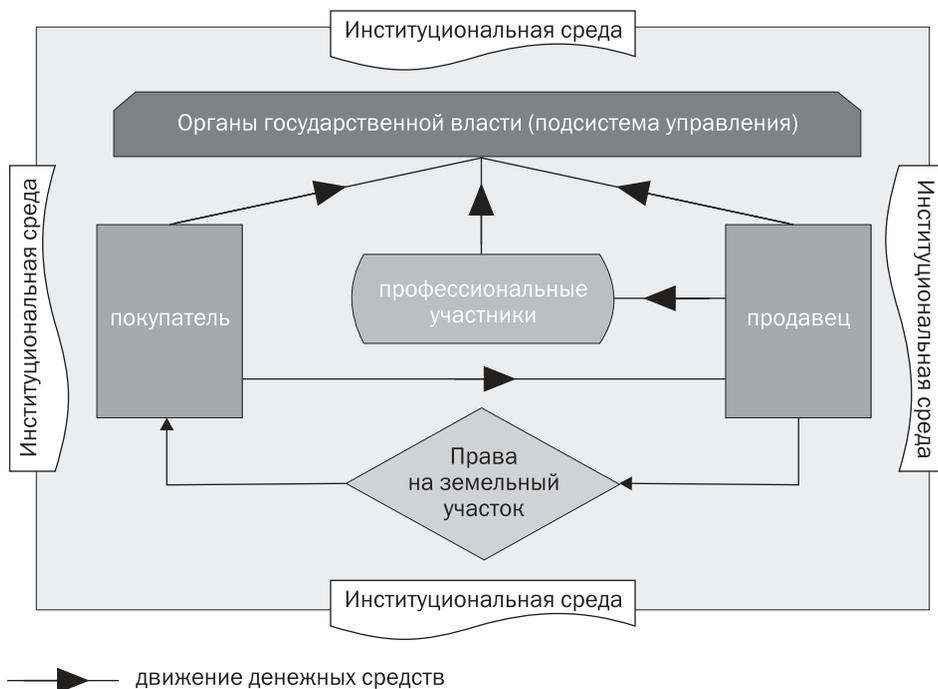

Рис. 1. Модель земельного рынка

стники и органы государственной власти, которые составляют управляющую подсистему.

Необходимо отметить, что данная система является открытой и ее формирование и развитие происходит во взаимодействии с внешней средой, определяемой социально-экономическими, политическими, правовыми, экологическими, культурными и другими факторами.

Объекты земельного рынка. Ключевым элементом земельного рынка является объект рыночных отношений — право на земельный участок.

Земельный участок рассматривается в данном случае как товар,

т. е. как вещь, не ограниченная в обороте, свободно отчуждаемая и переходящая от одного лица к другому. Земля действительно обладает свойствами, присущими любому товару: способностью удовлетворять широкий спектр человеческих потребностей (потребительная стоимость) и пригодностью к обмену (меновая стоимость).

В то же время важнейшая роль земли как пространственного базиса жизнедеятельности государства, природного ресурса, ключевого звена в экосистеме не позволяет рассматривать весь земельный фонд государства в качестве товара.

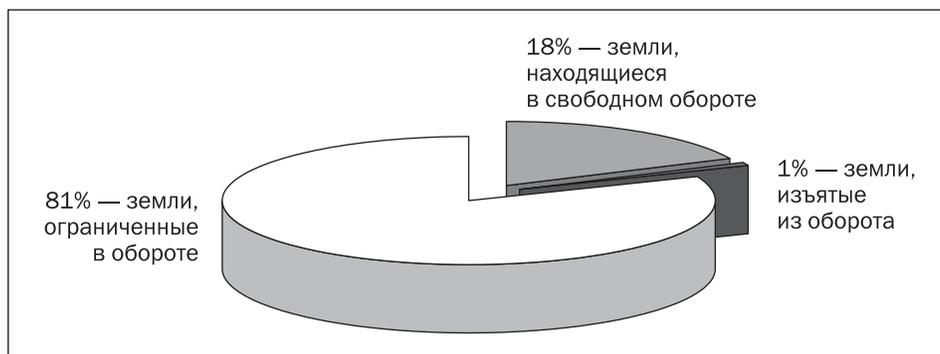

Рис. 2. Оборотоспособность земельных участков

Оборотоспособность большинства земельных участков ограничена, а часть земельного фонда вообще исключена из оборота. Структура земельного фонда по оборотоспособности представлена на рис. 2.

Тем не менее по состоянию на 1 января 2005 г. в России в свободном гражданском обороте уже находится 128,5 млн га (около 8% от всего земельного фонда), принадлежащие на правах собственности гражданам и юридическим лицам, и еще около 183,5 млн га (около 11% от всего земельного фонда) может быть приватизировано гражданами или юридическими лицами.

Земельные участки, предоставленные гражданам для индивидуального жилищного, гаражного строительства, ведения личного подсобного и дачного хозяйства, садоводства, животноводства и огородничества, не включены в перечни земель, изъятых из оборота или ограниченных в обороте. Из этого следует, что оборот данных земельных участков осуществляется свободно в соот-

ветствии с гражданским законодательством.

Способность конкретных земельных участков участвовать в обороте определяет законодательство.

Согласно действующему законодательству и сложившейся практике, государственный учет земель в Российской Федерации осуществляется по категориям земель и угодьям.

Земельные угодья — это земли, систематически используемые или пригодные к использованию для конкретных хозяйственных целей и отличающиеся по природно-историческим признакам. Земельные угодья подразделяются на сельскохозяйственные и несельскохозяйственные угодья (рис. 3).

Сельскохозяйственные угодья — это земельные угодья, систематически используемые для получения сельскохозяйственной продукции. К ним относятся: пашня, многолетние насаждения, залежь, сенокос, пастбище. *Несельскохозяйственные угодья* подразделяются на лесные земли, земли, занятые древесно-кустарниковой

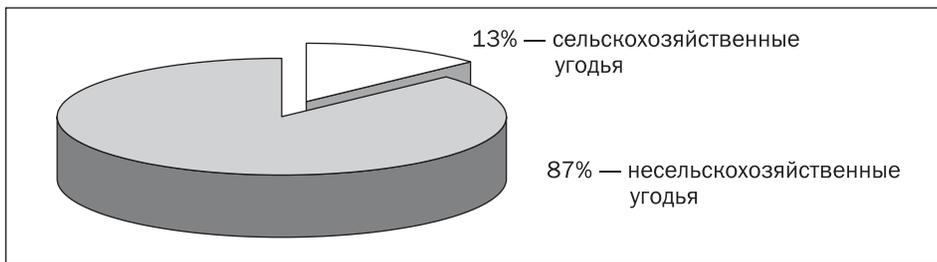

Рис. 3. Распределение земельного фонда Российской Федерации по угодьям

растительностью, находящиеся под водой, занятые застройкой, дорогами, болотами, нарушенные и прочие земли.

Категория земель — это часть земельного фонда, выделяемая по основному целевому назначению и имеющая определенный правовой режим.

Действующее законодательство предусматривает 7 категорий земель:

1. Земли сельскохозяйственного назначения.
2. Земли поселений.
3. Земли промышленности, энергетики, транспорта, связи, радиовещания, телевидения, информатики, земли для обеспечения космической деятельности, земли обороны, безопасности и земли иного специального назначения.
4. Земли особо охраняемых территорий и объектов.
5. Земли лесного фонда.
6. Земли водного фонда.
7. Земли запаса.

Каждая категория имеет свой *правовой режим*, который регулируется специальными законами, свою кадастровую стоимость, свое

целевое назначение и разрешенное использование.

Анализ распределения земельного фонда по формам собственности (рис. 4 на с. 80) показывает, что формирование института частной собственности на землю в России — поступательно развивающийся процесс. В 2006 г. 7,3% земельного фонда РФ уже находилось в собственности граждан (личные подсобные хозяйства, сады, фермерские хозяйства, индивидуальное жилищное строительство и т. д.), 0,3% — в собственности юридических лиц: сельскохозяйственные организации, промышленные предприятия и т. д.

Субъекты земельного рынка. Экономическими субъектами земельного рынка являются покупатели, продавцы и профессиональные участники рынка.

В качестве продавца может выступать любое юридическое или физическое лицо, имеющее право собственности на земельный участок, а также государство в лице соответствующих органов исполнительной власти, уполномоченных

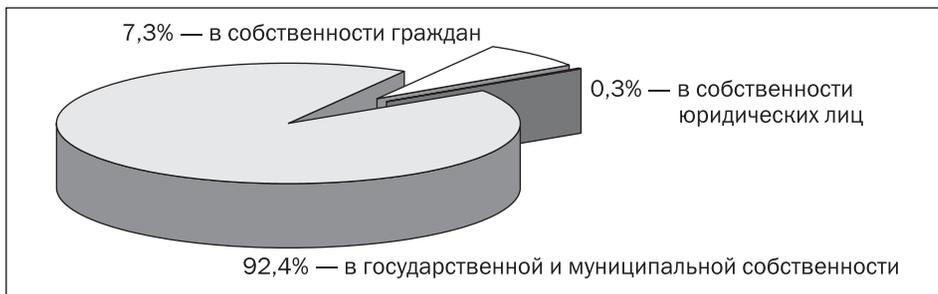

Рис. 4. Структура земельного фонда РФ по формам собственности по состоянию на 1 января 2006 г.

управлять федеральной, муниципальной собственностью и собственностью субъектов Российской Федерации.

В качестве покупателя может выступать юридическое или физическое лицо или соответствующий орган государственного и муниципального управления, имеющий право на данный вид сделки, в соответствии с российским законодательством. Существуют ограничения на деятельность иностранных граждан и на коммерческую деятельность государственных органов.

Для иностранных юридических и физических лиц в современном российском законодательстве предусмотрены ограничения.

К профессиональным участникам земельного рынка относятся: предприниматели, брокеры, оценщики, финансисты (банкиры), девелоперы, редевелоперы, управляющие недвижимостью, юристы, страховщики, участники фондового рынка, аналитики, маркетологи, информационно-аналитические издания, специалисты в области обучения и повышения

квалификации персонала, иные специалисты, сотрудники и члены национальных и международных профессиональных объединений рынка недвижимости. С развитием земельного рынка перечень его участников расширяется.

Подсистема государственного управления земельным рынком представлена на рис. 5.

Государственное регулирование земельных отношений в целом направлено на организацию рационального использования и охрану земель в целях укрепления и развития экономики страны в интересах своего народа.

Институциональная среда земельного рынка. Модель земельного рынка формируется и развивается в институциональной среде, «задающей» правила игры в обществе, дополненные механизмами принуждения к их исполнению. Правила игры складываются из формальных правил, закрепленных в нормативно-правовых актах, и неформальных ограничений и практик, влияющих на восприятие формальных правил

Подсистема государственного управления земельным рынком					
Уровни управления					
Государственное				Муниципальное	
Российская Федерация		Субъект Российской Федерации			
Ветви власти					
Исполнительная		Законодательная		Судебная	
Цели управления					
Обеспечение государственных и общественных потребностей, приоритетов развития	Защита окружающей среды и пользования природными ресурсами	Обеспечение безопасности и обороны страны	Рациональное использование земель	Реализация свободы предпринимательства и конкуренции	Обеспечение занятости населения
Формы и методы управления					
Экономические		Административные		Политические	
Функции управления					
Учетная	Распределительная	Контрольная	Охранная	Обеспечение рационального использования земли	

Рис. 5. Подсистема управления земельным рынком

субъектами рыночных отношений. Система принуждения к их исполнению включает в себя широкий спектр источников санкций, начиная от самоконтроля субъекта отношений и заканчивая системой государственного права.

Каждый из элементов модели, как и вся модель в целом, характеризуется рядом количественных и качественных показателей. Данные показатели дают представление о состоянии земельного рынка и его отдельных составляющих. В целях прогнозирования развития земельного рынка возможно использование различных статистических методов анализа количественных показателей. Однако, как показала практика исследо-

ваний, объем доступных достоверных статистических данных о земельном рынке, как правило, недостаточен для выявления четких тенденций и прогнозов. В качестве метода прогнозирования возможно использование когнитивного моделирования, алгоритм которого представлен на рис. 6 на с. 82.

Данный метод позволяет прогнозировать развитие модели или значение конкретного показателя модели, выявлять тенденции в развитии системы, а также разрабатывать стратегию государства в целом, муниципальных образований или отдельных предприятий и частных лиц в отношении прав на земельные участки. Для этого необходимо определить цель и

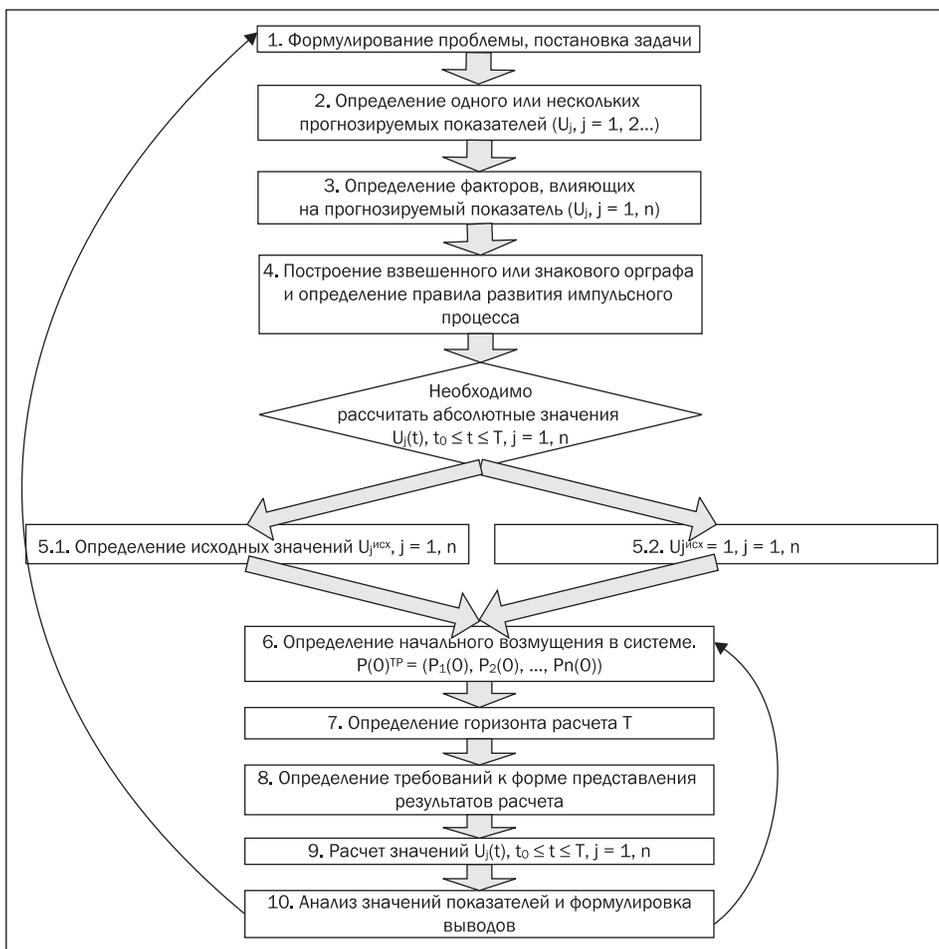

Рис.6. Алгоритм использования метода когнитивного моделирования

задачи исследования. Например, прогноз объема земельных платежей в муниципальном образовании. Данный показатель в основном формируется из двух составляющих: налога на землю, находящуюся в частной собственности, и арендных платежей за государ-

ственную и муниципальную землю, переданную на правах аренды. Для прогноза объема земельных платежей необходимо определить факторы, влияющие на него. Для определения этих факторов можно использовать известные методы статистического анализа или экспертный

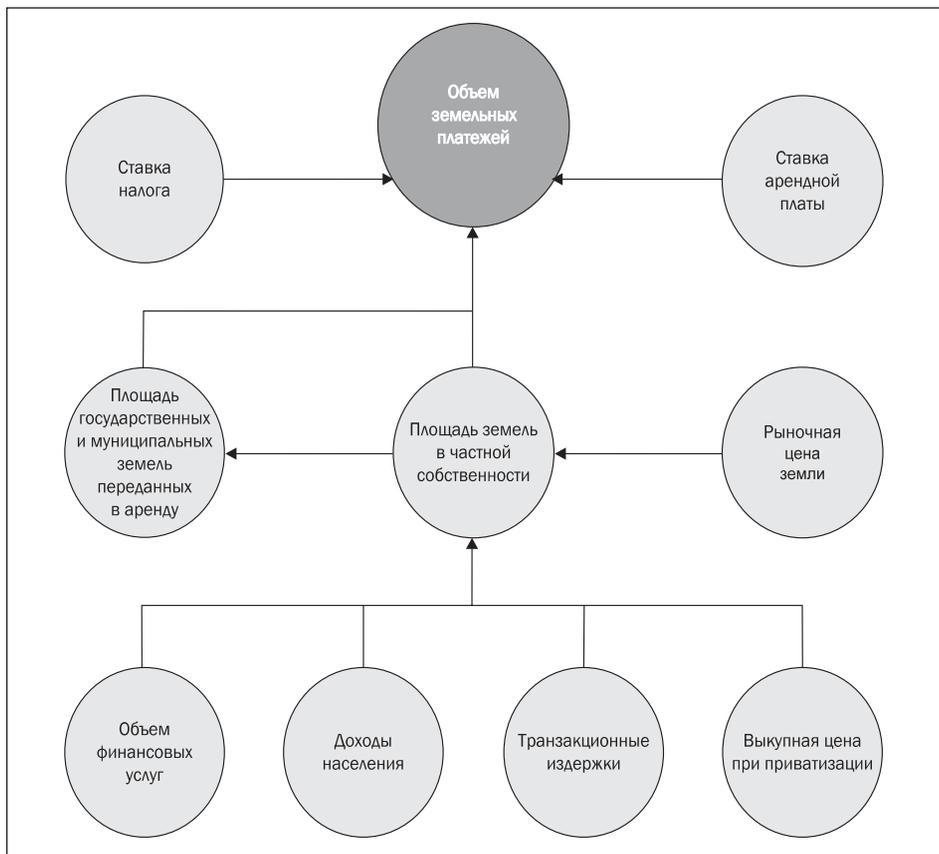

Рис. 7. Когнитивная карта для прогнозирования объема земельных платежей

опрос. После составления списка факторов необходимо сформировать когнитивную карту (рис. 7) — оргграф, вершины которого — прогнозируемый показатель и факторы, влияющие на него, а дуги — их взаимосвязи.

В соответствии с когнитивной картой и на основе экспертного опроса формируется матрица весов, задаются начальные значения

факторов; на основе описания прогнозируемого сценария задаются импульсы тем или иным факторам и осуществляется расчет показателей на определенное количество временных интервалов. Данные расчета демонстрируют, каким образом значения прогнозируемого показателя и факторов будут меняться с течением времени.

ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ И В ОРГАНИЗАЦИЯХ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА

Кудрявцева Е. И.

Проблемы управления персоналом обсуждаются достаточно давно. Отечественная история теории управления персоналом насчитывает 80 лет, и за это время сделаны не только важные открытия, обнаружены и статистически доказаны многие закономерности, но и накоплен большой опыт практического разрешения разнообразных проблем как в системе общего, так и в системе непосредственного управления персоналом. Развитие российской теории и практики управления зафиксировано в последовательном выходе монографий и учебников, авторы которых признаны как наиболее компетентные специалисты в области кадрового менеджмента.

Каждый автор учебников и учебно-методических пособий по-своему определяет сущность и содержание кадрового менеджмента, в качестве основных вопросов формулирует свои, отличные от других авторов, вопросы практики, по-своему видит функционал кадровой службы организации. Известно, что А. И. Турчинов специализируется на вопросах развития управления персоналом в системе государственной гражданской службы¹, А. Я. Кибанов пытается совместить проблемы управления

Кудрявцева Елена Игоревна — кандидат психологических наук, доцент кафедры управления персоналом Северо-Западной академии государственной службы.

¹ См.: Управление персоналом / Под общ. ред. А. И. Турчинова. — М.: Изд-во РАГС, 2002.

персоналом на уровне организации и вопросы непосредственного управления деятельностью сотрудников подразделений¹, В. В. Травин и В. А. Дятлов всегда тяготеют к изложению конкретных методов оценки, мотивации, подбора и расстановки персонала², Т. Ю. Базаров обращает внимание на культурологический и психологический аспект управления персоналом³, а А. П. Егоршин в качестве примеров приводит опыт промышленных предприятий⁴. Разнообразии подходов авторов обусловлено двумя факторами: их принадлежностью к определенной специальности (психология, экономика, социология, юриспруденция) и опытом работы (в том числе — опытом исследовательской и преподавательской деятельности в конкретном вузе). Указанные факторы, тем не менее, во многом обуславливают и сходство авторских позиций. Это сходство выражено, прежде всего, в том, что все авторы описывают деятельность кадровых служб больших организаций, крупных промышленных предприятий, мощных компаний. Даже описание зарубежного опыта дается на примерах таких столпов бизнеса, как IBM, Coca-Cola, Microsoft.

Учебники создают устойчивое впечатление, что проблемы управления персоналом существуют именно в многочисленных органи-

зациях. Специально для решения этих проблем создаются кадровые службы (службы управления персоналом), реализующие разнообразные программы кадрового менеджмента — программы адаптации, мотивации, оценки, продвижения, обучения и ротации персонала. Малочисленные организации таких проблем, видимо, не испытывают, так как руководителям подразделений и небольших организаций в основном адресуются книги по конфликтологии и психологии управления, типичным содержанием которых выступают вопросы стиля управления и индивидуальных особенностей сотрудников.

На фоне этих обстоятельств совершенно особенным выглядит тот факт, что большинство российских специалистов, имеющих постоянную занятость, трудится на предприятиях и в организациях, численность которых не превышает 50 человек. Эта тенденция характерна не только для средних российских городов — она захватывает мегаполисы, для которых ранее (начиная с середины XIX в.!) были свойственны противоположные тенденции, во многом определявшие не только их облик, но и структуру городского населения.

Наиболее красноречива статистика появления бизнес-центров, предоставляющих офисные помещения для разнообразных организаций. Так, сеть бизнес-центров «Се-

¹ См.: Кибанов А. Я. Основы управления персоналом. — М.: ИНФРА-М, 2006.

² См.: Травин В. В., Дятлов В. А. Менеджмент персонала предприятия. — М.: Дело, 2002.

³ См.: Управление персоналом / Под ред. Т. Ю. Базарова, Б. Л. Еремина. — М.: ЮНИТИ, 2001.

⁴ См.: Егоршин А. П. Основы управления персоналом. — М.: Инфра-М, 2006.

натор» в Санкт-Петербурге насчитывает уже 17 зданий, в то время как еще недавно их было только 4. В каждом районе города в год появляется по 2–3 здания, полностью или частично предназначенных для размещения непромышленных компаний. Территории старых промышленных предприятий и складских баз представляют собой улей мелких и средних арендаторов, занимающих

цех, этаж, небольшое здание. Все это — компании малого и среднего бизнеса, даже в том случае, если обороты этих компаний значительны, ведь работает в таких организациях небольшое число сотрудников.

Каталог офисных центров, размещенный в Интернете¹, позволяет оценить плотность распределения компаний на территории одного офисного здания (табл. 1).

Таблица 1

Статистические данные о количестве организаций, арендующих офисы в бизнес-центрах Санкт-Петербурга (март 2007 г.)

Наименование бизнес-центра	Количество компаний-арендаторов	Наименование бизнес-центра	Количество компаний-арендаторов
1. Шереметьев	194	16. Московский	68
2. Инвэко	120	17. Эврика	67
3. Октябрьская, бизнес-центр гостиницы	111	18. Буревестник	66
4. Созвездие	96	19. Маяк	66
5. Петровский Форт	90	20. Невский, 30	65
6. Символ	88	21. Ленгипромез	65
7. Загородный Дом	83	22. Пирометр	63
8. Завод Коралл	83	23. Энгельса, 27	63
9. Охта	80	24. Ленпромстройпроект	61
10. Троицкое Поле-1	73	25. Лениздат ФГУ ИПК	60
11. Технопарк	73	26. Софийский	59
12. Сампсониевский	71	27. Кристалл, деловой центр	57
13. ТВ-Полис	71	28. 6-я Советская, 24	56
14. Мир	71	29. Акватория	56
15. Радуга	70	30. Московский, 2/6	55
Итого		30	2301

¹ Account: Официальный сайт Информационной поддержки малого бизнеса в Санкт-Петербурге // [Доступ: <http://account.spb.ru/?Cat=bizcs&Mod=rmps>].

Данные, представленные выше, свидетельствуют о том, что основную массу компаний-арендаторов офисных зданий и промышленных зданий, преобразованных в офисные, составляют небольшие организации, занимающие 1–4 комнаты. Их кадровый состав колеблется в пределах 3–20 сотрудников.

Рост числа небольших организаций, захватывающих все больший объем рынка труда, входит в противоречие с традиционной устремленностью теории организаций и теории управления персоналом к исследованию закономерностей развития крупных предприятий и компаний. Все яснее выражена потребность в эмпирических исследованиях и теоретических обобщениях практики кадрового менеджмента именно в малочисленных организациях. Обострение этой потребности во многом способствовало тому, что в последнее время выросло число публикаций в журналах, адресованных владельцам бизнеса, самостоятельно управляющим своими компаниями, посвященных проблемам управления персоналом. Так, например, журнал «Бизнес сегодня» с марта 2006 г. ввел раздел «Управление человеческими ресурсами», новый петербургский журнал «Профессия — директор» публикует подборки статей, посвященных вопросам кадрового менеджмента. Эти факты свидетельствуют о том, что руководители небольших орга-

низаций проявляют все больший интерес к вопросам повышения эффективности за счет грамотного управления человеческими ресурсами.

Несмотря на очевидность проблематики, исследования в области малого и среднего бизнеса, касающиеся вопросов управления персоналом, практически не ведутся. Исключения составляют локальные исследования, отраженные в материалах кандидатских диссертаций, например, работа Е. В. Мясовой⁷. Одна из причин подобного положения состоит в том, что малый и средний бизнес во многом остаются закрытыми от внешнего взора областями. Владельцы бизнеса с большой опаской открывают компании для постороннего взгляда, имея на это серьезные основания в условиях обостряющейся конкуренции. В то же время осознание проблемы именно со стороны владельцев бизнеса наиболее отчетливо. Это обстоятельство и порождает мотивационный управленческий конфликт: очевидно, что проблемы надо решать, но существует опасность входа в компанию постороннего независимого лица. Несмотря на это, данная позиция может быть преодолена, и поток исследований в области кадрового менеджмента малых фирм будет нарастать. В качестве одного из примеров активности западных исследователей данного направления следует упомянуть работу М. Фрезе и его коллег, описывающую

⁷ См.: Мясова Е. В. Формирование системы управления персоналом на предприятиях малого предпринимательства: Автореф. дис. ...канд. экон. наук. — М.: ИЦГГУ, 2001.

факторы эффективности малых компаний¹.

Для определения основных направлений исследований в указанной области необходимо оценить приоритетные проблемы, актуальные для всех организаций малого размера и ограниченного штата. Выявление общих проблем создаст основу для системного анализа особенностей управления персоналом в малочисленных организациях.

Проблемы управления персоналом в организациях малого и среднего бизнеса можно разделить на несколько основных блоков: правовой, организационный, управленческий. На наш взгляд, основными факторами, определяющими эти проблемы, являются форма собственности и структура персонала. Оба эти фактора в одинаковой степени влияют на превращение компании, фирмы, предприятия из формальной организации в группу, организующую отношения на основе условных, неявных, нигде не фиксированных договоренностей.

Впервые в полном объеме феноменологию указанных превращений исследовала Т. И. Заславская². В своей работе она показала, что так называемые неправовые трудовые отношения явились следствием социальной ломки, произошедшей на территории бывшего Советского Союза.

Исследование Т. И. Заславской позволило обнаружить, что феномены в области трудовых отношений оказались более устойчивыми, чем предполагалось, так как при относительной стабилизации социальной ситуации, укреплении позиции государства и оформлении рынка труда система неправовых трудовых отношений не исчезла, а является востребованной как со стороны работодателей, так и со стороны наемных работников. Именно отказ от формально закрепленных юридически обоснованных отношений, их перевод в сферу неформальных договоренностей позволяет обеим сторонам иметь достаточную свободу взаимовлияния и быстрого достижения целей.

Фактически речь идет о том, что неправовые трудовые отношения позволяют быстро разрешать конфликты, для которых в правовом поле предусмотрены длительные и дорогостоящие процедуры. К таким конфликтам прежде всего относятся конфликты по поводу признания фактов выполнения работ, исполнения договоров в полном объеме, выплаты заработной платы, возможностей сотрудников использования рабочего времени для решения личных вопросов и тому подобные. Отказ от правовых процедур разрешения этих конфликтов позволяет решить главную задачу управления небольшими

¹ См.: Основатели эффективных компаний. Психологический анализ и практические рекомендации для предпринимателей: Пер. с нем. / Под ред. М. Фрезе. — Харьков: Изд-во Гуманитарный Центр, 2006.

² См.: Заславская Т. И. Социетальная трансформация российского общества. — М.: Дело, 2003.

организациями — сократить общеорганизационные издержки. Для сотрудников основная выгода заключается в том, что они получают возможность влияния на работодателя своими методами, гарантированно приносящими результат. К этим методам относится не только отказ от выполнения работ или их выполнение с ненадлежащим качеством, но и уход с рабочего места без предупреждения. Создается своеобразная система взаимного шантажа, в которой у работника есть риск неполучения заработка, а у работодателя — риск неполучения выгоды из-за неисполнения работ. Именно баланс этих рисков и удерживает всю систему трудового взаимодействия. Указанные риски усугубляются еще и тем, что и той, и другой стороне экономически невыгодно полное соблюдение законодательства, прежде всего в силу давления налоговой системы. Желание избежать налогового бремени и толкает обе стороны трудовых отношений к неправовым формам взаимодействия. Таким образом, взаимный шантаж компенсируется взаимным сговором.

Перечисленные особенности трудовых взаимоотношений фактически не оставляют пространства для реализации технологий управления персоналом, так как эти технологии ориентированы на поддержание формализованного, юридически регламентированного взаимодействия между работодателем и работниками. Именно этот факт и является основным препятствием, блокирующим интерес работодателей (владельцев и управляющих малыми предприя-

ми и организациями) к технологиям управления персоналом. В то же время руководители организаций, практикующих неправовые формы трудовых отношений, наиболее остро переживают потребность в трудовых гарантиях. Они хотят (но не могут) привлечь устойчивый квалифицированный персонал, объясняя проблемы, как правило, двумя причинами: особенностями сферы деятельности (например, необходимость работы вахтовым методом) и нежеланием людей (реальных и потенциальных работников) трудиться без срывов (запоев, неоговоренных отъездов и т. п.).

Кроме правового аспекта в особенностях управления персоналом в небольших организациях можно усмотреть и общеорганизационный аспект. В наибольшей степени он выражен в тех организациях, которые работают в непроизводительной сфере, формируют и предоставляют услуги для клиентов (юридических и физических лиц).

Клиентоориентированный бизнес особым образом отражается на структуре персонала. В организациях, занимающихся обслуживанием клиентов, особое внимание, как правило, уделяется отбору сотрудников. Именно отбор становится первой технологией, затребованной небольшими организациями, и часто он обеспечивается специализированными компаниями — рекрутинговыми агентствами, к которым обращаются небольшие фирмы с просьбой о подборе специалистов. В организацию попадают опытные специалисты, способные принести

результат. К сожалению, этот потенциал во многом остается невостребованным, так как кроме процедур отбора в компаниях не используются никаких иных форм структурирования персонала, что, несомненно, приводит к новым видам организационных издержек.

Небольшой размер организации, ограниченное число сотрудников являются причиной особой формы зависимости клиентоориентированной компании от работника. Каждый сотрудник, работая со своей группой клиентов, становится для этих клиентов провайдером услуг. В конечном счете потребителю становится не столь важно, с какой компанией он имеет дело, так как все его проблемы решает конкретный менеджер. Менеджер в этой ситуации становится определенным буфером между клиентским полем и компанией, постепенно присваивая себе ресурс, созданный с помощью базового продукта компании, — клиентскую базу. Присвоение клиентской базы может быть скрытым — в этом случае менеджер использует компанию в качестве донора, заключая с клиентом за вознаграждение невыгодные для компании договоры. Открытое присвоение клиентской базы представляет собой наиболее нежелательный для компании вариант отношений, так как в этом случае сотрудник уходит из компании к конкуренту, унося за собой клиентскую базу в качестве оснований для получения в компании-конкуренте более выгодных условий найма.

Перечисленные проблемы становятся все более очевидными и

затрагивают не только малые и средние компании, но и более крупных игроков рынка, в особенности в сфере недвижимости и страхования. Одним из следствий осознания данных проблем выступает повсеместное повышение интереса к проблемам мотивации, особенно к вопросам развития лояльности персонала. В этой связи необходимо отметить, что заинтересованность организации, готовность руководства к инвестициям в персонал именно в ситуации клиентоориентированного бизнеса сопровождается сопротивлением самих сотрудников. В частности, это сопротивление касается обучения, введения изменений в систему оплаты труда, изменения форм и методов контроля и отчетности. Сотрудники предпочитают оставаться в качестве уникальных специалистов, владеющих «особыми секретами», пытаются остаться единственными носителями профессиональных технологий, настаивают на их «непередаваемости». Сотрудники стремятся всеми доступными им способами сохранить собственную автономию, что рано или поздно приводит к тому, что все организационные инвестиции в персонал остаются невозвратными.

Особую остроту этой проблеме придает и объективный фактор — действительно, в небольших организациях практически все специалисты уникальны. В компании, где работает до 20 человек, половина сотрудников имеет не только особый опыт, но и особый профессиональный и организационный статус. Компании часто нужен только

один маркетолог, один специалист по рекламе, один системный администратор и т. д. Отсутствие массовости превращает всех сотрудников в специалистов, они перестают чувствовать себя и реально быть исполнителями, и это порождает дополнительные трудности управления. Результативность сотрудников трудно оценивать, практически невозможно ввести обоснованные нормы выработки и сформировать планирование деятельности.

Управленческие проблемы небольших организаций показывают, что именно в маленьких компаниях эффективность деятельности обеспечивается только индивидуальными особенностями сотрудников. Фактически речь идет о том, что в небольших по численности организациях как нигде очевидна связь общего и кадрового менеджмента. Именно поэтому собственно кадровые подходы к решению управленческих проблем не дают результата, а специалисты в области кадрового менеджмента вынуждены просить профессиональную поддержку коллег, компетентных в вопросах общего (организационного) менеджмента.

Одной из проблем выступает проблема дисбаланса функциональной структуры маленьких компаний, несоответствие распределения функций структуре бизнес-процессов и организационной структуре (границам должностей). В малочисленной организации некоторые сотрудники (иногда — половина состава) фактически занимают 2–4 должности и вынуждены самостоятельно определять соотношение этих должностей

при расстановке приоритетов и планировании деятельности. Небольшие компании отличаются тем, что там нет должностей в их формальном понимании, а определены и индивидуально закреплены лишь предметы профессионального ведения. Объем их освоения, определяемый только личностными особенностями, лежит в основе формального закрепления должностной позиции конкретного сотрудника. Следствием этого явления выступает как указанная выше зависимость организации от сотрудника (уникального специалиста), так и неспособность определить на организационном уровне факторы успеха (в том числе — и экономического). В результате маленькие компании создают и особые формы давления на рынок труда, заключающиеся в изменениях оснований определения уровня заработной платы, адекватного должности, требованиях сочетания в одном специалисте компетенций различных профессиональных областей.

Маленькие организации ориентированы на приобретение «готовых» специалистов, инвестиции в развитие которых произвели либо другие работодатели, либо сами специалисты, развивающие компетенции за свой счет. Развитие персонала становится задачей компаний только тогда, когда руководство обнаруживает признаки ухудшения положения организации на профильном рынке или при возникновении явных потребностей в наличии у сотрудников новых компетенций. В этом случае компании прибегают к неявным формам развития персонала.

Одна из неявных форм развития персонала — обучение сотрудников без выдачи сертификатов, подтверждающих факт обучения. Многие компании, обращаясь за помощью в организации обучения сотрудников к тренинговым компаниям или частным тренерам, мотивируют свое обращение именно желанием повысить компетентность персонала так, чтобы персонал не смог воспользоваться фактом дополнительного обучения для повышения своей стоимости на рынке труда. Таким способом компании пытаются защитить себя и обеспечить устойчивость персонала.

Перечисленные проблемы не могут охватить весь спектр феноменологии кадрового менеджмента в условиях малых организаций. Тем не менее ряд выявленных проблем позволяет определить основные черты системы управления персоналом в небольших организациях.

Основной проблемой выступает проблема общего менеджмента. Отсутствие четкой структуры управления, неготовность использовать управленческие инструменты для решения организационных задач приводит к тому, что в организациях с небольшим количеством сотрудников большую роль играет психологический фактор. Недостатки управленческой системы компенсируются мотивацией сотрудников, обеспеченной особенностями построения отношений.

В организациях небольшого размера сотрудники оказываются в ситуации отсутствия гарантий, повышенной неопределенности, что приводит к росту тревожности и стремле-

нию найти адаптивные формы организационного поведения. Это, в свою очередь, ориентирует работодателей на поиск устойчивых, надежных сотрудников и введение инструментов повышения эффективности их деятельности. Однако задачи, формулируемые перед кадровым менеджментом в малых организациях, оказываются фактически невыполнимыми. Эти задачи формулируются, как правило, в абсолютных категориях, не сопровождаются расчетами эффективности и не подкрепляются соответствующим бюджетом. Основным механизмом повышения эффективности и организационной устойчивости выступают оценки психологических характеристик сотрудников. Ориентация на психологические характеристики формирует особые ожидания, фактически снимает с организации как с работодателя ответственность за развитие персонала в качестве организационного ресурса.

Указанные проблемы свидетельствуют о том, что построение системы управления персоналом в организациях малого и среднего бизнеса имеет свои закономерности, во многом отличные от сходных по содержанию закономерностей развития систем управления персоналом крупных предприятий и организаций.

Предметом кадрового менеджмента больших организаций, несомненно, является структура персонала (профессиональная, возрастная, квалификационная, должностная). Предмет кадрового менеджмента малых организаций требует особого определения. Он должен быть более

явен, в нем должно быть «больше менеджмента», он должен быть понятен прежде всего владельцам бизнеса, от которых зависит объем бюджета расходов на персонал. Данные обстоятельства указывают на то, что в качестве предмета кадрового менеджмента небольших по персональному составу организаций выступает эффективность деятельности персонала.

Подобное определение предмета вызывает массу вопросов — о кри-

териях оценки эффективности деятельности, способах ее измерения, формах влияния на ее динамику и границах диапазона возможных изменений. Данные вопросы с очевидностью выводят кадровый менеджмент в новые сферы, прежде всего — в зону проектного менеджмента, и подобные трансформации требуют самостоятельного и детального обсуждения.

ЖЕНЩИНЫ В РОССИЙСКОЙ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЕ: К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ ГЕНДЕРНОЙ ЮСТИЦИИ¹

КАШИНА М. А.

Спектр российских гендерных исследований — все более и более расширяется. Начав с изучения гендерной составляющей лингвистики, истории и политики, гендерных аспектов развития бизнеса, исследователи обращаются ко все более неочевидным, скрытым и скрываемым областям гендерных отношений. Одной из них является преступление и наказание.

Рост криминальной активности населения, ослабление механизмов социального контроля — очевидная тенденция пореформенной России. Как следствие, не сокращается число людей, осужденных на лишение свободы, и тех подозреваемых, для которых в качестве меры пресечения выбрано заключение под стражу. На рис. 1 показана динамика численности контингента заключенных в России в 2000–2007 гг.²

Заметное падение численности заключенных в 2002 г. по сравнению с 2001 г. объясняется введением в действие с 01.07.2002 г.

Кашина Марина Александровна — кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и социальной работы Северо-Западной академии государственной службы.

¹ При написании этой статьи были использованы материалы, любезно предоставленные Л. П. Василенко — руководителем благотворительного фонда «Возвращение», созданного в Санкт-Петербурге в 1996 г. Фонд работает в петербургском женском СИЗО и женской тюрьме, сейчас уже и в женской колонии. Он оказывает помощь женщинам-заключенным в решении бытовых и духовно-нравственных проблем.

² Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Официальный сайт Федеральной службы исполнения наказаний [Доступ: <http://www.fsin.su>].

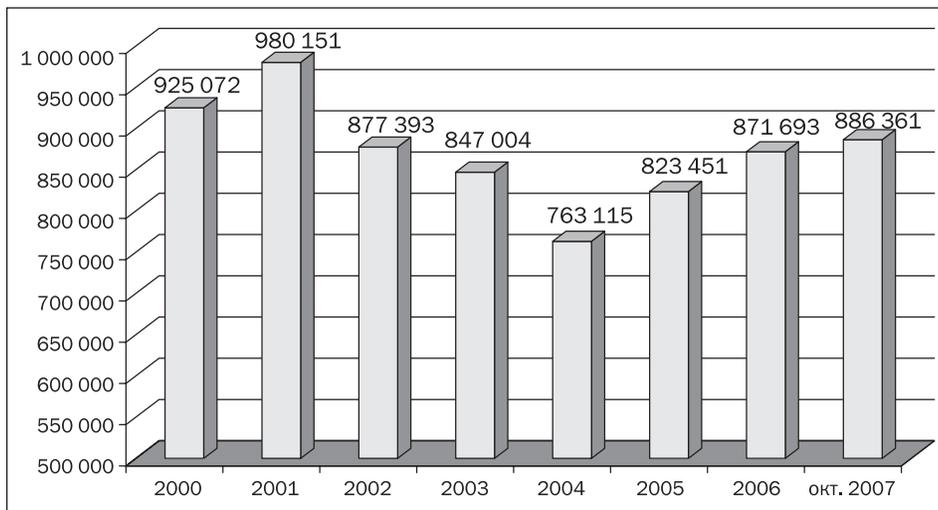

Рис. 1. Численность лиц, находящихся в местах лишения свободы, в 2000–2007 гг. (чел.)

нового Уголовно-процессуального кодекса. Наметившаяся после этого положительная тенденция сокращения числа заключенных исчерпалась к 2004 г., и за 3 последующих года число лиц, находящихся в местах лишения свободы, выросло на 123 тыс. 246 чел. и превысило уровень 2002 г.

По состоянию на 01.11.2007 г. в учреждениях УИС содержалось 886,4 тыс. человек. Сегодня в России существует 1211 пенитенциарных учреждений. Штатная численность персонала уголовно-исполнительной системы (УИС) 355,3 тыс. человек¹. В стране имеется 766 исправительных колоний (из них 35 женских),

62 воспитательные колонии для несовершеннолетних (из них 3 женских), 7 тюрем, 376 следственных изоляторов. В учреждениях УИС содержится 63,9 тыс. осужденных женщин, при женских колониях имеется 11 домов ребенка, в которых проживают 714 детей. В 2004 г. детей в этих учреждениях было почти на треть меньше — 530, а женщин-заключенных было почти на 14 тыс. человек меньше. В следственных изоляторах России сегодня содержатся 154,6 тыс. подозреваемых и обвиняемых, из них — порядка 20 тыс. женщин.

Как показывает анализ приведенных данных, доля женщин в общем контингенте российских заключен-

¹ Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы Российской Федерации...

ных сравнительно невелика и составляет около 7%. В составе осужденных за различные виды преступлений в 2003 г. она была почти в 2 раза выше (14%). Для сравнения: в 1990 г. женщины составляли только 8,5% всех осужденных. В составе лиц, совершивших преступления, также отмечается рост числа женщин. Если в 1990 г. их было 14% (122,7 тыс. человек), то в 2003 г. стало 17% (205,9 тыс. человек)¹. При анализе этих данных следует учитывать, что с 01.01.1997 г. был введен в действие новый Уголовный кодекс РФ, в котором некоторые из ранее имевшихся преступлений были декриминализованы, но появились статьи по новым видам преступлений, в частности, расширился спектр уголовно преследуемых экономических деяний.

Разница между числом осужденных женщин и числом женщин, лишенных свободы, объясняется тем, что не все совершенные ими преступления наказываются в нашей стране лишением свободы. Уголовно-исполнительная инспекция (УИИ) исполняет другие виды приговоров, в частности: исправительные работы без лишения свободы, обязательные работы, условное осуждение, осуждение женщин с отсрочкой отбывания наказания. К женщинам суды, как правило, более снисходительны, однако статистика распределения мер наказания преступников с учетом пола в открытой печати пока не публикуется.

Таким образом, можно сделать вывод, что в места лишения свободы попадают женщины, совершившие особо тяжкие преступления или рецидивистки за преступления средней тяжести. В типичной женской колонии — ЯИ-22/6 — Орловская — содержится 1194 заключенных женщин. Из них неоднократно судимы 1045 человек, и лишь 149 осуждены впервые. Тем самым рецидив в этой колонии составляет 88%. По составу совершенных правонарушений больше всего краж (64%) и убийств (14%).

В связи с этим важно понять, почему женщины решаются на совершение тяжких преступлений, что ведет их к рецидиву, в силу чего социальная реабилитация женщин в пенитенциарной системе оказывается неэффективной, и почему в России наблюдается рост женской преступности.

* * *

Женщины, в силу социокультурных норм и особенностей гендерной социализации, вырастают более законопослушными гражданами, чем мужчины. Гендерными стереотипами им вменяется в обязанность быть милосердными, добрыми и терпимыми. Тем не менее все больше российских женщин совершают преступления, в том числе уголовные. Это следствие, как минимум, двух взаимосвязанных социальных процессов —

¹ Российский статистический ежегодник 2000: Стат. сб. / Госкомстат России. — М., 2000. С. 243, 245. Женщины и мужчины России. 2004: Стат. сб. / Росстат. — М., 2004. С. 186, 192.

кризиса института семьи (в частности, роста числа разводов, неполных семей и гражданских браков), и кризиса мужественности / маскулинности, — которые разворачиваются на фоне феминизации бедности, усиления в обществе социальной поляризации и формирования устойчивого социального дна.

С точки зрения социологии, главная причина девиации (отклоняющегося поведения), в том числе деликвенции (уголовно наказуемой девиации) — это противоречие между социально одобряемыми целями и социально разрешенными средствами их достижения, которое на уровне личности принимает форму нарушения / отклонения от социальных норм. В патриархатном обществе для женщины существует только один легитимный способ достижения желаемой цели — благополучия и достатка — удачное замужество и преданная забота о своих домашних и близких.

В условиях экономического кризиса происходит разрушение традиционного гендерного контракта «мужчина — кормилец, женщина — хранительница очага», поскольку далеко не все российские мужчины могут успешно исполнять роль кормильца и обеспечивать своим женам и детям безбедное существование. Они компенсируют несостоявшуюся маскулинность алкоголем, наркотиками, домашним насилием. Вряд ли жизнь с мужем-тираном или алкоголиком может стать целью и смыслом жизни для женщины. Но далеко не каждая

женщина может позволить себе жизненную стратегию, альтернативную патриархату.

Стремясь к достатку, а иногда просто к выживанию и сохранению человеческого достоинства, женщина ищет доступные для себя способы решения своих проблем, в том числе и противоправные. Основную массу тяжких преступлений, совершаемых российскими женщинами, составляют убийства — мужей, любовников, соперниц. Несостоявшиеся матери убивают и собственных детей. В России в 2003 г. уголовной статистикой было зафиксировано 195 фактов убийства матерью новорожденного ребенка¹.

Женщины убивают тиранов-мужей и убивают своих соперниц, которые уводят мужей. По проявлению агрессивности женщин условно можно разделить на две категории: слабо контролирующих свою агрессию и чрезмерно сдерживающих свою агрессию. Первые, как правило, совершают преступления под влиянием обстоятельств. Их поступки вызваны повышенной эмоциональной возбудимостью, совершаемые преступления — это реакция на глубоко взволновавшие их события, угрозу, оскорбление, измену. Вторая категория женщин совершают преступления после долгих оскорблений, когда чаша их терпения переполнена. Так, одна женщина долго терпела оскорбления от сожительницы своего мужа. Она хотела все решить мирным путем,

¹ Женщины и мужчины России. 2004... С. 185.

пошла на встречу к сопернице, но, не договорившись, нанесла ей 17 ножевых ранений¹.

Широкого изучения преступности с позиций феминистского и гендерного анализа в нашей стране еще не проводилось. Исключение составляет книга известной отечественной правозащитницы Людмилы Альперн — «Сон и явь женской тюрьмы» (СПб.: Алетейя, 2004). Есть серьезные трудности в проведении подобных исследований. В первую очередь, это закрытый характер информации и нежелание (если не сказать, брезгливость) большого общества вмешиваться в дела мира заключенных. Вместе с тем 3 млн преступлений в год и более 800 тыс. людей, находящихся в местах лишения свободы, — это факты, характеризующие сегодняшнюю российскую ситуацию. Отбыв свой срок, заключенные (в том числе и женщины) возвращаются в социум, но далеко не всем удается в нем остаться и не сорваться на социальное дно. Известно, что преступниками не рождаются, ими становятся, но также верно и то, что, один раз оступившись, человек не должен быть обречен умереть преступником.

В местах заключения (тюрьмах, следственных изоляторах, колониях) сегодня находятся десятки тысяч жен-

щин, подавляющее большинство из них в репродуктивном возрасте. Линзы андроцентризма², о которых писала Сандра Бем в «Линзах гендера», работают и здесь. Считается, что преступник — это мужчина, и вся система наказания сориентирована на него, начиная от оборудования камер и заканчивая отсутствием прокладок в списке гигиенических принадлежностей заключенных. Тем самым женщины в УИС испытывают двойной гнет: и лишения свободы, и лишения признания и (само)восприятия себя как женщин.

Формально женщины, наряду с несовершеннолетними, отнесены в пенитенциарной системе к наиболее социально уязвимой категории лишенных свободы, но что мы имеем на практике? Женщины, находясь в колониях, тюрьмах, следственных изоляторах, переживают острый социально-нравственный кризис.

Л. Альперн так говорит об этом: «Главная проблема женщин, которые находятся в тюрьмах, это очень низкая самооценка. Женщина не чувствует себя способной влиять на мир, даже на ситуацию, в которой она живет, ...у нее нет ощущения, что она является активным и действующим элементом мира, жизни»³.

¹ Здесь и далее курсивом приводятся примеры из материалов Л. П. Василенко.

² Андроцентризм — центрированность на мужском в культуре, где мужское понимается как норма, а женское как отклонение от этой нормы. (Бем С. Линзы гендера: Трансформация взглядов на проблему неравенства полов / Пер. с англ. — М.: РОССПЭН, 2004. С. 281).

³ Альперн Л. Тюрьма — это путь в никуда // Альманах «Неволя»: Приложение к журналу «Индекс / Досье на цензуру». 2005. № 2. [Доступ: http://index.org.ru/nevol/2005-2/ialp_nv2.htm].

Еще будучи подозреваемыми, женщины сталкиваются с унижением и жестокостью окружающих. Сотрудникам Центра содействия реформе уголовного правосудия заключенные женщины свидетельствовали о случаях незаконных деяний, сообщали об оскорблениях и избиениях на стадии дознания и предварительного следствия, о психологическом насилии в форме угроз в адрес родственников и детей. Девушки чаще жаловались на сексуальные домогательства и насилие в отделениях милиции и в изоляторах временного содержания.

В следственном изоляторе (СИЗО) перевод из камеры в камеру является суровым психологическим наказанием. Случается, что женщина заболевает, ее необходимо перевести из камеры в санчасть. После лечения она не попадет в прежнюю камеру, а в новой ей приходится снова налаживать отношения с сокамерницами. Не всегда эти отношения складываются удачно. В каждой камере своя психологическая обстановка, скандалы и конфликты, в которые нужно вникать, растрачивать на это свои силы, эмоции. Понимая это, многие женщины просто отказываются от лечения, чтобы не уходить из привычной камеры, однако это их не спасает — перемещение по камерам как форма наказания используется в СИЗО часто.

Женщины-заключенные устраивают восстания, голодовки, протестуют против решений администрации и негуманного отношения к ним охраны. От бессилия добиться выполнения своих требований или неспособности вынести психологи-

ческую нагрузку, связанную с неопределенностью будущего, муки совести или мести, женщины впадают в депрессию или агрессию. Они пытаются защитить себя индивидуальными актами протеста, вскрывают себе вены, но, боясь смерти, травмируют только кожный покров. В следственном изоляторе зачастую можно встретить женщин в шрамах от кисти рук до самой шеи. За суицидные попытки их наказывают карцером, чтобы другим было неповадно.

Месяцы, проведенные в условиях стресса, физических и нравственных унижений, навсегда оставляют отпечаток в психике женщин, они теряют остатки самоуважения.

Это подтверждают данные исследования, проведенного в 2001 г. общественным благотворительным фондом «Возвращение» в петербургских пенитенциарных учреждениях. На вопрос анкеты: «Что бы вы хотели изменить в условиях пенитенциарной системы, если бы могли?» из 200 опрошенных фондом женщин никто не ответил: «Добиться достойного отношения к себе».

Грубость воспринимается ими как норма. Женщины говорят, что жалко волосы, когда их стригут наголо по требованиям СИЗО. Им хочется сладкого, соленого, чтобы им приносили в камеры прессу. Женщины-заключенные просто пытаются приспособиться к существующим условиям, и их гораздо больше волнуют вопросы быта, чем сохранение человеческого достоинства.

Гендерный анализ позволяет понять механизм социально-психоло-

гического и нравственного кризиса, испытываемого женщинами-заключенными, который связан в первую очередь с кризисом традиционной женской роли. Как уже отмечалось, наиболее часто совершаемые женщинами тяжкие преступления имеют корни в семейном неблагополучии. Это женский протест против невыносимого существования в условиях патриархатного мира, в котором женщина должна быть любящей женой и матерью, но без гарантий реализации мужчинами основной патриархатной функции — защиты и поддержки по отношению к ней.

Еще одним проявлением этого кризиса выступает кризис института материнства. 80% женщин-заключенных имеют детей, но их общение с ними невозможно или затруднено в силу отдаленности колоний и тюрем, проживания детей у родственников или в домах ребенка. И если мужчины выходят из мест заключения часто укрепившимися в своей социально-половой роли, поскольку мир тюрьмы — мужской мир конкуренции и борьбы, где выживает сильнейший, в том числе физически, то женщины оказываются тяжело травмированы во всех аспектах своей женственности¹.

В тюрьме не надо быть хранительницей очага, потому что его нет, не надо заботиться о детях и нетрудоспособных, не надо следить за своим внешним видом и украшать жилище. В местах заключения нет необходи-

мости привлекать мужчин и бороться за их внимание, потому что там практически нет мужчин, а персонал учреждений — женский. Мужчины есть в следственных изоляторах и в изоляторах временного содержания (так называемых «обезьянниках»), но, как уже говорилось, они относятся к задержанным и подследственным женщинам как к отбросам общества, людям второго сорта.

Чем может закончиться кризис традиционной женской роли, переживаемый заключенными в пенитенциарной системе? В сексуальной сфере — формированием лесбийских отношений (в мужской тюрьме абсолютно зеркально развивается гомосексуализм). В сфере семейных отношений — пренебрежением к традиционной семье, в которой обязательным элементом является мужчина — глава семьи. Перейти к эгалитарным гендерным отношениям в семье женщины — бывшие заключенные вряд ли смогут, поскольку у них для этого нет ни достаточного дохода, ни образования, ни высокой самооценки, но и к традиционным патриархатным семейным отношениям большинство из них, выйдя на свободу, стремиться не будут, в том числе и в силу атрофии у них материнского чувства, а их дети останутся на руках у родственников.

Один из выводов комплексного исследования Центра содействия реформе уголовного правосудия, опубликованного в книге Л. Альперн

¹ Орлова Н. Пробуждение женщины // Отечественные записки. 2004. № 4 (19) [Доступ: <http://www.strana-oz.ru/print.php?type=article&id=929&numid=19>].

о женской тюрьме, состоит в том, что «будучи изолированными от общества, часто не имея никакой финансовой или моральной поддержки извне, женщины полностью теряют социальную адаптацию, страдает их волевая сфера, способность приспособиться к условиям жизни на воле... Результатом отбытия наказания становится рецидивная преступность, причем даже те женщины, которые попали в места лишения свободы в зрелом возрасте и имели до этого хорошую социальную адаптацию, после 3–4 лет пребывания в условиях изоляции (а это средний срок наказания для женщин) теряют социальные связи, получают сильнейшую психологическую деформацию — все это мешает им найти свое место в обществе»¹.

Женщин-заклученных количественно гораздо меньше, чем мужчин: среди осужденных их меньше почти в 5 раз, а среди тех, кто находится в местах лишения свободы, почти в 15 раз. Но то, что женщин в пенитенциарной системе меньше, вовсе не означает, что следует работать по «методу основного массива», т. е. по мужскому образцу, что не надо исследовать специфические проблемы женщин, не надо учитывать в профессиональной деятельности сотрудников пенитенциарных учреждений их личностные особенности.

Л. Альперн считает, что «для женщин вообще должны быть созданы

другие формы наказаний, это должны быть какие-то фостерные (приемные) семьи, где женщина могла бы оставаться вместе со своими детьми, если они у нее есть... и главная цель такого рода изоляции заключалась бы в том, чтобы женщину... научили навыкам, которыми она не владеет, потому что женщины, которые попадают в тюрьмы, изначально в определенном смысле маргинальны»².

Гендерный анализ пенитенциарной системы будет неполным, если не принять во внимание еще двух важных акторов УИС: сотрудников, которые могут как усиливать, так и ослаблять социально-нравственный кризис заключенных, и тех, кто приходит в тюрьму с воли, чтобы морально поддержать осужденных, укрепить их социальные связи с большим миром. Речь идет, прежде всего, о благотворительных, религиозных и правозащитных организациях.

В нашем обществе средства массовой информации основное внимание уделяют проблемам тех, кто наказан лишением свободы, и мало кто обращает внимание на проблемы людей в погонах, тех, кто решил часть своей жизни посвятить службе в пенитенциарной системе. В то же время для сотрудника каждый прожитый рабочий день тоже стресс, он тоже находится в тюрьме, правда, по другую сторону решетки, не зря пишут о профессио-

¹ Альперн Л. Сон и явь женской тюрьмы. — СПб., 2004. С. 167.

² Альперн Л. Тюрьма — это путь в никуда...

нальном «выгорании» работающих в УИС¹.

Служить в УИС приходят чаще всего молодые люди, имеющие среднее образование, прошедшие службу в армии. Доля женщин в контингенте сотрудников в последнее время заметно выросла, они начинают служить даже в мужских учреждениях, например, в знаменитых Крестах (петербургском следственном изоляторе). Женщины приходят в УИС тоже, как правило, сразу после окончания школы, не имея специального образования, а получают его заочно (как и мужчины) в процессе службы. Их привлекает прежде всего стабильная оплата труда, сменный график работы и льготы при выходе на пенсию. Профессиональную подготовку новые сотрудники УИС получают в соответствующих образовательных учреждениях. Например, учебный центр обучения личного состава для аттестации сотрудников УИС, расположенный в г. Пушкине (пригород Санкт-Петербурга), знакомит слушателей с основами юриспруденции, формирует у них навыки пользования рацией, обучает способам самообороны, занимается физической подготовкой сотрудников. В учебном плане этого Центра пока нет таких предметов, как этика, основы психологии и педагогики, технологии социальной работы.

Могут возразить, что для осуществления социально-психологической работы с заключенными в пенитенциарных учреждениях есть специальные сотрудники — психологи, социальные работники, в территориальных органах УИС даже введен специальный институт помощников начальника по правам человека. Тем не менее в должностную инструкцию сотрудника воспитательно-го отдела, в том числе и прошедшего подготовку в Пушкине, входит кроме оформления личной карточки заключенного, проведение профилактических бесед с каждым из закрепленных за ним заключенных. Содержание и темы бесед должен разрабатывать сам сотрудник, опираясь на свой жизненный опыт и собственные представления о нравственности. Каковы эти представления, показывают отдельные, просачивающиеся в прессу сообщения о жестоком подавлении бунтов заключенных в колониях и в СИЗО.

Есть еще один важный момент, затрудняющий полноценную и систематическую работу по социальной реабилитации заключенных. В одном женском пенитенциарном учреждении содержится от 1000 до 2000 заключенных. У сотрудников нет возможности уделить внимание каждой женщине, нуждающейся в нем. Большая часть их времени уходит на организационную работу, оформление

¹ См.: *Елфимов Г. М., Колинко Н. П.* Штрихи к социологическому портрету сотрудника современной российской уголовно-исполнительной системы (по материалам исследования сотрудников учреждений УИС Санкт-Петербурга) // *Личность. Культура. Общество.* 2007. Вып. 2 (36). С. 272–281.

бумаг, ведение делопроизводства. На личные беседы попадают лишь некоторые заключенные, отличившиеся плохим поведением.

На самом деле, все женщины нуждаются в том, чтобы их выслушал кто-то не из числа соседок по камере, а из среды «нормальных» людей. Им важно подтвердить свою значимость, важно с кем-то разделить переживания, боль души. Ф. М. Достоевский говорил: «Человек, кто бы он ни был, и как низко он ни пал, требует, чтоб инстинктивно и бессознательно, но уважали его человеческое достоинство». Чтобы попасть на беседу, обратиться на себя внимание, женщины бунтуют в камере около недели. Случается, что вместо беседы попадают в карцер.

Как пишет Л. Альперн, для многих женщин тюрьма становится местом личностного роста, она перерождает женщину, уничтожает в ней последнее из того, что ей необходимо иметь, чтобы вернуться в обычный мир с патриархатной начинкой, — уважение к мужчине, к законам, установленным им, потребность в общении с ним. По-видимому, в этом суть кризиса, переживаемого женщиной, но личностный кризис может оказаться не только началом пути на дно, но и началом новой жизни, если разрушение патриархатных представлений приведет не к социальной деградации личности, а к ресоциализации, усвоению женщиной новых представлений о самой себе, повышению ее самооценки.

Агентом этих изменений пока не могут стать сотрудники УИС. Сегодня люди в погонах и заключенные — это две группы, стоящие по разные стороны баррикады, примирения и доверия между ними в большинстве случаев нет. Сотрудники пенитенциарных учреждений зачастую даже не выполняют своих прямых обязанностей, когда, например, не вмешиваются в издевательства сокамерниц друг над другом, хотя могли бы это сделать.

Поэтому нужен кто-то третий. Как уже отмечалось, этим третьим могут стать различные общественные организации. Они посещают тюрьмы для оказания помощи заключенным. Одно их присутствие в пенитенциарных учреждениях делает грубое нарушение человеческих прав невозможным. Вместе с тем разные организации совершенно по-разному видят задачи, стоящие перед женщинами после их возвращения в социум. И если правозащитные организации в своей работе с заключенными апеллируют к правам и свободам личности, становятся агентами личностных изменений, то религиозные обращаются к традициям и божественным заповедям, призывая к смирению и покаянию. Количество религиозных организаций, работающих в местах заключения, несравнимо больше, чем правозащитных. Соответственно, и охват ими заключенных шире. Сегодня при исправительных и воспитательных колониях действует 436 церквей, 741 молитвенная комната¹.

¹ Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы Российской Федерации...

Не отрицая заслуг религиозных организаций в социальной работе с заключенными и другими группами девиантов — алкоголиками, наркоманами, лицами без определенного места жительства, необходимо помнить, что они оказывают помощь и нравственную поддержку этим людям в рамках своего мировоззрения и идеологии. Учитывая светский характер нашего государства, необходимо четко провести грань между реализацией права человека на свободу совести и религиозной пропагандой, между обязанностями государства по отношению к своим гражданам и Церкви по отношению к своим верующим. Обеспечение прав человека — мужчины и женщины, верующих и неверующих, в том числе в пенитенциарной системе — обязанность государства, но не Церкви.

Как уже неоднократно отмечалось, контингент лиц, осужденных на лишение свободы, в России (как, впрочем, и во всем мире) в основном мужской. И наша тюрьма, пишет Л. Альперн, полностью построена по мужским образцам: и поведенческим, и ценностным. Тюрьма для женщины — путь в никуда, наказание навсегда¹. Пройдя пенитенциарную систему, женщины испытывают комплекс неполноценности, лишаются последних черт женственности, в том числе этики заботы о собственных детях и стариках, стремления жить в обычной семье, женщины, которые проводят дли-

тельное время в условиях тюрьмы, фактически теряют качества, востребованные обществом. Выйдя из заключения и не найдя себе места в большом мире, они пополняют ряды социального дна, на котором их остается лишь биологическим признаком, утрачивая черты гендера. Женщины — бывшие заключенные становятся классическими маргиналами, в том числе и в гендерном смысле, уйдя — по большей части вынужденно, в силу обстоятельств — из мира патриархата, они не приходят и не могут сами без помощи общественных (женских и правозащитных) организаций прийти к эгалитарным отношениям. Однако силы этих организаций еще слишком слабы, чтобы помочь всем тем, кто в этом нуждается, поэтому необходимо обращение к государственным институтам.

Основная задача пенитенциарной системы как социального института — наказывать и исправлять, не допуская деградации личности, а для этого нужно всегда помнить, что преступник обязательно имеет пол и связанные с ним биологические особенности, социокультурные коннотации, гендерные стереотипы и представления. Игнорируя это, мы оказываемся в плену андроцентризма, ведущего к разрушению личности женщины в мужском мире тюрьмы.

Для того чтобы преодолеть андроцентризм, УИС нужно сделать, как минимум, 3 шага. Во-первых,

¹ Альперн Л. Тюрьма — это путь в никуда...

констатировать, что есть две разных, хотя и не сопоставимых по численности, группы заключенных — женщины и мужчины. Второй шаг — признание того факта, что женщины и мужчины по-разному попадают в пенитенциарную систему, что нахождение в местах лишения свободы по-разному воздействует на них, что они по-разному проживают свою жизнь в ней. Третий шаг связан с осознанием того, что, выйдя на свободу, они по-разному к ней адаптируются, и большой мир по-разному относится к бывшим заключенным-женщинам и бывшим заключенным-мужчинам. Женщине труднее реабилитироваться в глазах окружающих по той простой причине, что она гораздо серьезнее, чем мужчина, нарушила традиционные гендерные нормы. Другими словами, для преодоления андроцентризма УИС и его последствий нужна, в первую очередь, гендерно ориентированная социальная реабилитация заключенных.

Смысл социальной реабилитации — восстановление и развитие утраченных социально значимых качеств личности. Женщинам, попавшим в места заключения, нужно восстановление не столько трудовых навыков, сколько восстановление их места в системе семейных отношений, ведь у абсолютного большинства из них есть дети. Но, как уже отмечалось, зачастую именно проблемы в семейных отношениях и приводят женщин за решетку. Это означает,

что нужно не просто восстановление, а переосмысление этих отношений, поиск решения семейных проблем с иных, непротивоправных позиций. А это возможно только через развитие и повышение самооценки и самоуважения заключенных, преодоление ими психологии зависимости. В этом и заключается гендерно ориентированная социальная работа в местах заключения.

Прообразом такой работы может стать опыт, накопленный в отечественных кризисных центрах, оказывающих помощь жертвам семейного насилия. По справедливому замечанию Л. Альперн, «многие из женщин, что попали в тюрьму, с детства являлись жертвами всякого рода насилия. Это насилие не позволило женщине сформировать нормальную женскую идентичность и, соответственно, найти себе место в обществе. И это стало причиной еще большей маргинализации. В итоге общество для таких женщин закрыто»¹.

Имеющихся эмпирических данных пока недостаточно для широких обобщений и конкретных рекомендаций. Но практика показывает, что если не будут предприняты реальные меры по гуманизации пенитенциарной системы и совершенствованию социальной реабилитации женщин-осужденных, эпидемия криминальной активности и рецидива будет захватывать все большую часть женского населения, ускоряя тем самым разрушение института семьи и детства в нашей стране.

¹ Альперн Л. Тюрьма — это путь в никуда...

Необходимо признать существование женской преступности, отличной от мужской, и необходимость создания женской криминологии, женской юстиции и женской пенитенциарной системы, в которой женское воспринимается не как отклонение, а как норма, в которой оно поддерживается и развивается, а не уничтожается. В качестве примера такого рода юстиции можно рассматривать уже имеющуюся в стране ювенальную юстицию. Другими словами, в УИС нужно «добавить женщину».

Вместе с тем, как свидетельствует история гендерных исследований, женские исследования, направленные на «добавление женщин в историю, литературу, культуру», со временем обязательно сменяются гендерными, которые предполагают анализ не только женщин, но и мужчин, не только различий между ними, но и сходства, позволяют учитывать в социальном исследовании оба пола, их взаимодействие и взаимосвязь. Создание женской юстиции и криминологии — это первый шаг на пути к созданию гендерной юстиции,

гендерной в двух смыслах — учета гендера преступника при наказании и учета гендера при отбывании им наказания. Причины, порождающие мужскую преступность, также имеют корни в гендере. Продолжая аналогию с кризисными центрами, можно напомнить, что социальная работа должна вестись не только с жертвой насилия, но и с субъектом насилия, который должен осознать причины, приведшие его к насилию, ему нужно помочь найти способы достижения своих целей, альтернативные насильственным, или пересмотреть сами цели.

Гендерная идентичность является одной из основных идентичностей личности, гендерные стереотипы — одними из самых устойчивых, гендерные отношения пронизывают все социальные взаимодействия, поэтому создание гендерной юстиции является важным направлением как повышения эффективности социальной реабилитации заключенных и снижения рецидива в стране, так и профилактики преступного поведения населения в целом.

РОССИЙСКОЕ ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА

*Полохало Ю. Н.,
Косов Ю. В.*

Одной из важнейших тенденций развития современного мира является глобализация. В широком смысле под глобализацией понимают гомогенизацию и универсализацию мира, которые связывают с созданием больших единых экономических пространств и с усилением политической взаимозависимости государств и регионов современного мира, с развитием интеграционных процессов, в том числе в сфере образования.

Международные интеграционные процессы в области высшего образования стали особенно заметны два-три десятилетия назад, когда в индустриально развитых странах наблюдалось сокращение его государственной финансовой поддержки. Стратегия адаптации высших учебных заведений к новым финансовым условиям включала такие основные направления, как увеличение доходов от платы за обучение, в том числе иностранных студентов, от контрактов с частными фирмами на проведение научных исследований и подготовку кадров; привлечение частных вложений. Сюда же следует включить организацию новых направлений и форм образовательной деятельности: непрерывное обучение взрослых, дистанционное обучение, международная коммерческая деятельность вузов и ряд других.

Полохало Юрий Николаевич — кандидат исторических наук, доцент, декан факультета международных отношений Северо-Западной академии государственной службы.

Косов Юрий Васильевич — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой международных отношений Северо-Западной академии государственной службы.

Способность вуза привлечь иностранных студентов стала важным показателем образовательной деятельности, причем от этого зависит не только его финансовое положение. Привлекательность вуза для этой категории студентов рассматривается как показатель эффективности его деятельности, его престижности. По свидетельству многих западных экспертов, в современном мире между университетами усиливается серьезная конкуренция за привлечение иностранных студентов с целью увеличения своей доли в данном сегменте образовательного рынка.

В этих условиях особенно заметным стало влияние глобализации на образование. Данный процесс увеличивает мобильность студентов и преподавателей, предъявляет новые требования к качеству подготовки специалистов, растет значение международной (и даже «глобальной») составляющей в подготовке специалистов с высшим образованием.

К причинам интернационализации университетов следует отнести следующие: политические (как оружие внешней политики), дипломатические (обучение нового поколения лидеров международного уровня), экономические (повышение доходов учебных заведений за счет платы за обучение иностранных студентов). Необходимо также отметить причины академические (вклад в высокое качество и разнообразие преподавания и обучения) и культурно-образовательные (поощрение уважения к культурному и этниче-

скому многообразию, содействие взаимопониманию между народами и т. д.).

Таким образом, происходит активное формирование международного уровня в образовании. Он проявляется в реальной мобильности студентов и мобильности в виртуальном образовательном пространстве как перспективном направлении расширения интернационализации образования (обмен идеями). К основным стимулам развития мирового рынка дистанционного обучения следует отнести растущий мировой спрос на образование в глобализирующейся мировой экономике, возможность извлечения прибыли (дистанционное образование стало большим бизнесом), быстроту распространения инноваций.

В последние десятилетия прошлого столетия четко обнаружилась тенденция мирового развития, свидетельствующая о том, что место и роль любой страны в международном разделении труда, ее конкурентоспособность на мировых рынках обрабатывающих отраслей и прогрессивных технологий зависит, прежде всего, от двух взаимоопределяющих факторов: качества подготовки специалистов и тех условий, которые страна или социально-экономическая система создает для проявления и реализации интеллектуального потенциала ученых.

В связи с переходом современной цивилизации в постиндустриальную стадию, которую также определяют как информационное общество, экономические и культурные

связи, информационные контакты стали более свободно преодолевать государственные границы, принимать децентрализованный, трансграничный характер. Стратегическая доктрина прогресса постиндустриальных развитых стран мира опирается на концепцию всемерного развития человеческого потенциала. Способствует этому в значительной мере система образования, которая выдвигается на одно из первых мест среди факторов развития человечества. За ее счет получают до 40% прироста валового национального продукта.

Особую значимость упомянутое обстоятельство приобретает в связи с предстоящим вступлением России во Всемирную торговую организацию.

Вступление в ВТО, несомненно, окажет влияние на развитие всех основных сфер жизнедеятельности российского общества. Оно затронет, по нашему мнению, и такую стратегически важную область общественного развития нашей страны, как образование. Характер воздействия изменений экономических условий и правил регулирования хозяйственных отношений в Российской Федерации после принятия норм и стандартов ВТО на образовательную деятельность в нашей стране имеет принципиальное значение для ее будущего. Рассмотрим вышеуказанные направления наиболее вероятного влияния феномена присоединения Российской Федерации к Всемирной торговой организации к системе образования в нашей стране более подробно.

Во-первых, состояние системы образования и потенциальные возможности его дальнейшего развития непосредственно связаны с вопросами обеспечения национальной безопасности российского государства. Конечно, говорить об обеспечении национальной безопасности лишь средствами образовательной политики было бы неправомерно, но в то же время ее невозможно гарантировать, игнорируя образовательную политику. Все же, рискуя заслужить упрек в профессиональной предвзятости, мы беремся утверждать, что безопасность государства в стратегическом плане определяется состоянием системы образования. Образование действует на всех уровнях безопасности: общества, государства, личности. Совершенно очевидно, что экономическая и военная безопасность государства без квалифицированных кадров невозможны, так как технологическая безопасность немыслима без научных разработок.

Во-вторых, российская система образования достаточно трудно пережила экономические и политические реформы, происходившие в стране в последнее десятилетие XX в. Она показала высокую выживаемость в экстремальных социально-экономических условиях. Однако значительная, а может быть, и основная часть ресурсов, обеспечивающих устойчивость данной системы, была израсходована в указанный период, поэтому новое испытание на прочность может оказаться для нее роковым. Именно в середине 1990 гг. для

российской высшей школы остро встала проблема интеллектуальной миграции. Хотя для высшего образования данная проблема имеет скорее иное, чем для других секторов науки, значение. В числе отъезжающих за рубеж ученых доля вузовских преподавателей невелика. Покидающие высшие учебные заведения кадры перемещаются чаще в другие сферы хозяйства, коммерцию, управление и т. п. Для высшей школы серьезнее то, что покидают ее чаще всего молодые и талантливые. А что может быть более опасным, чем миграционные настроения студенческой молодежи? В самые трудные времена реформ 1990 г. социологические исследования, проведенные рядом служб, показывали, что от четверти до трети студентов России хотели бы покинуть страну по различным причинам. Мотивы востребованности их знаний и умений, а также уровень вознаграждения труда занимали в генерации таких настроений ведущее место. В настоящее время среди наиболее затронутых интеллектуальной эмиграцией такие области, как математика, вычислительная техника и биология. Количество выезжающих на Запад, и прежде всего в США, математиков составляет достаточно ощутимый процент от их ежегодного выпуска элитарными вузами России. На международном рынке труда растет спрос на программистов из нашей страны.

В-третьих, вступление нашей страны в ВТО ускорит вовлечение России в процесс мировой экономической глобализации. Современная наука при этом акцентирует

внимание на расширении в условиях глобализации масштабов деятельности экономических и политических институтов международного сообщества, углублении мировых экономических и политических процессов, на размывании границ между национальными государствами, на интернационализации политической культуры и политического поведения людей.

Таким образом, в результате присоединения России к ВТО серьезным образом могут измениться и экономические основы функционирования российской системы образования. Как известно, финансирование образования в нашей стране в основном осуществляется за счет средств государственного бюджета, наполняемость которого напрямую связана с ростом ВВП страны. Однако специалисты предупреждают, что присоединение к ВТО приведет к замедлению роста ВВП. Официальная оценка такого замедления — 0,5% в год, но есть и более пессимистические прогнозы. Ситуация для присоединения к ВТО сейчас не самая благоприятная для России. В нашей стране не преодолен затяжной кризис в ряде ведущих отраслей — машиностроении, авиационной и автомобильной промышленности, сельском хозяйстве, легкой промышленности. Именно в эти отрасли стремятся проникнуть зарубежные конкуренты, что может поставить некоторых отечественных производителей на грань выживания.

Подобные проблемы уже могут оказаться связанными с обеспечением национальной безопасности

России. Сложная ситуация сложилась, например, в российской авиационной промышленности. Когда-то удивлявшее весь мир наше самолетостроение сможет вернуться на мировой уровень производства не раньше середины XXI столетия, если сумеет выдержать жесткую конкуренцию с американскими и европейскими авиастроительными гигантами.

Это ведет к тому, что студенты-выпускники авиастроительных, а также других машиностроительных вузов, молодые специалисты аграрно-промышленного комплекса и легкой промышленности уже сейчас во многих случаях не могут найти себе работу по специальности. Если вступление в ВТО спровоцирует углубление дальнейшего кризиса этих областей, то перед нашей страной может реально встать проблема утраты важного сегмента системы высшего образования, осуществляющего подготовку кадров для соответствующих областей.

С другой стороны, вступление в ВТО может создать новые стимулы для дальнейшего развития системы образования, ее адаптации к экономическим реалиям XXI столетия. Так, у нас пока низкая мобильность рабочей силы и капитала. Сказано и написано об этом немало, но данную негативную тенденцию в развитии отечественной экономики пока переломить не удалось. Специалисты обращают внимание на процесс деградации рабочей силы в некоторых когда-то ведущих промышленных центрах нашей страны. Это ведет к тому, что многие предприятия уже сегодня сталкиваются с трудно-

стями при выполнении имеющихся заказов. Вступление во Всемирную торговую организацию может обострить указанные трудности, превратить их в проблемы, которые серьезным образом затрагивают обеспечение национальной безопасности. Для преодоления такой потенциальной угрозы потребуются серьезные усилия общенационального масштаба, важную роль в которых будет призвана сыграть модернизированная российская система образования и вузовская наука.

Высшая школа в этих ситуациях должна, во-первых, формировать кадры для будущего развития экономики с ее структурными, технологическими, социальными и иными новациями; во-вторых, служить своеобразным амортизатором нарастающей безработицы молодежи; в-третьих, выполнять функцию сохранения культурно-образовательного и научного капитала.

Если в настоящее время не принять целенаправленные и системные меры, то может случиться, что России не найдется достойного места ни в информационном обществе, ни в потоке глобализации. В нашей стране, в том числе на государственном уровне, продолжает бытовать мнение, что приоритетным образование станет только после достижения Россией экономического благополучия. Пример стран Юго-Восточной Азии (Япония, Южная Корея, Таиланд, Малайзия и др.) свидетельствует об обратном: за счет концентрации средств в системе образования в течение 10–15 лет они смогли приблизиться к уровню промышленно-

продвинутых государств. Президент университета в Токио профессор Х. Охаси на международной конференции по инженерному образованию в Токио заявил: «Конец холодной войны освободил человечество от ужаса ядерной резни, началась новая война, соревнование отраслей промышленности в глобальном масштабе. Лидеры всех наций теперь осознают, что наука и техника — ключевые факторы для поддержания конкурентоспособности и нормального развития отраслей промышленности... Вследствие этого японское правительство начало улучшать качество университетского образования, укреплять исследовательскую деятельность университетов и привлекать молодое поколение к науке и технике».

В силу изложенного для российского высшего образования весьма актуальной становится проблема использования лучших образцов зарубежного опыта в развитии высшей школы без нанесения ущерба собственным вековым традициям, сложившимся в данной сфере.

Так, важное место в системе высшего образования многих развитых государств занимает такая его ступень, как магистратура, которая в нашей стране пока не получила широкого развития. Некоторые из зарубежных стран (например, США) имеют в реализации этой ступени значительные традиции и развитую систему подготовки магистров. В других странах, в частности в Германии, магистратура до недавнего времени существовала в весьма ограниченном виде, ее широкомасштабное

развертывание началось только в последние годы. В настоящее время институт магистратуры начинает вводиться в полном объеме и в России, поэтому зарубежный опыт функционирования и развития этого института представляет существенный интерес и для системы высшего образования в нашей стране.

В Соединенных Штатах Америки степень магистра начала присуждаться в 1870 г. вслед за введением докторской степени. В прошлом столетии в высшем образовании этой страны сложилась достаточно стройная система степеней, присуждаемых высшими учебными заведениями. Важное место в этой системе занимает магистерская степень, двумя основными ветвями которой являются академические и профессиональные степени. Академические степени были введены еще в XIX в. и присуждаются исследовательскими школами в области искусств и гуманитарных наук (например, магистр искусств и гуманитарных наук — Master of Arts), а также в области естественных наук (магистр естественных наук — Master of Science). Профессиональные степени появились уже в следующем столетии и присуждаются в определенных профессиональных областях (магистр в области менеджмента — Master of Business Administration). Достаточно длительное время профессиональные степени уступали по уровню подготовки академическим степеням, однако в последние десятилетия произошло значительное выравнивание в подготовке магистров профессиональных и академических школ.

Магистратура в США выполняет 3 основные задачи. Во-первых, в ее рамках производится отбор студентов для научной и педагогической деятельности. Как правило, американские университеты через институт магистратуры ведут процесс рекрутирования будущих профессорско-преподавательских кадров и исследователей для собственных нужд. Магистратура является важным начальным звеном в этом процессе, а завершается он для наиболее подготовленных и одаренных ученых прохождением обучения в докторантуре и получении докторской степени.

Во-вторых, магистратура обеспечивает специализацию студентов в более узкой области, так как на предшествующей ей ступени — бакалавриате — обучающиеся получают в основном фундаментальные научные и общепрофессиональные знания.

В-третьих, магистратура служит наиболее подходящим образовательным институтом для повышения квалификации в соответствии с личными запросами студентов, так как обучение в ней ведется по индивидуальным планам, в составлении которых принимает участие сам студент совместно с научным руководителем.

В последние десятилетия прошлого века и в начале нынешнего столетия в высшем образовании США наблюдается устойчивая тенденция расширения профессиональных областей по степени магистра. Это означает, что увеличивается число

конкретных областей, в которых присуждается степень магистра и происходит рост доли степеней магистра в профессиональных областях по отношению к общему количеству таких степеней, присуждаемых в американской высшей школе. Именно степень магистра, как отмечают эксперты, является наиболее «профессиональной» степенью в высшей школе США. «...За последние 30 лет прошлого века профессиональные области расширились абсолютно по всем степеням высшего образования, а в особенности по степени магистра: если в 1971 г. они занимали 59,0%, то в 2001 г. — уже 72,9%. В среднем за этот период количество степеней, присужденных по программам обучения персонала для правоохранительных и пожарных структур, а также по программам для области развлечений и досуга, выросло в 12 раз, по программам обучения специалистов в области транспортных перевозок — в 6 раз, в областях СМИ и пиара — в 5 раз, в области медицины и юриспруденции — в 3 раза. ...Среди непрофессиональных областей с 1971 по 2001 гг. значительно расширилась только одна область, а именно компьютерные и информационные науки, количество присуждаемых степеней по которой выросло в 14 раз, что превысило любые показатели роста в профессиональных областях»¹.

В связи с этим большинство исследователей американского высшего

¹ Каверина Э. Ю. Особенности современных программ высшей школы США // США — Канада: экономика, политика, культура. 2005. № 10. С. 102–103.

образования обращают внимание на происходящий в этой отрасли экономики «сдвиг в сторону профессиональных областей», которые стали существенно теснить традиционные классические области подготовки. В особенности этот процесс проявляется в институте магистратуры. Данный сдвиг обусловлен, прежде всего, таким механизмом организации учебного процесса в высшей школе США, который получил название «Система управляемой, или контролируемой факультативности». Цель этого механизма — обеспечение американского рынка труда рабочей силой той квалификации и специализации, в которой на данный момент существует реальная потребность.

В основе системы управляемой, или контролируемой факультативности находится сложившийся за долгие годы порядок разработки учебных программ. Они разрабатываются как упорядоченная совокупность достаточно большого числа относительно небольших по объему курсов. Данные курсы сравнительно легко поддаются модернизации или замене на новые дисциплины, отвечающие последним требованиям рынка труда. Магистры имеют возможность самостоятельно под руководством научного консультанта формировать свои индивидуальные учебные планы в достаточно широ-

ком диапазоне, включая в них различные учебные дисциплины. Однако этот процесс не является полностью бесконтрольным. Индивидуальные учебные планы должны укладываться в определенные рамки, которые устанавливает университет.

С этой целью вуз ежегодно составляет специальный каталог или бюллетень. Он является одним из важнейших документов, определяющих деятельность конкретных высших учебных заведений в США. Это достаточно объемный материал, в котором дается полное описание структуры и деятельности учебного заведения, его материально-технической базы, содержание обучения, профессорско-преподавательского состава, студенческого контингента и т. д. В каждом каталоге, или бюллетене, помимо полного перечня изучаемых дисциплин, дается краткое их описание, что облегчает специалистам распределение их по соответствующим блокам. Каталоги или бюллетени выпускаются не реже 1 раза в год. В некоторых случаях университеты выпускают эти издания к каждому семестру или триместру. Такие информационные справочники являются, по сути дела, результатом самооценки учебного заведения и играют большую роль в процессе аккредитации учебных программ¹.

Таким образом, американский вуз самостоятельно устанавливает коли-

¹ Подробнее см.: Об инновационном опыте зарубежных стран в обеспечении качества высшего образования и интернационализации учебного процесса (по материалам научных исследований, выполненных МГУ им. М. В. Ломоносова в рамках проекта ФПРО 2005 года и национального проекта 2006 года). — М., 2007. С. 25–30.

чество обязательных курсов для получения магистерской степени. Индивидуальная учебная программа студента состоит из обязательных и факультативных курсов. Факультативные курсы выбирает студент совместно с преподавателем — руководителем его индивидуальной программы. Доли обязательных и факультативных курсов в индивидуальном учебном плане зависят от сложившихся в конкретном вузе традиций и целей его деятельности. Вследствие такого порядка формирования индивидуальных учебных программ они могут существенно различаться для магистров, обучающихся по одной и той же кафедре.

Эксперты отмечают очевидные достоинства и недостатки системы управляемой, или контролируемой факультативности, определяющей учебный процесс при подготовке магистров в вузах США. Преимущества этой системы проявляются, прежде всего, в гибкости и подвижности учебных программ. Постоянная их модернизация позволяет обучать студентов на уровне последних достижений науки, следовать постоянно изменяющимся требованиям рынка труда, учитывать общемировые тенденции развития высшего образования.

Однако указанные выше преимущества во многом порождают и недостатки рассматриваемой системы. Исследователи американского высшего образования к ним обычно относят такие присущие ему про-

блемы, как слабая теоретическая подготовка студентов и фрагментарность получаемых ими знаний. Это обусловлено тем, что учебные планы отдают предпочтение новой информации и «модным» темам, которые диктует рынок труда. Получение же фундаментальных теоретических знаний отодвигается на второй план. «Такая приоритетность в выборе имеет простое объяснение: развитой рыночной экономике требуется высшее образование, главной целью которого является обеспечение рынка труда человеческим капиталом, а формирование духовного и научного потенциала общества, сохранение культурных традиций и развитие науки, вне зависимости от ее практического применения, отходит на второй план»¹.

Правда, отмеченные недостатки системы управляемой, или контролируемой факультативности проявляются по-разному в вузах высшего и среднего уровня в США. В наиболее престижных вузах, которые являются ведущими в своих областях и в американской системе высшего образования в целом, преподавание теоретических основ традиционно ведется на высоком уровне. Они во многом обеспечивают фундаментальные основы развития американской науки и высшей школы. Однако присуждение основного количества магистерских степеней обеспечивают вузы среднего уровня, так как в них обучается подавляющее большинство студентов

¹ Каверина Э. Ю. Указ. соч. С. 93–94.

и именно в них направленность индивидуальных учебных программ магистров определяют, прежде всего, запросы рынка труда.

Все вузы США, присуждающие магистерские степени, разделяются на следующие основные категории: магистерские (широкого профиля) колледжи и университеты I, магистерские (широкого профиля) колледжи и университеты II, специализированные учебные заведения.

Магистерские (широкого профиля) колледжи и университеты I предлагают широкий круг бакалаврских программ и обеспечивают последипломное обучение через магистратуру. Они присуждают 40 или более степеней магистра ежегодно по трем или более областям знаний. К этой группе отнесено 496 колледжей и университетов, что составляет 12,6% от общего числа вузов.

Магистерские (широкого профиля) колледжи и университеты II предлагают широкий круг бакалаврских программ и обеспечивают последипломное обучение через магистратуру. Эти вузы присуждают 20 или более степеней магистра ежегодно по одной или более областям знаний. В данную группу включено 115 колледжей и университетов, что составляет 2,9% от общего числа вузов.

Специализированные высшие учебные заведения присуждают сте-

пени в диапазоне от бакалавра до доктора; по крайней мере, половина степеней присуждается в одной области знаний. К ним относятся 766 институтов, или 19,4% от общего числа вузов, например:

- школы бизнеса и менеджмента — присуждают степени бакалавра или последипломные степени в области бизнеса и родственных областей знаний;
- школы искусств, музыки и дизайна — присуждают степени бакалавра или последипломные степени в области искусства, дизайна, архитектуры и некоторых комбинаций этих областей знаний;
- школы права — присуждают в основном степени в области права и т. д.¹

Таким образом, даже краткий анализ зарубежного опыта показывает, что в США и ряде других развитых стран магистратура занимает важное место в национальных системах высшего образования. Достоинством подготовки магистров в зарубежных странах является ее ориентация на потребности рынка труда. Однако такая направленность не должна ослаблять образование в областях фундаментальных научных знаний, что традиционно является сильной стороной российской высшей школы.

¹ Об инновационном опыте зарубежных стран в обеспечении качества высшего образования и интернационализации учебного процесса... С. 5–7; *Галаган А. И.* Ведущие университеты США и некоторых других стран Запада // Социально-гуманитарные знания. 2003. № 4. С. 186.

ТЕОРИЯ МИМОВ, СОЦИАЛЬНЫЙ ДАРВИНИЗМ И ПРОБЛЕМА ГУМАНИЗМА В ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУКАХ

Акопов С. В.

Памяти Ю. Я. Баскина

Данная статья задумана в трех частях. В начале я коротко изложу модную сейчас на Западе «теорию мимов» Р. Докинса. Затем постараюсь показать ее связь с феноменом «социального дарвинизма». В заключении подойду к рассмотрению проблемы гуманизма в общественных науках. Эта статья во многом написана по мотивам моих бесед и интервью с Юрием Яковлевичем Баскиным. Интервью, подготовленное мною весной 2005 г. для газеты «Академия», к сожалению, не было опубликовано в полном варианте¹.

2 ноября 2007 г. Ю. Я. Баскину исполнилось бы 86 лет.

Акопов Сергей Владимирович — кандидат политических наук, доцент кафедры политологии Северо-Западной академии государственной службы.

«Теория мимов» обязана своему распространению и популярности² вышедшей 30 лет назад книге известного британского биолога Р. Докинса «Эгоистичный ген». Суть первых глав «Эгоистичного гена» вкратце можно изложить так. Дарвинист Докинс исходит из широко

¹ «Ницше не учил войне»: интервью с Ю. Я. Баскиным // Академия. 9 мая 2005 г. № 4.

² На текущий момент теория «мимов» проникла и широко распространилась в западной литературе. См., например: *Ruse M. Sociobiology: sense or nonsense?* — Dordrecht, Boston, L., 1979; *Lumsden Ch. J., Wilson E. O. Genes, mind, and culture: the coevolutionary process.* — Cambridge, Massachusetts, L., 1981; *Grant T., Woods A. Reason in Revolt: Marxism and Modern Science // The Selfish Gene?* — London, 1995.

распространенной концепции так называемого «первичного бульона», в котором зародились первые на Земле живые гены-молекулы, способные создавать копии самих себя, т. е. реплицироваться. С момента возникновения репликаторов между ними начинается борьба за ресурсы, в ходе которой они строят себе «машины для выживания» — «фенотипы». Сначала это клетки, а затем — многоклеточные сложные организмы. В конце концов Докинс выдвигает идею, что и человеческие тела — лишь временные, преходящие структуры, создаваемые себе на потребу «эгоистичными», стремящимися к размножению генами: «Гены — репликаторы, а мы — машины, необходимые им для того, чтобы выжить»¹. Таким образом, любое человеческое поведение, как бы сам человек его не объяснял, на самом деле бессознательно направлено на выживаемость и распространение его генов. Человек думает, что обладает свободой воли — на самом деле «эгоистичный» ген использует человека.

Докинс развивает эти идеи. В главе «Мимы — новые репликаторы» он экстраполирует теорию эволюции Дарвина уже на поле человеческой культуры: язык, моду на одежду и еду, обряды и обычаи, искусство и архитектуру, технику и технологию. Чтобы понять эволюцию современного че-

ловека, полагает Р. Докинс, мы должны отказаться от наших представлений о гене как единственной основе эволюции. Если представить, что существует некий фундаментальный закон, то Докинс формулирует его следующим образом: все живое эволюционирует в результате дифференциального выживания реплицирующихся единиц. Причем, по его мнению, на нашей планете уже возник репликатор нового типа. Он эволюционирует с такой скоростью, что оставляет старый добрый ген далеко позади. Новый «бульон», полагает Докинс, это «бульон человеческой культуры». «Нам необходимо имя для нового репликатора, существительное, которое отражало бы идею единицы передачи культурного наследия, или единицу имитации. От подходящего греческого корня получается слово “мимем”, но мне хочется, чтобы слово было односложным, как и “ген”, тогда я сокращу “мимем”, — пишет Докинс, — до слова “мим”»².

Что же такое «мим»³ (иногда с англ. переводят как «мем»)? По мнению Докинса, примерами мимов служат мелодии, идеи, модные словечки и выражения, способы варки похлебки или сооружения арок. Точно так же, как гены распространяются в генофонде, переходя из одного тела в другое с помощью сперматозоидов или яйцеклеток, мимы

¹ Докинс Р. Эгоистичный ген // Информационные системы. [Доступ: <http://www.mista.ru/fant/gen/>].

² Там же.

³ Здесь и далее курсив автора.

распространяются в том же смысле, переходя из одного мозга в другой с помощью процесса, который в широком смысле можно назвать имитацией.

Например, если ученый услышал или прочитал об интересной идее, он сообщает о ней своим коллегам и студентам, упоминает о ней в своих статьях и лекциях. Если идея подхватывается, то говорят, что она распространяется, передаваясь от одного мозга другому. Посадив в свой разум плодовитый «мим», отмечает Докинс, вы буквально поселили в нем паразита, превратив тем самым мозг в носителя, где происходит размножение мима (так же, как размножается вирус в генетическом аппарате клетки-хозяина).

Имитация — это способ, которым «мимы» реплицируются. Качества, обуславливающие высокую выживаемость «мимов» — долговечность, плодовитость и точность копирования. Однако долговечность каждой отдельной копии «мима» относительно незначительна. Для «мимов», как и для генов, гораздо важнее плодовитость. Последнее можно посчитать. Например, если данный «мим» представляет собой научную идею, то его распространение будет зависеть от того, сколь приемлема эта идея для популяции ученых. Причем приблизительную оценку ее выживаемости, считает Докинс, может дать, например, подсчет ссылок на нее в научных журналах за ряд лет. Здесь уместно упомянуть и тот факт, что сама книга «Эгоистичный ген» выдержала множество переизданий

на 13 языках, а Докинс опубликовал еще несколько книг («Расширенный фенотип», «Слепой часовщик»). Это дало ему право утверждать, что слово «мим» само стало хорошим «мимом». В 1988 г. «мим» даже внесли в официальный перечень слов, рассматриваемых на предмет включения в будущие издания Оксфордского словаря. Если «мим» — это популярная песенка, о ее распространенности в мимифонде можно судить по числу людей, насвистывающих ее на улицах. Если это фасон дамской обуви, его популярность можно определить по данным обувных магазинов о распродаже этой модели.

Однако передача «мимов», полагает Докинс, сопряжена с непрерывным мутированием. Всякий раз, когда ученый слышит о какой-либо идее и сообщает о ней другому, он немножко ее изменяет. Например, когда мы говорим, что в наши дни все биологи верят в теорию Дарвина, мы не имеем в виду, что в мозгу каждого биолога запечатлена идентичная копия точных слов самого Ч. Дарвина. Каждый по-своему интерпретирует дарвинизм. Может быть, он узнал о нем не из трудов самого Дарвина, а из работ более поздних авторов. Многие из того, что говорил Дарвин, в деталях неверно. Если бы Дарвин прочитал эту книгу, он едва ли узнал бы в ней свою собственную теорию в ее первоначальном виде. И тем не менее существует, полагает Докинс, некая сущность «дарвинизма», которая содержится в мозгу каждого, кто понимает эту теорию. (Без этого почти любое утверждение о том, что

два человека согласны в чем-то друг с другом, было бы лишено смысла.) Поэтому «мим-идею» можно определить как некую единицу, способную передаваться от одного мозга другому.

Наделяя гены и мимы эпитетами «эгоистичный» или «безжалостный», мы прекрасно понимаем, что это метафора. Ибо везде, где существует половое размножение, каждый ген *конкурирует* со своими собственными аллелями-соперниками, претендующими на то же самое место в хромосоме. В случае с мимами конкуренция идет за два ресурса — *время* и *объем памяти* (как в компьютерах, ибо компьютеры, в которых живут мимы, по Докинсу, — человеческий мозг). Предметы потребления, за которые конкурируют мимы, — это время на радио, площадь на рекламных щитах, газетных полосах, библиотечных полках и т. д.

Успех «мима» решающим образом зависит от того, сколько времени люди тратят на активную передачу его другим людям. Все время, которое не уходит на попытки передать «мим» кому-то, с точки зрения «мима» является потерянными. Отбор также благоприятствует мимам, которые эксплуатируют среду на собственное благо. В конечном счете мимифонд приобретает атрибуты эволюционно стабильного набора, проникнуть в который новым мимам оказывается трудно.

Помимо рассмотрения теории «мимов», и в том числе на ее примере, я хочу затронуть более широкое явление — «*социальный дарвинизм*».

На мой взгляд, и для теории «мимов», и для «социал-дарвинизма», во-первых, характерен *биологизм*. Под биологизмом я подразумеваю уподобление человека животному, поведение которого носит не сознательный характер, но диктуется инстинктами, генами (или «мимами»). То, что «социальное» для зоолога Докинса вторично по отношению к «животному», может быть проиллюстрировано следующим отрывком: «Мы» — это не только люди. ...Репликаторы создали целый спектр машин выживания, позволяющих воспользоваться этими способами. Обезьяна служит машиной для сохранения генов на деревьях, рыба — для сохранения их в воде; существует даже маленький червячок, сохраняющий гены в кружочках, подставляемых в Германии под кружки с пивом. Пути ДНК неисповедимы»¹. Хотя социал-дарвинизм весьма разнороден, в целом ему свойственно сведение развития человеческого общества к закономерностям биологической эволюции и выдвижение принципов естественного отбора, борьбы за существование и выживание наиболее приспособленных. Можно даже сказать, что в каждой общественной науке существует своя «органическая» школа: в социологии — Г. Спенсер, в политической

¹ Докинс Р. Указ. соч.

антропологии — Л. Вольтман, в юриспруденции — Л. Гумплович, в геополитике — Ф. Ратцель и Р. Челлен и т. д. Социальный дарвинизм склонен рассматривать социальные конфликты как естественную, вечную и неустранимую войну «всех против всех» за «жизненное пространство» и ресурсы¹. Р. Докинс также обрек «мимы» на вечную борьбу за место под солнцем.

Во-вторых, для теории мимов и социального дарвинизма характерно *обостренное чувство «свой» — «чужой»*, вырабатывающее биполярность мира по типу «черное» vs «белое». «Мозг человека, — отмечает Докинс, — и тело, которым он управляет, могут выполнять одновременно не более одной или нескольких функций. Если какой-либо «мим» целиком поглощает все внимание мозга данного человека, то это должно происходить за счет мимов-соперников... Я полагаю, что в некотором тривиальном смысле многие идеи имеют свои «противоположности»². Эта идея Докинса уходит своими корнями к манихейству зороастрийских богов Ормузда и Аримана. В социал-дарвинистской атмосфере она прозвучала у К. Шмитта: «Покуда народ существует в сфере политического, он должен самостоятельно различать определение друга и вра-

га... В этом состоит существо его политической экзистенции»³. К сожалению, подобные конструкты слишком часто становились отправной точкой для выстраивания разного рода «образов врага» как на религиозной, так и на классовой или этнической основе.

В-третьих, теория «мимов» и социал-дарвинизм *оправдывают моральный релятивизм и насилие* по принципу «выживает сильнейший». Американский исследователь Р. Вейкарт подробно рассмотрел влияние дарвинизма на этику и мораль довоенной Германии 1930 гг. Вейкарт доказывает, что в идеях Э. Геккеля и Л. Бюхнера, поддерживающих моральный релятивизм, в качестве главного морального арбитра выдвигается принцип эволюционно наисильнейшего, спортивного и здорового («fit»). Таким образом, А. Гитлер строит свою этическую доктрину отнюдь не на нигилизме, а именно на социал-дарвинизме, и именно последний провоцирует развитие «евгеники» и «расовых» теорий⁴.

В-четвертых, теория «мимов» *не признает свободы воли*. Она моделирует людей, заранее «запрограммированных» на определенное поведение. Это значит, по-моему, произвольную подмену живой человеческой жизни и свободы неким знаком

1 Подробнее об истории социал-дарвинизма см.: *Hawkins M. Social Darwinism in European and American Thought, 1860-1945: Nature as Model and Nature as Threat.* — London, 1997. P. 51–161.

2 *Докинс Р.* Указ. соч.

3 *Шмитт К.* Понятие политического // Политология. — СПб., 2001. С. 284.

4 *Weikart R. From Darwin to Hitler: evolutionary ethics, eugenics and racism in Germany.* — N.Y., 2006. P. 145.

«Х» или «У». Это есть отрицание гуманизма как ценности, в основе которой со времен «категорического императива» И. Канта лежит уважение к человеческой свободе и индивидуальному выбору. И здесь уже в принципе не важно, сводится ли личность человека к его генам, «мимам», или может быть, «классовой принадлежности».

Наконец, в-пятых, если говорить о *подражании* как основном способе распространения «мимов», то об этом в свое время писали еще Г. Тард, Г. Зиммель, В. Зомбарт. «Мода, — отмечал Зиммель, — одновременно предполагает и подражание, и индивидуализацию. Человек, следующий моде, одновременно и отличает себя от других, и утверждает свою принадлежность к определенному слою или группе.... Несмотря на преходящий характер той или иной конкретной моды, она, как социальная форма, обладает некоторым постоянством: мода в том или ином виде существует всегда»¹. Примечательно, что Г. Зиммель начинал свой блистательный творческий путь именно на ниве социал-дарвинизма, о чем свидетельствует его работа «Дарвинизм и теория познания» (1899 г.). Подражание и социальная мимикрия с психологической стороны хорошо изучены в контексте борьбы за выживание в исследованиях конформизма у Э. Фромма, когда он пишет о «социальном характере», который

заставляет человека приспособляться к социальным условиям изнутри².

Таким образом, теорию «мимов» по основным положениям никак нельзя назвать принципиально новой. (Докинс, кстати, сам признавал, что аналогию между научным прогрессом и генетической эволюцией с помощью естественного отбора подробно рассмотрел еще К. Поппер.) Почему же, тем не менее, идеи Докинса вызывают интерес? Секрет их популярности заключается, на мой взгляд, в следующем.

Во-первых, теория мимов претендует на объяснение интересного феномена: как людей «заражают» те или иные «идеи», как люди «служат» идеям и во имя них совершают поступки. Докинс верно указывает на то обстоятельство, что настоящие мотивы человеческих поступков не всегда подвластны рациональному объяснению. Согласно Докинсу идеи как бы сами «захватывают» человека, да так, что он, не подозревая об этом, начинает их распространять. Впрочем, критика чистого рационализма после С. Кьеркегора, А. Шопенгауэра, П. Флоренского, С. Франка, К. Юнга и др., можно сказать, стала уже «общим местом».

Во-вторых, теория «мимов» верно указывает на то обстоятельство, что мир науки, культуры, не говоря уже о политике, далеко не лишен интриг, борьбы за власть, конфлик-

¹ Simmel G. Philosophische Kultur: Gesammelte Essays. 2. Aufl. — Potsdam, 1923. S. 26, 56.

² Фромм Э. Бегство от свободы: Пер. с англ. / Общ. ред. П. С. Гуревича. — М., 1989. С. 235.

тов и противоречий, и что *взаимная «приязнь» или «неприязнь» на уровне бессознательного* могут иметь важное значение. «Если данный мим представляет собой научную идею, — полагает Докинс, — то его распространение будет зависеть от того, сколь приемлема эта идея для популяции ученых... Мне совсем не хотелось бы, чтобы это было воспринято так, будто единственным критерием принятия какой-либо научной идеи служит ее “заразительность”. Ведь в конечном счете одни научные идеи бывают верны, а другие ошибочны. Их верность или ошибочность можно проверить; их логику можно критически разобрать. Это ведь не шлягеры, не религиозные течения и не прически “панков”. Тем не менее науке присуща своя социология и своя логика. Некоторые неудачные научные идеи могут широко распространяться, по крайней мере, в течение некоторого времени. А некоторые хорошие идеи лежат без движения годами, пока, наконец, за них не ухватятся и они не завладеют воображением ученых»¹.

В-третьих, в философском смысле теория мимов претендует на объяснение таких явлений, как *призвание и даже смысл жизни*. «Мои высказывания о мимах носят несколько негативный характер, — отмечает про себя Докинс, — но у них есть и жизнерадостный аспект. Пос-

ле смерти от нас остаются две вещи: наши гены и наши мимы. Однако, как заметил Дж. Уильямс, никого не беспокоит вопрос о том, сохранились ли на свете хотя бы один или два из генов Сократа. Мимоконфликты же Сократа, Леонардо да Винчи, Коперника или Маркони все еще сохраняют полную силу»².

В-четвертых, теория «мимов» отчасти позволяет Докинсу объяснить такие явления, как *альтруизм в пользу «друга» и способность принести себя в жертву ради выживания «родного» сообщества*. Когда важно лишь переносчиком какого мима ты являешься, «свой» ты или «чужой», тогда, помогая «своим», ты помогаешь себе, и пожертвовать собой ради своих «мимов» — это долг и честь. Ряд исследователей использует эту позицию в объяснении феномена терроризма³.

Теория мимов также не лишена, на мой взгляд, и *мистическо-мессианского контекста*. Если развить идею «мимов» в духе И. Сведенборга, тогда возможно, что речь пойдет о соревновании (борьбе) воплощенных в людях идей, комплиментарных или противодействующих «духов». Эта натурфилософия часто оказывается востребованной поколением «виртуальных реальностей», постмодернизма и жанра «фэнтези».

Наконец, теория мимов претендует на *объяснение феномена религии*. «Рассмотрим представление о

¹ Докинс Р. Указ. соч.

² Там же.

³ См.: *Moghaddam F. M. The Staircase to Terrorism: A Psychological Exploration // American Psychologist. 2005. Vol. 60. No. 2. P. 167.*

Боге. Мы не знаем, — пишет Докинс, — как оно возникло в мимифонде. Возможно... путем независимых «мутаций». Во всяком случае, у Докинса бог существует лишь в форме мима с высокой выживаемостью или, как он пишет, «инфекционностью» в среде, «создаваемой человеческой культурой»¹. В генофонде могут возникать коадаптированные генные комплексы. Так в процессе эволюции в генофонде хищных животных возникли комбинации, детерминирующие соответствующие друг другу зубы, когти, органы чувств и т. д. Происходит ли аналогичное в мимифондах? Соединяется ли, скажем, данный хороший мим с какими-то другими конкретными мимами и способствует ли такая ассоциация их выживанию? Вероятно, мы могли бы рассматривать церковь, поясняет свою мысль Докинс, с ее архитектурой, обрядами, законами, музыкой, изобразительным искусством и письменными свидетельствами как коадаптированный стабильный набор мимов, взаимно поддерживающих друг друга. Так, идея адского пламени оказалась сцепленной с мимом о Боге, потому что обе они подкрепляют одна другую и способствуют выживанию друг друга в мимифонде².

Другой элемент религиозного комплекса мимов, указывает англичанин, называется «верой». При

этом имеется в виду слепая вера, которая может приговорить человека к смерти — на кресте, на колу, от меча крестоносца, от выстрела на одной из улиц Бейрута или от взрыва в одном из баров Белфаста. Мимы слепой веры имеют не знающие жалости способы распространения; это относится не только к религии, заключает Докинс, но также к патриотизму и политике.

Некритическое распространение теории «мимов» в частности и «социального дарвинизма» в целом, характеристики которых мы привели выше, может оказаться весьма опасным. Поэтому в заключительной части статьи я рассмотрю, насколько приведенные концепции соответствуют идеалам «гуманизма».

Гуманизм (от лат. *humanus* — человеческий, человечный), как известно, идея (доктрина), основывающаяся на признании верховной ценности человеческой личности, ее прав на свободное развитие, утверждение блага отдельного человека как критерия оценки качества общественных отношений³.

В противоположность гуманистическим учениям теория «мимов», как было указано выше, лишает человека свободы воли. Попадание «мима» в мозг — это еще не вера и не творчество. Теория «мимов» в

¹ Докинс Р. Указ. соч.

² Там же.

³ Политология. Словарь-справочник / Под ред. М. А. Василика, М. В. Вершинина. — М., 2000. С. 64.

части, где она пытается объяснить религию, представляется вульгарно механистичной. При всех имеющихся в «Эгоистичном гене» оговорках рассматриваемая теория в том виде, как она активно внедряется в общественное сознание сейчас, содержит большой элемент «социал-дарвинизма». Теория Докинса несет на себе печать мессианства, априори готового разделить людей на «своих» и «чужих», лишая их свободы воли. Боле того, во многом популярность теории может быть объяснена тем лукавством, что она сплачивает общество путем проекции агрессии в сторону «врага». Теория «мимов» не лишена общей для социал-дарвинистских концепций предпосылки — детерминизма.

Одной из лучших иллюстраций теории «мимов», на мой взгляд, является безликий «агент Смит» из известной кинотрилогии «Матрица» (*The Matrix*, 1999). Смит считал, что люди — это вирусы, и если им дать бесконтрольно размножиться, то они уничтожат всю жизнь на Земле. Поэтому нужно научиться их жизни контролировать. Не секрет, что подобная философия часто используется в отношении потенциальных избирателей, которых пытаются контролировать «сильные мира сего» во время выборов; либо потенциальных террористов, которые могут оказаться пораженными «ми-

мами» террора и т. д. Это иногда удобная, но, в общем, опасная философия. В основе ее лежит редуцирование человека до статистического знака. Нас с этой философией познакомил еще Ф. Достоевский в легенде о Великом Инквизиторе, о страшном, умном и вечно искушающем духе: «Ты хочешь идти в мир... с каким-то обетом свободы, которую они в простоте своей и в прирожденном бесчинстве своем не могут и осмыслить, которого боятся и страшатся, — ибо ничего и никогда не было для человека и для человеческого общества невыносимее свободы! А видишь ли сии камни в этой нагой раскаленной пустыне? Обрати их в хлеб, и за Тобой побежит человечество как стадо...»¹.

То, что недооценка значимости духовных и религиозных составляющих губительно оборачиваются для человеческой свободы, подчеркивал еще С. Франк. Он писал, что «человек, обращенный вовне, жаждущий внешней активности, усматривающий в овладении природой, в технических достижениях последнюю цель своей жизни, легче всего чувствует себя в роли *солдата* некой армии, в роли слепо-послушного органа или орудия какого-то коллектива...», а «всякая подлинная вера — не только религиозная, но и нравственная... возможна только на основе свободной личной духовной жизни»². Коммунизм,

¹ Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. Цит. по: «...Из русской думы» / Сост. Ю. И. Селиверстов. Т. 1. — М., 1995. С. 168.

² Франк С. Л. Личная жизнь и социальное строительство. Серия «Христианство на безбожном фронте». — Париж, б. г., С. 7, 18.

отмечал Н. Бердяев, «фанатически враждебен всякой религии, так как сам хочет быть религией. Он, если взглянуть на него глубже, в свете русской исторической судьбы, есть деформация русской идеи, русского мессианства...»¹. Недавно мне в руки попала книга М. Лернера, посвященная выборам президента США 2004 г. Примечательно, что одну из причин проигрыша демократического кандидата Д. Кэрри Лернер видит в «антирелигиозном сциентизме» их политической программы. «Многие американцы, — отмечает политолог, — как ни странно, вопреки своим экономическим интересам, проголосовали за “репрессивную”, но религиозную мораль республиканцев»².

Нужно ли поднимать в науке об управлении обществом и государством вопросы духовности и гуманизма? Позволю себе привести фрагмент интервью с Ю. Я. Баскиным: «В. Соловьев говорил так: наука нуждается в гуманизме. Грубо говоря, истина — это не только формально правильное знание (первый закон Ньютона), истина — это то, что дает знание и дает добро. Я не знаю, можно ли сказать, что это с научной точки зрения абсолютно так, но в этом есть несомненная доля правды. Наверное, науч-

ное знание нуждается, чтобы оно несло в себе косвенно или было окружено, или сопровождалось тем, что мы называем добром. ...Я думаю, что не столько наука, сколько этика, мораль, и даже право в какой-то мере формируют психологию человека, его мироощущение, даже искусство... Преподаватель не должен ограничиваться только формальным знанием — он должен оказывать влияние»³. Ю. Я. Баскин считал принципиально важным «оправдание добра» гуманитарного знания. «Идея мирного и активного сотрудничества государств и их граждан — одна из наиболее глубоких и гуманных во всем учении Канта. Ею он логически заканчивает свою философию, в центре которой для него всегда находился Человек»⁴.

Хорошо известно, что Ю. Я. Баскин был и остается авторитетным специалистом в области немецкой классической философии (Кант, Фихте). Несколько менее известно то, что в заключительный период своего творчества он активно изучал политические и правовые учения раннего христианства.

В творчестве Ю. Я. Баскина мы, на мой взгляд, встречаем более вдумчивый подход к соотношению религии и государства, чем это предлагает теория «мимов». Он по-

¹ Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. — Париж, 1955. С. 129, 126.

² Lerner M. The left Hand of Good: Taking Back Our Country from the Religious Right. — N. Y., 2006. P. 153.

³ Здесь и далее фрагменты интервью с Ю. Я. Баскиным воспроизводятся автором по аудиозаписи на диктофоне.

⁴ История государственно-правовых учений / Отв. ред. проф. В. В. Лазарев. — М., 2006. С. 238.

лагал, что в идеях «отцов Церкви» содержится принципиальная для всего человечества мысль о том, что «невозможны и недопустимы ни подчинение церкви государству, ни наоборот... Идея эта, как показало Новое время, является столь же справедливой и в отношении любых других организаций, например политических партий, стремящихся подчинить своей власти государство. Их власть над государством всегда оборачивалась трагедией и для них самих, и для государства, и для общества. К сожалению, ошибки истории едва ли научили чему-либо политических и религиозных деятелей»¹. Глубокое гуманистическое начало, которое несет в себе

творчество Ю. Я. Баскина, должно быть чрезвычайно актуально и востребовано в России сегодня.

Еще француз В. де ла Бланш заметил, что, конечно, человек тоже есть природа, и он также может рассматриваться как природный фактор, однако это не дает нам оснований отказывать ему во внешней самостоятельности и внутренней свободе². С позиций естественной школы права никто не может отказать человеку в возможности иметь моральный закон внутри себя, тем более — лишить его звезд над головой, звезд буквальных или звезд духовных, но по которым он *сам* искал бы свой человеческий путь.

-
- ¹ Баскин Ю. Я. Христианская политическая мысль // История государственно-правовых учений / Отв. ред. проф. В. В. Лазарев. — М., 2006. С. 322.
 - ² Геополитика / Под ред. проф. А. С. Тургаева. — СПб., 2004. С. 77.

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ

Галёва Н. Е.

Проблема формирования народонаселения отдельных стран и регионов представляет интерес для исследования, с одной стороны, в силу сложности самого этого процесса, а с другой стороны, в силу специфических его особенностей, характерных для каждой конкретной территории в различных исторических и социально-экономических условиях.

Особенности формирования народонаселения регионов России изучаются, как правило, на примере современных субъектов Федерации, однако существует необходимость и обобщающих исследований, где рассматриваются более крупные территории страны, выделенные по тем или иным признакам. Так, европейский Север России представляет собой единый регион, исторически сложившийся, обладающий специфическими чертами природного, экономического и социально-демографического характера. Кроме того, имеется достаточно оснований, чтобы в перспективе выделить этот регион как крупную административно-территориальную единицу страны.

Вплоть до последнего времени процесс формирования народонаселения всего российского Севера в большей мере представлял собой процесс заселения его территории и создания там постоянного населения. Участие

Галёва Наталья Евгеньевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры международного маркетинга Поморского государственного университета им. М. В. Ломоносова (г. Архангельск).

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ
КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

133

4/2007

государства в этом процессе было самым активным, что диктовалось, прежде всего, экономическими интересами. Экономический подход к формированию народонаселения северных регионов используется и на современном этапе развития страны. При этом государственная политика народонаселения на Севере в условиях становления рыночной экономики была изменена кардинальным образом: впервые поставлена задача переселения с северных территорий избыточного населения. Признавая принципиальность проведения адекватной современным условиям политики, необходимо, тем не менее, обеспечить дифференцированный подход к каждой северной территории. В отношении европейского Севера России новая стратегия демографического развития должна исходить из экономических и геополитических интересов государства, опираться на анализ исторического опыта, современных тенденций демографического развития и учитывать возможные последствия разрушения демографического потенциала региона и эффекты, получаемые при его сохранении и развитии.

Проблемы формирования народонаселения северных территорий отражены в научных публикациях российских ученых: Г. А. Аграната, Т. А. Бернштам, О. Д. Захаровой, И. Л. Жеребцова, Л. Л. Рыбаковского, С. В. Славина, В. В. Фаузера и др.

Европейский Север как часть территории России имеет более чем тысячелетнюю историю и в научной литературе часто ассоциируется с

понятием «русский Север». Изучение литературных источников, обобщение и систематизация изложенных в них взглядов позволили уточнить и конкретизировать современное содержание понятия «европейский Север России», суть которого состоит в том, что, во-первых, это часть планетарного Севера; во-вторых, исторически сложившийся регион Российской Федерации, обладающий общими для всех северных территорий чертами природного, экономического и социально-демографического характера; и, в-третьих, данный регион имеет индивидуальные особенности развития, которые в основном обусловлены преимуществами его положения (при периферийном положении — относительная близость к административному центру государства, а также приграничное и приморское положение).

Освоение и заселение территории европейского Севера началось по времени раньше, чем освоение других окраин страны, и происходило под влиянием целой совокупности факторов, важнейшими из которых являются исторический, экономический, политический, социально-демографический и природно-климатический. В истории заселения европейского Севера можно выделить три основных этапа: первоначальное заселение — период с конца IX — начала X вв. по XVII в.; XVIII в. — начало XX в.; советский период XX в. Каждому из этапов присущи специфические формы и методы заселения территории, различное соотношение миграции и естественного движения в формировании народонаселения и т. д.

На первом этапе основными формами заселения территории европейского Севера являлись крестьянская (аграрная) колонизация и государственно-конфессиональная колонизация. Основным источником динамики населения на данном этапе явился миграционный прирост, вследствие которого быстрыми темпами увеличивалась численность населения, появилась четкая схема расселения (по берегам рек, озер, морей), существенно изменилась этническая структура населения. Специфика жизни в условиях Поморья привела к возникновению нового русского субэтнуса, сохранившегося до наших дней, — поморов. По мере социально-экономического развития региона уменьшалась зависимость демографического развития от природно-климатических факторов.

Второй этап заселения европейского Севера России характеризуется следующими отличительными признаками. Миграция продолжает играть важную роль в формировании народонаселения европейского Севера. Часть миграций носила стихийный характер, другая же их часть была организована государством и при этом часто являлась принудительной. Темпы роста численности населения возрастают, причем доминирующей компонентой постепенно становится естественный прирост. Происходит относительная стабилизация возрастной, половой и этнической структуры населения.

Советский этап заселения территории европейского Севера имеет следующие отличительные черты.

Заселение региона осуществляется в форме массированных государственно-организационных переселений, в основе которых — территориальное перераспределение трудовых ресурсов, продиктованное потребностями развития экономики страны. При этом переселения часто носят принудительный характер, в том числе — спецпереселенцев (раскулаченных, репатриированных, бывших военнопленных) и заключенных для работы в добывающих отраслях промышленности. Привлекается также рабочая сила из более обжитых и густозаселенных частей страны по организованному набору и общественным комсомольским призывам. Принципиально новой частью управления миграционным движением в советский период стало установленное законом предоставление льгот лицам, работающим в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностям, что способствовало добровольному переселению и закреплению мигрантов, прибывших в северные регионы. Миграционный приток явился основной компонентой динамики численности населения европейского Севера: по данным государственной статистики общая численность населения за период 1926–1989 гг. увеличилась в 3,5 раза, в то время как по Российской Федерации в целом — в 1,6 раза. Добавим также, что значение миграции значительно шире, чем просто изменение численности населения, и проявляется в особенностях формирования возрастнополовой, этнической структуры и

режима воспроизводства населения северных регионов.

Результатом длительного процесса формирования народонаселения на какой-либо территории является некая совокупность людей, имеющая такую численность и такую возрастную-половую структуру, которые обеспечивают, во-первых, способность ее к самовоспроизводству и, во-вторых, удовлетворяют потребности данной территории в трудовых ресурсах. Такая созданная на конкретной территории совокупность людей может называться демографическим потенциалом территории (региона). Демографический потенциал, очевидно, может рассматриваться как часть человеческого потенциала. В свою очередь, трудовой потенциал (трудовые ресурсы) является частью человеческого потенциала и одновременно частью демографического потенциала. Для оценки демографического потенциала региона на определенный момент времени следует использовать показатели воспроизводства населения (рождаемость, смертность и др.) и характеристики трудового потенциала (численность трудоспособного населения, его состав и др.). Использование понятия «демографический потенциал» будет уместно также при определении перспектив демографического развития региона, так как для северных территорий важны не только характеристики воспроизводства населения, но и состав, численность и другие характеристики трудоспособных контингентов.

Развитие демографической ситуации на европейском Севере России

в конце XX – начале XXI вв. имеет свои особенности. Сокращение численности населения европейского Севера с 1991 по 1999 гг. происходило главным образом за счет миграционной убыли, и лишь с 2000 г. естественная убыль стала основным компонентом общей убыли населения. В целом за постсоветский период миграционные потери на европейском Севере составили около 2/3 общей убыли населения (1/3 — потери за счет естественной убыли).

На северных территориях европейской части России процессы депопуляции более масштабны, чем в целом по стране. Естественная убыль населения и суженный режим воспроизводства формируются за счет двух источников: низкой рождаемости и высокой смертности.

В динамике рождаемости на европейском Севере нашли отражение общие тенденции, характерные для настоящего времени: распространение норм малодетности, «взросление» модели рождаемости, стремительный рост внебрачной рождаемости и др. Динамика смертности и ожидаемой продолжительности жизни в регионах европейского Севера в основном такая же, как по России в целом. Влияние социально-экономических условий на качество жизни населения не вызывает сомнений, как и то, что в 1990 гг. в России кризисные явления в экономике и социальной сфере стали мощным фактором ухудшения здоровья населения и роста смертности. На европейском Севере при более низких показателях смертности наблюдается и меньшая продолжи-

тельность жизни населения. Это может означать, что существуют специфические проблемы смертности в определенных возрастных группах. Очевидно, на среднюю продолжительность жизни в сторону ее понижения влияет повышенная смертность в младших и средних возрастных группах. Кроме того, общие коэффициенты зависят от возрастной структуры населения, а в северных регионах она моложе, чем по России в целом, следовательно, общие коэффициенты несколько занижают реальный уровень смертности (а реальный уровень рождаемости, наоборот, завышают).

Анализ динамики смертности населения и ее важнейших причин выявляет значительное сходство между европейским Севером и Россией в целом. Прежде всего, привлекает внимание существенный рост смертности на протяжении всего периода от болезней системы кровообращения и неестественных причин (несчастные случаи, отравления, травмы). Смертность от несчастных случаев, отравлений и травм на европейском Севере только в начале рассматриваемого периода была ниже, чем в России (на 8% в 1990 г.). В дальнейшем стремительный рост смертности по этой группе причин привел к превышению российских показателей. Среди неестественных причин смерти первое место занимают самоубийства, уровень которых можно отнести к одному из индикаторов социального благополучия. Если смертность от самоубийств в Российской Федерации превышает европей-

ский уровень примерно в два раза, то на европейском Севере тот же показатель выше российского еще на 10–15%. Постепенно уменьшается разница между показателями смертности в России и на европейском Севере от заболеваний системы кровообращения. При более низких показателях смертности от новообразований на европейском Севере темпы роста смертности по этой причине также превышают российские. Ситуация с младенческой смертностью на европейском Севере напоминает российскую, но только в общих чертах. При более детальном анализе обнаруживаются существенные различия. Для европейского Севера, как и для России в целом, характерно снижение показателей младенческой смертности. Ситуация с младенческой смертностью во всех регионах европейского Севера (за исключением Ненецкого автономного округа) лучше, чем в целом по стране. Однако европейский Север отличается выигрышем в показателях младенческой смертности лишь относительно российского уровня, который по сравнению с развитыми странами мира настолько высок, что никак не может служить ориентиром даже для отдельных регионов — субъектов Российской Федерации.

Определенную трудность составляет выявление тенденций естественного движения коренных народов Севера, что обусловлено двумя основными причинами: во-первых, в этой области чрезвычайно мало статистических данных, а во-вторых, малочисленность северных

народов в некоторых административно-территориальных образованиях делает невозможными расчеты многих демографических показателей. Однако имеющиеся различия в уровнях рождаемости и естественного прироста по отдельным национальностям достаточно принципиальны, чтобы их можно было увидеть даже на уровне общих показателей. Так, уровень естественного прироста среди ненцев в несколько раз выше, чем в среднем по Ненецкому округу, что объясняется исключительно высокими показателями рождаемости (в 1990 гг. — 26–28%). Уровень рождаемости у населения титульной национальности Республики Коми (в 1990 гг. — 10–13%) превышает аналогичные показатели для других национальностей в этом субъекте Федерации. В регионах с наибольшим удельным весом коренных народов Севера, а также в районах их компактного проживания отмечается повышенный уровень внебрачной рождаемости, который за 1990 гг. значительно возрос. В целом параметры и темпы деградации здоровья коренных народов Севера отличаются в худшую сторону от основного населения региона.

Как в прошлом, так и в настоящем миграционные процессы занимают особое место в демографическом развитии европейского Севера России. Современная ситуация отличается от предшествующего периода. Социально-экономические реформы конца XX в. в России непосредственно затронули условия и образ жизни разных слоев населения. В отличие

от других демографических процессов миграция населения реагирует на изменение социально-экономической ситуации более оперативно. «Сжатие» экономического пространства в 1990 гг. изменило направления миграционных потоков населения в стране. Миграции, в свою очередь, «запустили» процесс трансформации системы расселения. Центробежные тенденции, характерные для внутренних миграций в советский период, в современной России сменились на центростремительные. Начался массовый отток населения из районов нового освоения (в том числе с европейского Севера) в старообжитые, главным образом, европейские области страны.

В 1990 гг. произошла принципиальная смена проблем миграции, доминирующих на северных территориях страны. Если ранее были актуальны проблемы приживаемости населения, то в изменившихся социально-экономических условиях на передний план вышли проблемы стабилизации населения. Север стали массово покидать люди наиболее молодого, а значит, трудоспособного и репродуктивного возраста, к тому же адаптированные к местным условиям. Для регионов, неблагоприятных по природно-климатическим условиям, миграционный отток населения означает количественно и качественно невосполнимые в ближайшем будущем потери населения.

На протяжении длительного периода времени миграционное сальдо в России остается стабильно положительным, тогда как на европейском Севере, наоборот, отмечаются

резкие колебания этого показателя, и в целом за постсоветский период сальдо является отрицательным. Общей тенденцией развития миграционных процессов на европейском Севере является ежегодное сокращение миграционного оборота.

В соответствии с изменением показателей миграционного прироста в рассматриваемый период можно выделить три типа регионов:

- Республика Карелия и Архангельская область. Характеризуются относительной стабильностью миграционных процессов и минимальными значениями показателя миграционного прироста. Отличие состоит в том, что для Республики Карелия характерен положительный миграционный прирост, а для Архангельской области — отрицательный.
- Республика Коми и Мурманская область. В целом отличаются нестабильностью миграционной ситуации: резкое увеличение отрицательных значений миграционного прироста в начале 1990 гг. и постепенное выравнивание ситуации к 2000–2001 гг. Миграционный прирост при этом остается отрицательным, а регионы приближаются по показателям миграционной нагрузки к Архангельской области. Очевидно, подобную динамику следует рассматривать как следствие стабилизации социально-экономической ситуации в регионах.
- Ненецкий автономный округ. Характеризуется самыми значительными по величине отрицательными показателями мигра-

ционной нагрузки в начале 1990 гг., во второй половине 1990 гг. — стремительное сокращение показателей миграционной убыли, а в 2002 г. отрицательный миграционный прирост сменился положительным. Причиной изменения миграционной ситуации в данном случае является интенсивное развитие промышленности региона (преимущественно топливной).

Регулирование миграционных процессов на северных территориях со стороны государства на современном этапе носит принципиально новый характер. Прежняя стратегия плановой миграции на Север с использованием экономических стимулов являлась приемлемой с учетом геополитических интересов, но была весьма дорогостоящей. В рыночных условиях сложилась ситуация, когда ориентированная на добывающую промышленность экономика Севера не обеспечивает работой все трудоспособное население, а государство не может поддерживать достойный уровень жизни неработающих северян.

Политика государства, все предыдущие периоды направленная на заселение Севера, в современных условиях, пожалуй, впервые за всю историю, выбирает стратегию переселения с северных территорий избыточного населения. Очевидно, однако, что никакая стратегия не может носить универсальный характер и не учитывать региональные особенности, в том числе демографические.

Народонаселение европейского Севера представляет собой уникальную демографическую совокупность. Главное его отличие от народонаселения любой другой (не северной) территории заключается в том, что оно в основном сформировано не за счет собственного естественного воспроизводства, а за счет миграции. Такой «искусственный» характер формирования народонаселения находит отражение во всех его структурах: возрастная структура является более молодой, половая — лучше сбалансированной, этническая структура отличается сложностью и т. д. Важно отметить, что в 1990 г. с изменением вектора миграции (миграционный приток населения на европейский Север сменился миграционным оттоком) демографические структуры вновь резко меняются. В большей степени подвержено таким колебаниям население в районах относительно нового освоения, как правило, с экстремальными и дискомфортными условиями проживания и в меньшей степени — население старообжитых районов, отличающихся более комфортными условиями. К первой группе территорий можно отнести Мурманскую область, северную часть Республики Коми и Архангельской области, Ненецкий автономный округ. Вторую группу территорий образуют южные районы Архангельской области и Республики Коми, Республика Карелия.

За относительно небольшой период времени между переписями 1989 и 2002 г. возрастная структура населения Европейского Севера

претерпела достаточно серьезные изменения, главными из которых являются активизация процесса старения населения; концентрация населения в трудоспособном возрасте; уменьшение удельного веса детей и подростков в общей численности населения.

По прогнозу Госкомстата Российской Федерации тенденция 1990 гг., когда европейский Север терял население более интенсивно, чем Россия в целом, сохранится и в первой четверти XXI в. Очевидно, что высокие темпы убыли населения спрогнозированы с учетом значительного миграционного оттока населения. При этом наибольшие потери прогнозируются в Мурманской области, а наименьшие — в Ненецком автономном округе и Республике Карелия.

Проанализировав имеющиеся в нашем распоряжении демографические прогнозы, отметим наиболее важные аспекты:

1. Все предлагаемые прогнозы достаточно четко определяют стратегическую линию демографического развития европейского Севера России в ближайшей перспективе и позволяют предсказывать его последствия. При всех колебаниях даваемых в них оценок общая убыль населения как результат сложения естественной убыли и миграционного оттока, старение и деградация возрастной структуры населения предсказываются однозначно.
2. Краткосрочные прогнозы, претендующие на высокую точность, как правило, представлены только в одном варианте (на основе

одного сценария), что неизбежно делает их малопригодными для практического применения уже через небольшой период времени, если гипотеза в отношении изменения хотя бы одного демографического процесса оказывается выбранной неверно.

3. Ощущается необходимость краткосрочных прогнозов, в том числе аналитических, составленных в нескольких вариантах, а также среднесрочных и долгосрочных демографических прогнозов. Причем долгосрочные прогнозы нужны как в интересах отдельных территорий, так и, прежде всего, в интересах страны. Наличие демографических прогнозов — важное условие для разработки мер по корректировке реальной и прогнозируемой ситуации, сохранению и развитию демографического потенциала региона.

Разработка и реализация региональной демографической политики может осуществляться как на уровне одного субъекта Федерации, так и на уровне более крупной территории, образованной несколькими субъектами со сходными параметрами развития, а также на уровне регионов, выделенных по другим критериям: природно-географическому, историческому, геополитическому. Так, например, единая стратегия демографического развития может быть разработана для всей территории европейского Севера России, для приграничных субъектов, для районов Крайнего Севера и т. д.

Разрабатывая концепцию демографического развития региона,

следует исходить из его геополитического статуса, реалий социально-экономического положения, перспектив развития. Определяя стратегическую цель демографического развития европейского Севера России, можно руководствоваться следующими предположениями:

1. С точки зрения геополитических и стратегических интересов России, заселение территории данного региона, занимающего приграничное и приморское положение, имеет значение для обеспечения безопасности северных и северо-западных рубежей страны, сохранения присутствия России в арктическом регионе.
2. С точки зрения экономических интересов государства, развитие северных регионов должно быть обусловлено преимущественно балансовыми соображениями, то есть потребностью в трудовом потенциале. В связи с повышенными затратами на жизнеобеспечение населения в северных регионах пребывание на данной территории пожилого населения, не занятого в производстве или не являющегося членами многопоколенных семей, где пожилые люди осуществляют воспитательные функции, а также безработного населения вряд ли оправдано.
3. Исходя из интересов народов Севера, местом исторического обитания которых является территория европейского Севера России, условия их проживания и ведения традиционного хозяйства не должны быть нарушены

при осуществлении в регионе хозяйственной деятельности (особенно при разработке месторождений полезных ископаемых). Кроме того, решение социальных проблем этих народов должно относиться к числу приоритетных задач не только на региональном, но и на федеральном уровне.

Целью демографической политики на европейском Севере России может быть сохранение демографического потенциала региона, с одной стороны, путем постоянного повышения качества жизни населения и изыскания собственных возможностей оптимизации воспроизводственных процессов и, с другой, путем регулирования миграционных потоков для поддержания количественных параметров населения (численности и структурных показателей), обеспечивающих устойчивость экономического развития региона.

Выбор путей преодоления негативных демографических тенденций ограничен и определяется имеющимися резервами по каждому из направлений. Как показывает опыт европейских стран, возможности социального воздействия на рождаемость с целью ее повышения очень дороги и при этом малоэффективны, поскольку ограничены вариацией внутри сложившихся норм малодетности. Регулирование миграционных потоков решает преимущественно тактические задачи. Таким

образом, разделяя мнение многих специалистов, в качестве приоритетного направления демографической политики на европейском Севере России следует выбрать деятельность по охране здоровья и снижению смертности, тем более что в этом направлении имеются значительные резервы. Разумеется, демографическая политика не должна игнорировать такой источник стабилизации постоянного населения, как рост рождаемости, однако в среднесрочной перспективе акцентировать внимание все же необходимо на снижении смертности.

Как правило, для каждой конкретной территории можно выделить ограниченный набор проблем снижения смертности: устранение гендерных диспропорций смертности, возрастные и нозологические приоритеты уменьшения потерь населения за счет смертности. На европейском Севере России имеет место повышенная смертность в младших и средних возрастных группах. Омоложение смертности — явное свидетельство регресса, как общественно-го, с точки зрения предоставляемых возможностей для охраны здоровья, так и индивидуального, с точки зрения значимости здоровья в системе других ценностей. Определив специфичные для данной территории резервы снижения потерь, следует разработать систему мер, направленных на решение этих задач.

ЖИЗНЕННЫЙ МИР ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ЧЕЛОВЕКА (ОПЫТ АНАЛИЗА СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ РАЗЛИЧИЙ)

Резник Ю. М.

К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Начну с некоторых пояснений и уточнений. Как известно, различие есть результат различения. Различение же в отличие от социальной дифференциации как естественно складывающегося деления людей по определенным, чаще всего объективным признакам — это процесс конструирования и символического воспроизводства различий, прежде всего социокультурных различий¹. Имеются как самые простые (элементарные) социокультурные различия — «я и другой», «свой и чужой» (или «наши и не наши»), «белые и черные», «правые и левые» и т. д., — так и более сложные, цивилизационные различия, например, «Запад и Восток», «Север и Юг», «Центр и периферия» и проч.

Резник Юрий Михайлович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН, заместитель директора Российского института культурологии, главный редактор журнала «Личность. Культура. Общество».

Социокультурные различия носят дихотомический характер. Они выражаются чаще всего при помощи дуальных оппозиций. В этом, пожалуй, и состоит главный эвристический смысл концепции социокультурных различий. Мы всегда, начиная с раннего детства, находимся в ситуации выбора, так как перед нами (нашим воображением — «внутренним

¹ Под последними я понимаю различия, обусловленные отношением людей к данной культуре в ситуациях «здесь и теперь», их идентичностью.

экраном») незримо присутствует сказочный камень, на котором начертано: «Направо пойдешь... — налево пойдешь...».

Я избрал достаточно сложный путь анализа проблемы «провинциальности» российского человека. Для начала я уточнил значения терминов «провинциальный» и «провинциал» и определил затем другую сторону дуальной оппозиции — «головной» и «принципал». Далее мне пришлось ввести данную проблему в более широкий контекст анализа дихотомических различий, обоснованных мною в разных работах¹, — «становление — развитие», «конституирование — конструирование», «дилетантизм — профессионализм», «обыватель — публичный человек», «хранитель — демиург» и проч. Причем первые оппозиции относятся к образу жизни человека, а последующие — к его свойствам или качествам.

Термины «провинциальный», «провинция» и «провинциализм» (лат. *provincialis, provincia*) используются мной не в негативном смысле, т. е. в значении «отсталый, наивный, простоватый, находящийся в захолустье, в удалении от культурных центров и благ», и даже не в буквальном, географическом значении — как «относящийся к провинции», территориально (а не культурно) удаленный от административного центра — столицы, областного города и проч.

Термин «провинциальный», с моей точки зрения, определяет высокую меру закрытости людей миру, их связанности и сопряженности с традициями места и времени (эпохи), погруженности в традиционную (немодернистскую) культуру. Поэтому это скорее социокультурная, а не морально-этическая или географическая характеристика людей, их образа жизни.

Провинциализм в моем понимании характеризует образ жизни людей, их нравы, обусловленные не их отсталостью и неразвитостью или удаленностью от столичного или регионального центра, а скорее факторами культурного характера — оторванностью от «большого» мира, периферийностью процессов жизнеобеспечения и информационных потоков.

Наконец, *провинциальный человек* — это не просто человек, живущий на большом расстоянии от административного и культурного центра (в буквальном смысле — человек из провинции) и в силу этого обстоятельства вынужденный вести относительно замкнутый (но не закрытый полностью) и обособленный образ жизни. Провинциал отличается своей укорененностью в традиции того края (места), в котором он живет. И это делает его необычайно адаптивным и устойчивым типом человека.

¹ См.: Резник Ю. М. Введение в социальную теорию. Социальная онтология. — М., 1999; Резник Ю. М., Смирнов Е. А. Жизненные стратегии личности (опыт комплексного анализа). — М., 2002; Костюченко Л. Г., Резник Ю. М. Введение в теорию личности. Личность и ее жизненный мир: Учеб. пособие. — М., 2003.

Ведь провинциальным человеком можно быть и в столице, ведя замкнутый и ограниченный (в культурном и информационном отношении) образ жизни. Например, группа лиц с высшим образованием, проживающих в Москве и деградировавших по причине алкогольной зависимости, куда более провинциальна и периферийна, чем коллектив учителей сельской школы Бурятии, участвующих в международных проектах или общероссийских экспериментах. То же самое можно сказать и о корпоративном сообществе преподавателей столичного вуза, не желающих осваивать новые образовательные технологии или осуществляющих чрезмерно жесткий (граничащий с произволом) контроль над деятельностью студентов.

Противоположностью провинциала как человека, погруженного в пространство местных традиций, нравов и оторванного от общестрановых и мировых тенденций культурного развития, является, с моей точки зрения, не столичный человек, находящийся в центре событий и культурных процессов, а *принципал*. Принципал (от лат. *principalis* — главный) — термин, используемый преимущественно в финансовом деле для обозначения лица (как правило, основного должника), от имени которого действует агент. Я буду использовать другое значение этого термина (принципал как глава, хозяин), расширяя и уточняя его социо-

культурное содержание. В этом смысле принципал есть главное действующее лицо («хозяин жизни»), олицетворяющее собой традицию и устанавливающее «правила игры», которые являются обязательными для других участников и, прежде всего, провинциалов, придерживающихся данной традиции.

Существенное различие между принципалом и провинциалом определяется мной по основанию: центр — периферия социокультурного пространства. Если провинциал не производит традицию, а лишь поддерживает ее, оставаясь на периферии социокультурного пространства, то принципал создает данное пространство, находясь в центре событий, значимых для большинства людей. В то же время нельзя рассматривать провинциала как культурного маргинала. Он интегрирован в тело культуры сильнее, чем принципал, стремящийся порой нарушить сложившееся равновесие. В этом смысле провинциал — основной хранитель социокультурного пространства, а принципал — его возмутитель.

Попытаюсь теперь развернуть свое представление о провинциальном человеке в контексте его сравнения с противоположным типом, находящимся в центре социокультурного пространства, — принципалом. В данной статье я хотел бы высказать несколько предположений, нуждающихся в дальнейшем обосновании и конкретизации.

РАЗЛИЧИЕ ПАРАДИГМ СОЦИАЛЬНОГО БЫТИЯ: СТАНОВЛЕНИЕ (ПРОВИНЦИАЛЫ) И РАЗВИТИЕ (ПРИНЦИПАЛЫ)

Предположение 1.

Провинциалы и принципалы характеризуются принципиально разными способами (парадигмами) социального бытия людей — становлением и развитием.

Я полагаю, что основная причина социально-нравственного кризиса жизненного мира как постсоветского, так и западного человека заключается не только в недостаточности прежних критериев его развития, но и в исчерпанности самой парадигмы развития.

Идеи развития и прогресса достаточно полно представлены в отечественной философии и науке, а вот идея становления оказалась во многом в стороне от столбовой дороги наших философов и ученых.

Как известно, становление — философская категория, выражающая спонтанную изменчивость вещей и явлений — их непрерывный переход, превращение в другое.

Меня интересует в данном случае проблема соотношения становления и развития. За неимением времени попытаюсь наметить лишь общие контуры этой проблемы, как я ее вижу и понимаю в контексте рассматриваемой проблемы.

Поэтому я не буду здесь обращаться к античной философии и философии нового времени, где идея становления оказалась в центре внимания.

Отмечу только, что становление не следует противопоставлять бытию вообще, как это делали некоторые философы прошлого. Оно есть момент бытия наряду с развитием. Становление как «вхождение в присутствие и выход из него» соотносится с небытием («ничто») как отсутствием. Как известно, бытие у Хайдеггера — это «восходящее-являющееся постоянное присутствие» в мире. Следовательно, вхождение и восхождение суть атрибуты становления, а не бытия.

Поэтому более обоснованной мне представляется традиция разделения бытия на актуальное, ставшее бытие (бытие как развитие) и потенциальное, совершающееся бытие (бытие как становление). Становление не совпадает по смыслу с развитием. Имеется несколько существенных различий между ними, которые привносят новые смысловые оттенки в изучение социокультурных миров принципалов и провинциалов.

1. Становление не имеет конца (оно представляет собой непрерывный процесс преодоления предела), развитие же конечно (оно всегда есть или уже стало).

Развиваться — это значит быть в мире, иметь присутствие где-то или в чем-то, обладать наличным бытием, осуществиться. Совершать (становиться) — это действие или

процесс восхождения, т. е. переход в наличное бытие из возможности в действительность.

Таким образом, развитие есть актуализация становления и реализация одной из множества возможностей, заложенных в нем.

Получается парадокс: развитие — это приближение смерти или постепенное умирание (зрелое состояние переходит в перезрелое, потом — в вялое и так до самого конца), становление же есть набор высоты, оформление совершаемого без желания обрести собственную значимость или закрепить результаты своего движения.

Еще раз повторяю: *развитие имеет дело со ставшим* (уже совершенным) или *нормативно заданным*, становление — *со становящимся* (совершаемым) или *субъективно желаемым*. Развитие, как правило, оформлено в практических результатах, других критериях изменения значимости нашей жизни и деятельности. Становление же есть жизненный порыв, растянувшийся на всю жизнь. Это — бесформенное движение, движение по сути, а не по форме, содержательное наполнение совершаемого.

2. Становление и развитие определяют по-разному перспективы и горизонты личностного роста человека.

В мире формальных, безличных отношений, которые я называю вслед за Хабермасом системным, становление невозможно как свободный выбор возможностей в духе Сартра. Здесь царит целерациональная логика развития. Место назначения ста-

новления — жизненный мир, т. е. сфера повседневных коммуникаций, смыслом которых становится взаимопонимание. Именно там человек себя утверждает как индивидуальность. Можно предположить, но утверждать однозначно, что социальное становление человека в качестве свободного человека происходит в гражданском обществе.

Становление есть потенциальное бытие, не раскрывшееся и не реализованное до конца, т. е. еще не ставшее. Это — открытый путь, представляющий человеку веер возможностей самореализации. Развитие же есть, как правило, закрепление одного вектора движения, оформление результатов уже ставшего. Оно является венцом творения как становящейся и раскрывающей в полной мере свой потенциал здесь-и-теперь реальности. Поэтому развитие идет скачками, взрывообразно, по нарастающей или спиралеобразно, а становление внешне проявляется как полноводная река с сильным течением и холодными, освежающими ключами.

3. Становление и развитие имеют разное отношение к проблеме нравственного совершенства человека.

Как известно, совершенное и совершенство — слова однокоренные. Становление касается совершенства личности, развитие же относится к совершенному, т. е. плодам ее деятельности, получивших свою форму, ставших реальностью для-себя-и-других.

Совершенство же вытекает из стремления быть самим собой. Это —

удел немногих, так как мало кому удается совершать, не прекращая своего становления. В развитии же человек уходит от себя. Он стремится стать, осуществиться, обрести социальную значимость, не замечая того, что постепенно он теряет самого себя, перестает им быть.

Следовательно, развитие имеет пределы, определяемые рамками достигнутого. Не случайно поэтому человек, добившийся в своей жизни многого, оказывается зачастую перед вопросом: а что же дальше? Многие, не решаясь ответить на этот вопрос, несутся дальше по колею развития, ставя новые цели и получая все новые и новые внешние результаты. Эта «дурная» бесконечность, ведущая в никуда, в ничто.

Становление как восхождение есть постоянное и неустанное расширение пределов развития, снятие замкнутого телеологического круга — «цель — результат». Ведь смысл развития в достижении, а смысл становления — в самом процессе совершения, в выходе за рамки на-

личного бытия, в осуществлении возможности снова быть другим, не похожим на себя, оставаясь при этом самим собой.

Таким образом, мы навязали жизненному миру логику развития, свойственную системному миру. В становлении человек реализует себя как незавершенное существо, ведущее спор с вечностью, в развитии — как смертное существо, устремленное к своему концу.

Поиски социальных критериев развития жизненного мира в рамках парадигмы развития ведут в тупик. Жизненный мир не развивается в том смысле, что и мир формальных систем. Он самосовершается в процессе становления человека, раскрытия его творческого потенциала, открывая все новые и новые горизонты его существования. Чтобы быть в становлении, надо перестать казаться и иметь, к чему нас обязывает парадигма развития. Но это уже предпосылка для начала следующего разговора.

МОДЕЛИ СОЦИАЛЬНОГО УЧАСТИЯ: «АКТОРЫ» И «АВТОРЫ»

Предположение 2.

Провинциалы и принципалы различаются между собой не только парадигмой (способом) бытия в обществе, но и моделями социального участия, а также возможностями влияния на происходящие в нем процессы.

В онтологическом плане следует различать в обществе процессы конституирования (сфера естественного или спонтанного, т. е. самопроизвольно совершающегося в обществе, в том числе поддержание традиций) и процессы конструирования (сфера рационального в

обществе, т. е. ориентированного на создание и преобразование искусственных объектов, в том числе социокультурных инноваций).

Перефразируя слова И. Канта, можно сказать, что нечто совершается в обществе до или вне прямого вмешательства людей, т. е. то, что делает с обществом его собственная природа, уже сложившиеся в нем традиции, нравы и обычаи (*процессы социального конституирования*) и есть то, что происходит в нем под влиянием их целей, действий, проектов и технологий, т. е. что делают с обществом люди как субъекты деятельности и взаимодействия (*процессы социального конструирования*). Спонтанность имеет отношение к природе социальной реальности, воспроизводству социокультурных образцов, а рациональность — к возможностям ее выражения в познании и преобразования в практике субъектов.

Можно предположить, что в этих процессах провинциалы и принципалы занимают совершенно разные позиции: с одной стороны, провинциалы выступают главным образом как *акторы*, реализуя себя в процессах социального конституирования в качестве носителей социокультурных традиций, с другой, принципалы — преимущественно как *авторы*, т. е. создатели социальных проектов или главные инициаторы социальных изменений. У принципалов в отличие от провинциалов появляется право авторства не только на произведение литературы или искусства, другую интеллектуальную продукцию, но и на собственность (посредством ее присвоения), властные структуры (посредством овладения контролем над дефицитными ресурсами) и социальные нововведения (через освоение и внедрение новшеств).

ОТНОШЕНИЕ К КУЛЬТУРЕ: ХРАНИТЕЛИ-КОРРЕКТИРОВЩИКИ И НОВАТОРЫ-ДЕМИУРГИ

Предположение 3.
В современном мире удивительным образом сосуществуют, уживаются между собой 2 совершенно разных типа человека — традиционный и креативный. Причем провинциал соединяет в себе черты традиционного и постсовременного человека, а принципал выражает сущностные характеристики креативной личности, свойственной обществу модерна.

В этой связи у провинциала есть огромное культурное преимущество перед принципалом. Если последний есть продукт развития современной, индустриальной цивилизации, то первый — незавершенный продукт культуры модерна. Ему еще предстоит стать.

Исследование эволюции человека в контексте культуры в отечественной и западной науке, несмотря на свою актуальность, не получило

широкого распространения. В большинстве публикаций, вышедших за последние годы, преобладает все же сравнительный подход к изучению состояния и динамики социокультурных явлений.

Какова же роль культуры в формировании человека как личности? Приведем вначале общую схему культурной эволюции человека.

В научной литературе по проблемам модернизации выделяют обычно 4 типа культуры и соответствующие им типы личности: доклассическую, или традиционную (V–XIV вв.); классическую, или современную, модернистскую (XIV–XIX вв.); неоклассическую, неосовременную, или позднемодернистскую (начало XX – конец XX в.); постнеоклассическую, или постсовременную (конец XX в. и далее)¹.

Используя типологическую матрицу культуры, предложенную В. В. Козловским, А. И. Уткиным и В. Г. Федотовой, представим собственную версию исторической типологии человека, построенную в зависимости от его отношения к природе и культуре в тот или иной период своего исторического существования (табл. 1 на с. 150).

Итак, тип человека определяется нами в зависимости от двух основных факторов — природы и культуры. Если природа рассматривается в данном контексте как *поле объективных возможностей человека*, «внешняя» арена его жизнедеятель-

ности, то культура характеризуется в большей мере как пространство или *сфера свободной самореализации его сущностных сил* и утверждения его позиции в мире как центральной, основополагающей.

Понятия «культура» и «свобода» взаимосвязаны между собой. Мы исходим из допущения, что чем больше степень свободы у человека, тем выше уровень культуры и наоборот. В известном смысле культура есть способ взаимодействия человека с природой («первой» и «второй»), расширяющий его творческие и репродуктивные возможности самореализации.

Свобода человека — это культурное, «искусственное» явление. Она возникает вместе с появлением самой культуры. Однако последняя не только расширяет рамки свободы, но и ограничивает их. Культурная детерминация человеческой жизни осуществляется посредством правил, норм, ценностей, традиций, других ограничений. В этом смысле культура уподобляется природе как источнику жизни, устанавливающему физические, биологические и технические границы человеческого бытия. Но если в природе жизнедеятельность человека ограничена личными условиями жизни и определенным набором доступных ему ресурсов, то в культуре таким ограничителем выступает свобода другого человека, которая защищена законами, правилами, нормами и т. д.

¹ Козловский В. В., Уткин А. И., Федотова В. Г. Модернизация: от равенства к свободе. — СПб., 1995. С. 126.

Таблица 1

Историческая типология человека

Отношение к природе («естественные» факторы)	Отношение к культуре («искусственные» факторы)	Тип личности
Способ «выживания» (при- способность человека к при- роде, освоение природного пространства)	Ориентация на традицию и традиционные способы удовлетворения наличных жизненных потребностей	Традиционный, адаптивно-адаптирующийся («хранитель», пользователь) /V–XVII вв./
Способ экстенсивного «производства» новой жизни (построение «второй природы», преобразование окружающей среды)	Постоянная ориентация на новое, на накопление продуктов и создание инновационных технологий; научно-технический прогресс	Современный, модернистский, инновационный, креативный («креатор» или «демиург») /XVII – начало XX вв./
Способ интенсивного «производства» и «потребления» жизни (использование ресурсов первой и «второй» природы для расширения своих возможностей в сфере потребления при сохранении своей прежней демиургической роли)	Установка на максимально возможное удовлетворение потребностей, изобретение новых способов их реализации, расширенное производство потребностей; ориентация на производство ради потребления	Позднемодернистский, несовременный («производящий потребитель») /начало XX – конец XX в./
Способ «воспроизводства» жизни (поддержание баланса между человеком и природой, учет ограничений при создании «второй природы»; отказ от роли демиурга и новый диалог человека с природой)	Ориентация на сохранение и приумножение природных и материальных ресурсов, ослабление разрушительных последствий научно-технической революции, ограничение и отказ от «демиургических» принципов	Постсовременный и «воспроизводящий» («репродуктиватор», «корректировщик») /конец XX в. и далее/

По мере движения от одного периода культурного развития человека к другому изменяются характер, содержание и границы его свободы. В доклассический период социальная свобода охватывает все то, что не противоречит существующим традициям и служит их воспроизводству. В классический, современный (модернистский) и неоклас-

сический (позднемодернистский) период она локализуется в основном в сфере производства и потребления материальных и духовных благ. В постнеоклассический (постмодернистский) период свобода становится достоянием людей, стремящихся к принятию реальности (а не к преобразованию, утилитарному использованию) и диалогу

с ней. При этом предпочтение отдается не продуктивной и производительной деятельности человека, а его способности организовывать и поддерживать разнообразные (биосоциальные, информационные, обменные и проч.) связи и коммуникации с окружающей средой как средой его обитания.

Вместе с характером человеческой свободы исторически изменяется ее культурное содержание. Свобода традиционного человека имеет «потустороннее», вземное значение. Она воплощена в его мифологических и религиозных представлениях. Иллюзия свободы дополняется и усиливается богатством и полнотой переживания настоящего. Человек ощущает себя свободным лишь будучи выразителем мифов, преданий, верований, получивших свое закрепление в традициях и обычаях данной культуры. Свобода не выходит за пределы традиционных образцов (религиозных догматов и проч.). Она находится в жестких тисках традиций и традиционного мировоззрения. Человек, вырвавшийся из этих тисков, становится «социально опасным», неугодным (например, еретиком, раскольником) или отверженным, «некультурным» (отшельником, бродягой).

Вместе с тем культура представляет «естественное» убежище для традиционного человека. Она естественна в том смысле, что последний рассматривает ее как свою собственную природу и не отличает себя от нее. Преобладание сельского труда, общинное хозяйство, земля как основное средство жизне-

обеспечения все больше сближало человека с природой. Кроме того, культура данного периода является формой существования традиций, обычаев, ритуалов, в которых (или посредством которых) человек вел свое естественное существование.

В культуре классического периода свобода обретает новый смысл и практическое значение. Она становится не только желаемой (иллюзорной), но и легитимной, реальной. В этот период свобода утверждается как культурное достояние, а сама культура рассматривается как поле свободной деятельности людей, ограниченное только рамками закона. Призывы к свободе культуры часто связаны с требованиями культуры свободы.

Классическая, современная культура обладает в большей степени искусственностью (с точки зрения восприятия ее человеком), чем традиционная. Человек все больше чувствует себя отчужденным и «заброшенным» в искусственном мире культуры. Ему противостоят в культурной форме им же созданные изобретения или продукты. Сотворенная человеком «вторая природа» предопределяет во многом способы удовлетворения его потребностей и возможности свободно творчества.

Еще одно принципиальное отличие современной культуры по сравнению с традиционной заключается в ее растущей дифференциации и непрерывном усложнении форм. Прежняя культура характеризовалась синкретичностью и аморфностью, относительной целостностью и неисторичностью.

Для культуры классического периода характерны также такие свойства, как гуманизм, рационализм и историзм. Гуманизм связан с утверждением пространства личной свободы человека в реальной жизни, рационализм подчеркивает субъективную роль человека в обретении этой свободы, а историзм указывает на направленность культурного развития в сторону расширения прав и свобод людей (признание человеческого и культурного прогресса). Именно в данное историческое время являются реальными предпосылки для формирования личности и культуры современного типа.

Современный человек — это, прежде всего, свободный человек, который несет в себе такие свойства, как интерес ко всему новому, постоянную готовность к изменениям, разнообразие взглядов, ориентацию на значимую информацию, рациональное использование времени и имеющихся в его распоряжении ресурсов, личное достоинство, партикуляризм и оптимизм¹.

Следовательно, надо полагать, что соответствующие изменения происходят и в современной культуре — способе предметно-символического выражения родовых начал человеческой жизни.

ДВА ИЗМЕРЕНИЯ ЖИЗНЕННОГО МИРА: ОБЫВАТЕЛИ И ПУБЛИЧНЫЕ ЛЮДИ

Предположение 4.

В реальной жизни провинциал выступает чаще всего как обыватель, пребывающий в позиции наблюдателя, а принципал — как публичный человек, находящийся в гуще событий и заявляющий о себе открыто (публично).

Существует 2 измерения жизненного мира российских людей: публичное и обыденное. Публичное (событийное) измерение жизненного мира предназначено для демонстрации другим участникам жизненного процесса и находится в сфере их повышенного внимания или

является по тем или иным причинам предметом их интереса. Обыденное измерение имеет латентное, «внутреннее» назначение, не выходящее за рамки текущей жизни.

Главными фигурантами представленных выше измерений жизненного мира являются соответственно обыватель и публичный человек. В данном случае мы будем понимать под обывателем типичного представителя данной социальной общности. Ключевыми терминами при определении данного термина являются слова «бывать», «бывал». Когда говорят «мы там были»,

¹ Козловский В. В., Уткин А. И., Федотова В. Г. Модернизация... С. 136.

то имеется в виду именно данный смысл проживания человеком конкретной ситуации в жизненном мире.

Но есть еще один смысл слова «обыватель». Это характеристика степени присутствия или участия в общественной жизни, открытость его жизненного уклада. Так вот, «бывать» — это еще не значить «быть», т. е. быть полноценным и полноправным субъектом социальных отношений и творцом общественной жизни. Это, скорее, находиться рядом, недалеко от «столбовой дороги», от магистрали, по которой проходят основные ресурсы, распределяемые и направляемые на цели главных субъектов — принципалов как «хозяев жизни», представляющих мир формальных систем и обладающих всей полнотой влияния, информации и богатства.

Обыватель — это человек толпы, массовый индивид, стремящийся затеряться в огромном жизненном пространстве, стать незаметным в этой жизни и в завершение ко всему, и не желая того, — «подкладкой» для крупных и хищных животных или «подкормкой» для больших рыб в человеческом океане.

Обыватель сродни наблюдателю. Он наблюдает как бы со стороны за тем, что с ним и ему подобными происходит. Наблюдает вяло, пассивно, как будто все то, что с ним происходит, его по-настоящему не касается.

В какой-то мере жизненный мир большинства российских людей — это большая наблюдательная комната, панорама с одним входом,

повлиять на качество и порядок изображаемого в которой практически невозможно. Можно только продолжать наблюдать, наблюдать то, как рушатся общественные устои, как в потоке массовой информации исчезает подлинное лицо демократии и свободы.

Но если есть обыватель, то должна быть и противоположная ему по статусу и образу жизни фигура. Это — *публичный человек*. Человек, который находится всегда на виду, купается под лучами славы и общественного внимания. Он живет одновременно частной, обособленной жизнью, не предназначенной для открытой демонстрации, и публичной жизнью, которая призвана держать в завистливом напряжении и смешанном с ненавистью восторге толпу обывателей.

Публичный человек вступает в брак по расчету со средствами информации. «Эфирное время» становится его жизненно необходимым ресурсом. Он все время живет на виду, поддерживая свой образ «большого человека» и подчиняясь логике развития виртуальной реальности. Его поведение регулируется законами и правилами жанра публичной жизни.

Следовательно, обыватель, пребывая в невидимых, латентных слоях жизненного мира и вынужденно сохраняя свою социальную маскировку, находится на одном полюсе социокультурного пространства, а публичная личность — на другом.

Казалось бы, все основные и значимые действия происходят на арене театра «большой жизни»

публичных людей, т. е. тех, кого преподносят нам средства массовой информации в качестве главных героев сегодняшнего дня со всеми присущими им символами благополучия — богатством, властью, влиянием.

Разумеется, не стоит упрощать реальную картину жизненного мира российского человека, введя в него только двух фигурантов — обывателей и публичных людей. Имеются еще и немногочисленные группы людей, не вписывающихся в социальную панораму, — активистов, защитников прав, общественных лидеров, ученых, стремящихся обратить внимание на острые и злободневные проблемы нашего общества, равно как на собственное благополучие и удаленность от ресурсных центров. Но они находятся в силу различных причин на периферии общественной жизни, не оказывая существенного влияния на ее публичную сферу.

ОТНОШЕНИЕ К ЖИЗНИ: «ДИЛЕТАНТЫ» И «ПРОФЕССИОНАЛЫ»

Модели жизнотворчества подразделяются также на модели жизненного мастерства и стратегию жизненного дилетантства. Основаниями для их выделения могут служить, с одной стороны, уровень компетентности личности в решении жизненных проблем, ее жизненный опыт (объективный критерий), а с другой — особое восприятие и постижение жизни, характерное для различных носителей стратегии са-

Единственным представителем жизненного мира, способным в силу инертности формально противостоять системной экспансии авторитарно-бюрократического государства, оказывается, как это ни парадоксально звучит, фигура обывателя, занимающего, как и во все времена, позицию наблюдателя. Но пока на его место не придет гражданская личность, в обществе будет царить отчуждение и хаос, дополняемые всеми издержками и наследием тоталитарного прошлого.

Наша беда состоит в том, что у нас нет гражданской личности, а ее место занял обыватель. Но и этого уже не хватает. Время требует активных и решительных действий, на которые не способны ни обыватель, ни публичный человек. Нужны автономные субъекты, свободные личности, составляющие ядро гражданского общества.

морализации (субъективный критерий).

В рамках модели *жизненного мастерства* человек стремится стать мастером, настоящим знатком и ценителем своей жизни. Подобно булгаковскому Мастеру, он пишет роман жизни глубоко и серьезно, погружаясь в него настолько, что появляется опасность истощения жизненных сил, их необычайно го перенапряжения. Представители

данной модели превращают свою жизнь в творческую лабораторию или мастерскую. Они полностью отдаются жизненному творчеству, доводя его до уровня совершенства и искусства.

Жизненное мастерство достигается путем нелегкой, порой изнурительной и рутинной работы. Ведь быть настоящим мастером своей жизни — это значит освоить и изменить ее настолько, что она становится своего рода произведением искусства. Это требует от ее автора глубокого знания жизни и соответствующих навыков и умений по ее совершенствованию. Чаще всего подлинными мастерами жизни являются выдающиеся представители науки, литературы и искусства.

Модель *жизненного дилетантства* выделяется в связи с особым мироощущением, характеризующим творческую жизнь личности, которая неосознанно или чаще всего сознательно занимает позицию дилетанта.

В отличие от обычного представления о дилетантстве как любительском занятии, для которого свойственно поверхностное знание предмета деятельности, мы определяем его содержание исходя из значения латинского слова «*delecto*», что означает буквально «*услаждать*», «*развлекать*», «*забавляться*».

При таком понимании дилетант есть человек, который ищет и находит в жизни наиболее интересные, привлекательные, доставляющие истинное духовное наслаждение моменты (не забывая, конечно, о выполнении некоторых рутинных

и репродуктивных видов деятельности). Иначе говоря, дилетант — это человек, прибегающий к непривычным и нетрадиционным формам самореализации и отличающийся от большинства людей своей повышенной любознательностью, увлеченностью, желанием лучше разобраться в себе и других.

Дилетантство как стратегия и практика жизни есть не просто занятие, доставляющее удовольствие человеку и не являющееся его профессиональной деятельностью, но и особый образ жизни и даже призвание. Это такой способ организации жизненного пространства человека, который помогает ему преодолеть чувство психологической неудовлетворенности и ощущение «су-етности» жизни и одиночества.

В модели дилетантства жизнь рассматривается в контексте стремления к вечному блаженству и высшему наслаждению, которые достигаются в процессе увлекательных занятий и необычных дел. Дилетанту, занимающему эту позицию в жизни, чуждо само понятие «*работа*». Для него характерно целостное отношение к жизни: он не принимает общепринятое деление творчества на работу, досуг и прочее, а воспринимает его как единое целое.

В этом смысле дилетантство — это особое мировоззрение и мироощущение, служащее альтернативой не только всему привычному, традиционно устоявшемуся и обыденному, но и профессиональному творчеству. Поэтому дилетантом может стать далеко не каждая творческая личность. Чтобы стать дилетантом,

надо перестать быть «работником», «профессионалом» в узком и ограниченном смысле этих слов.

Негативный образ дилетанта, сложившийся в нашей литературе, должен уступить место представлению о нем как о жизнерадостном и необычном человеке, который любит жизнь, людей, а также все то, что украшает и услаждает жизнь, делает ее интересной и привлекательной; он создает свой неповторимый жизненный мир, даря его себе и людям как бесценное сокровище.

В современной жизни дилетантство, как и стратегия самореализации вообще, не находит широкого

распространения. Это связано, в частности, с тем, что современное общество еще не создало необходимых условий для полноценного и разностороннего творчества личности. Примеры дилетантства (в указанном нами смысле) следует искать среди тех, кого по праву называют «свободными художниками». Их отличают широта и оригинальность мышления, склонность к восприятию и инициированию нововведений, умение распорядиться своими творческими дарованиями и способностями, отсутствие комплексов и психологических ограничений, легкость в общении и разносторонняя эрудиция.

ПРОТИВОРЕЧИЯ И ПАРАДОКСЫ ЖИЗНЕННОГО МИРА ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Основное противоречие нашего времени — противоборство системного мира общества, олицетворяющего иерархически организованный порядок, основой которого выступает государственно-правовое регулирование, и жизненного мира, охватывающего сферу повседневных коммуникаций, регулируемых непосредственно нормами морали («естественного права»). В жизненном мире господствуют коммуникативный разум и коммуникативные действия, ориентированные на взаимопонимание, в системном — целерациональные действия.

При этом отмечаются следующие тенденции.

1. Системная деформация жизненного пространства человека.

Оно деформировано не только постоянным воздействием «силовых» факторов системного мира, но и слабостью и аморфностью гражданского общества. Поэтому картина нашего жизненного мира пестрит самыми разными ярлыками, заимствованными чаще всего из западной политической лексики, но по своей сути не имеющих прямого отношения к социальным реалиям страны. Под воздействием негативных факторов происходит коррозия, «сжатие» и «примитивизация» социокультурных образцов, поведенческих моделей жизненного мира человека, размываются его

ценности, снимаются прежние защитные барьеры.

2. Искусственная дефрагментация и дифференциация жизненного мира человека.

Мы потеряли не только идейно-политические, но и нравственные ориентиры. Наш жизненный мир раскололся на множество кусочков. Он потерял свою целостность. Мы живем не только в условиях разобщения и конфликтов, возникающих на религиозной или этнической почве, но и в ситуации расколотости собственного «Я».

Происходит *искусственная дифференциация* жизненного мира во внешним, преимущественно формальным признакам. Он раскалывается насильственно на различные фрагменты и осколки. В результате рушатся социально-нравственные устои общества, деградирует семья, другие формы естественной социальной связи между людьми.

Таким образом, жизненный мир российского человека постепенно и незаметно сужается, уменьшаясь до размеров непосредственных форм общения — семьи и ближайшего окружения (друзей, отдельных коллег по работе, знакомых и родственников).

3. *Бюрократизация* есть еще один бич жизненного мира российских людей. Ни один вопрос, требующий формального решения органов государственного управления, не решается без выгоды или корыстных интересов чиновников. В современных условиях «защитные рефлексы» и механизмы жизненного мира российского человека перестают работать в

полную силу; они в значительной мере ослаблены или нейтрализованы негативными факторами экспансии со стороны мира олигархических систем различного типа доминирования — политического, экономического и проч. (олигархи в экономике ничуть не хуже олигархов в сфере информации и науки).

В ситуации «неполного государства» и «отсутствующего гражданского общества», призванного оградить или хотя бы ограничить отрицательное воздействие системного мира, господствующая элита и ее боевой отряд — бюрократия в союзе с организованной финансовой группировкой превращаются в главного могильщика жизненного мира.

4. *Коммерциализация и корпоративная регламентация жизненного мира* современного человека является еще одной особенностью и тенденцией его нынешнего состояния. К этому нас толкают не только свои доморощенные дельцы, пропагандирующие мощь и силу денежного мешка, но и зарубежные фонды, финансирующие отечественную культуру и науку в соответствии с собственными представлениями и интересами.

Нормальная трудовая и профессиональная этика российских людей становится невостребованной, уступая место псевдоценностям корпоративного бизнеса, регламентирующего до мелких деталей нашу повседневную жизнь и избавляющего нас от необходимости заниматься собственным жизнетворчеством.

5. Защитить человека и его жизненный мир может только крепкое *гражданское общество* — система горизонтальных связей между субъектами, базирующихся на принципах самоорганизации и руководствующихся идеями сохранения и развития всего человеческого рода; именно данное общество формирует внутри себя социокультурные перегородки и подпорки, способные противостоять экспансии западной и отечественной элиты.

При любом развитии тенденции интеллигенция должна будет сделать свой окончательный выбор: будет ли она продолжать служить публичным интересам представителей властвующей элиты, или она встанет на защиту провинциального человека, обывателя, образовывая их и воспитывая в них дух гражданственности и гражданской ответственности за общую судьбу всех российских людей.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СЕБЕ И ПРОТИВНИКЕ В СИСТЕМЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТИРОВ МОЛОДЕЖИ¹

*Голянич В. М.,
Грачев С. С.*

Голянич Валерий Михайлович — доктор медицинских наук, профессор кафедры психологии управления и педагогики Северо-Западной академии государственной службы.

Грачев Сергей Сергеевич — преподаватель кафедры превентологии Санкт-Петербургского института специальной психологии и педагогики (Санкт-Петербург).

Современный мир характеризуется все большей геополитической и религиозной поляризацией. Процессы глобализации и установления «единого мирового порядка» встречают все более упорное сопротивление антиглобалистов и сторонников выбора собственного национального, профессионального или духовного пути развития. Потенциально и реально конфликтогенные тенденции развития современных условий отражаются в мировоззренческих позициях различных слоев населения в форме взглядов, ценностей, приоритетов и пристрастий их представителей.

В системе ценностных ориентиров человека представления о себе и противнике (антиподе, недруге, враге) занимают особое, очевидно, важнейшее место. Механизмы самоидентификации, обеспечивающие формирование образа «Я», как известно, инициируются в ходе сопоставления, оценки и интерпретации наиболее значимых поведенческих и когнитивно-эмоциональных характеристик окружающих человека людей. Опыт социальных взаимодействий (и столкнове-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Система ценностных ориентаций ветеранов боевых действий», проект № 06-06-00606а.

ний) с представителями близкого (родного, комфортного, симпатизирующего) и враждебного (недружественного, враждебного, асоциального) окружения способствует «кристаллизации» образа «Я», стабилизации идентификационных представлений человека и, в целом, формированию мировоззренческих, ценностных позиций.

Анализ представлений человека и социальной группы о себе и противнике необходим и актуален по нескольким причинам. Во-первых, его результаты (особенно если данные анализируются в динамике) позволяют прогнозировать возникновение неблагоприятных, кризисных оценок в отношении других социальных (этнических, конфессиональных и др.) групп. Такой прогноз необходим для предотвращения враждебных эксцессов этнической и конфессиональной интолерантности. Во-вторых, понимание негативных аспектов представлений определенных социальных групп о противнике позволяет разрабатывать социально-психологические и политические технологии трансформации этих образов с целью ослабления враждебности. В-третьих, осмысление специфики образа «Я» у представителей различных слоев населения предполагает разработку педагогических и психологических способов оптимизации механизмов социализации и самоидентификации подрастающего поколения.

зации и самоидентификации подрастающего поколения.

Предпринятое исследование имело целью выяснение особенностей ценностных ориентиров современной молодежи. Предметом работы являлись представления обследованных о себе и своем реальном или потенциальном противнике (враге). Настоящее исследование является продолжением проведенной в 2005 г. работы¹ по изучению системы ценностей комбатантов.

Организация и методики исследования. В ходе обследования 257 студентам (юношам и девушкам в возрасте от 18 до 23 лет) дневных отделений вузов Санкт-Петербурга предлагалось оценить себя и противника (врага) с помощью оригинальной методики «семантический дифференциал» (СД) и субтеста № 2 стандартной методики оценки мотивационных ценностей Ш. Шварца². Тест СД включал 30 пар понятий, характеризующих различные стороны свойств, процессов и состояний психики (табл. 1 на с. 162). Обследование проводилось в условиях вузовских аудиторий, в дневное время, и предварялось письменной инструкцией следующего содержания: «Вам предъявляется таблица с парами противопоставляемых понятий (антонимами). Ваша задача — выбрать в каждой строке одно из двух понятий, которое, по Вашему мнению,

¹ Грачев С. С., Голянич В. М. Образ врага в системе ценностных ориентаций участников боевых действий // Ананьевские чтения – 2005: Материалы научно-практической конференции / Под ред. Л. А. Цветковой, Л. М. Шипициной. — СПб., 2005. С. 388–390.

² Карандашев В. Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство. — СПб., 2004.

Бланк теста «Семантический дифференциал»

Медленный	3 2 1 1 2 3	Быстрый
Активный	3 2 1 1 2 3	Пассивный
Напряженный (скованный)	3 2 1 1 2 3	Непринужденный (расслабленный)
Радостный	3 2 1 1 2 3	Грустный
Стремительный	3 2 1 1 2 3	Сдержанный
Яркий	3 2 1 1 2 3	Незаметный
Понятный	3 2 1 1 2 3	Загадочный
Уверенный	3 2 1 1 2 3	Сомневающийся
Тревожный	3 2 1 1 2 3	Спокойный
Чужой	3 2 1 1 2 3	Родной
Реальный	3 2 1 1 2 3	Воображаемый
Заурядный (обыденный)	3 2 1 1 2 3	Необычный (исключительный)
Постоянный, стабильный	3 2 1 1 2 3	Изменчивый, переменчивый
Глубокий	3 2 1 1 2 3	Поверхностный
Черствый	3 2 1 1 2 3	Отзывчивый
Замкнутый	3 2 1 1 2 3	Открытый
Спокойный	3 2 1 1 2 3	Возбужденный
Теплый	3 2 1 1 2 3	Холодный
Доминирующий	3 2 1 1 2 3	Подчиняющийся
Статичный	3 2 1 1 2 3	Динамичный
Добрый	3 2 1 1 2 3	Злой
Зависимый	3 2 1 1 2 3	Самостоятельный
Шумный	3 2 1 1 2 3	Тихий
Осмотрительный	3 2 1 1 2 3	Бесшабашный
Бесчувственный	3 2 1 1 2 3	Чувствительный
Рассудительный	3 2 1 1 2 3	Безрассудный
Небрежный	3 2 1 1 2 3	Аккуратный
Сосредоточенный	3 2 1 1 2 3	Рассеянный
Отчаянный	3 2 1 1 2 3	Осторожный
Безынициативный	3 2 1 1 2 3	Пробивной

больше соответствует Вам. Отметьте выраженность этого качества у Вас цифрой (1, 2, 3). Делайте выбор быстро и не задумываясь. Здесь нет правильных и неправильных ответов. В каждой строке — один выбор (одна цифра)». Такая же инструкция предлагалась для оценки образа противника. В ходе исследования респонденты часто затруднялись представить себе своего реального противника, что, по-видимому, отражало сопротивление, возникающее у человека при активизации механизмов психологической защиты. В такой ситуации предлагалось заполнять анкету, представляя своего виртуального (потенциального, возможного, мнимого) врага. Поскольку методика СД предполагает оценку качеств в интервале от -3 до $+3$ баллов (без цифры «0»), в последующем для корректного сопоставления полученных результатов показатели приводились в размерность от 1 до 6 баллов.

Математическая обработка первичных данных осуществлялась с использованием методик вариационной статистики, корреляционно-го и факторного анализов (пакет SPSS 11,5).

Результаты исследования. Факторный анализ результатов оценки образа «Я» (методом главных компонент с процедурой вращения Varimax и Kaizer-нормализацией) позволил выделить 8 факторов, объясняющих 62% дисперсии всех показателей (табл. 2 на с. 164). При этом первые четыре фактора объясняли 41% дисперсии показателей (соответственно F 1 — 14,9%, F 2 — 9,5%, F 3 — 8,6%, F 4 — 7,9%).

Осмысление понятий, включенных в рассчитанные факторы, позволило присвоить им семантические обозначения, в наибольшей степени отвечающие их содержательным характеристикам. Фактор F 1 включал понятия «медленный — быстрый», «активный — пассивный», «стремительный — сдержанный», «яркий — незаметный», «уверенный — сомневающийся», «доминирующий — подчиняющийся», «статичный — динамичный», «шумный — тихий», что предопределило дефиницию «фактор подчиненной пассивности». Фактор F 2 отражал уровень эмоциональной лабильности индивида, поскольку включал такие характеристики, как: «спокойный — возбужденный», «осмотрительный — бесшабашный», «рассудительный — безрассудный», «сосредоточенный — рассеянный». Остальные факторы получили названия инициативности (F 3), эмпатичности (F 4), психологического комфорта (F 5), непредсказуемости (F 6), осторожности (F 7) и социальной незначимости (F 8).

Следует понимать, что названия факторов формулировались в соответствии с максимальными их значениями. Следовательно, увеличение значений любого из восьми факторов было сопряжено с возрастанием параметров, включаемых в него с положительным весом и, напротив, с уменьшением показателей, имеющих отрицательный вес. Например, в факторе подчиненной пассивности (F 1) возрастание его значений прямо коррелирует с увеличением степени пассивности, сдержанности, незаметности, подчиненности и

Таблица 2

Результаты факторного анализа показателей методики СД для образа «Я»

Понятие СД \ Название фактора	F 1 подчиненной пассивности	F 2 эмоциональной лабильности	F 3 инициативности	F 4 эмпатичности	F 5 психологического комфорта	F 6 непредсказуемости	F 7 осторожности	F 8 социальной незначимости
Медленный — быстрый	-0,554	0,031	0,392	-0,042	0,175	0,104	-0,116	0,196
Активный — пассивный	0,681	0,023	-0,197	-0,076	-0,136	0,143	0,209	-0,062
Напряженный — непринужденный	-0,208	0,166	0,11	0,029	0,766	0,156	-0,037	-0,054
Радостный — грустный	0,408	-0,058	0,079	-0,19	-0,588	0,107	-0,11	-0,002
Стремительный — сдержанный	0,737	-0,033	-0,004	-0,027	-0,067	0,053	0,106	-0,123
Яркий — незаметный	0,712	-0,089	0,009	-0,077	-0,164	-0,096	-0,058	0,263
Понятный — загадочный	0,201	-0,073	0,112	-0,156	-0,061	0,644	-0,289	-0,021
Уверенный — сомневающийся	0,551	0,388	-0,346	0,069	-0,241	0,12	0,112	-0,075
Тревожный — спокойный	0,058	-0,313	0,174	-0,018	0,764	0,011	-0,045	0,118
Чужой — родной	0,032	-0,015	0,351	0,502	0,368	-0,063	0,118	0,259
Реальный — воображаемый	0,209	0,028	-0,209	0,156	-0,376	0,439	-0,055	0,45
Заурядный — необычный	-0,233	0,017	0,268	-0,038	0,181	0,652	0,074	-0,187
Постоянный — изменчивый	-0,15	0,31	-0,155	-0,008	0,03	0,63	0,027	0,049
Глубокий — поверхностный	-0,177	0,28	-0,107	-0,102	0,12	-0,124	0,119	0,708
Черствый — отзывчивый	0,091	0,099	0,367	0,641	-0,056	0,149	0,144	0,057
Замкнутый — открытый	-0,345	0,38	0,254	0,325	0,393	-0,033	0,073	0,024
Уравновешенный — возбужденный	-0,403	0,63	0,065	0,125	-0,078	0,271	-0,069	0
Теплый — холодный	0,089	0,005	0,174	-0,739	-0,113	0,049	0,138	0,078
Доминирующий — подчиняющийся	0,766	0,167	-0,079	0,177	-0,04	-0,059	-0,031	-0,08
Статичный — динамичный	-0,495	0,276	0,385	-0,052	0,247	0,214	0,164	0,03
Добрый — злой	-0,026	0,222	0,104	-0,748	-0,028	0,197	-0,038	0,067
Зависимый — самостоятельный	-0,14	-0,202	0,625	0,004	0,214	0,03	-0,063	-0,047
Шумный — тихий	0,678	-0,285	0,183	-0,013	0,095	-0,172	0,156	0,164
Осмотрительный — бесшабашный	-0,254	0,561	0,127	-0,025	0,063	0,147	-0,496	0,082
Бесчувственный — чувствительный	0,076	0,375	0,428	0,539	-0,166	0,091	0,201	-0,077

Таблица 2 (окончание)

Понятие СД \ Название фактора	F 1 подчиненной пассивности	F 2 эмоциональной лабильности	F 3 инициативности	F 4 эмпатичности	F 5 психологического комфорта	F 6 непредсказуемости	F 7 осторожности	F 8 социальной незначимости
Рассудительный — безрассудный	0,041	0,721	0,041	-0,064	-0,007	-0,103	-0,398	0,165
Небрежный — аккуратный	0,028	-0,038	0,683	0,083	0,006	-0,058	0,204	-0,19
Сосредоточенный — рассеянный	0,196	0,718	-0,221	-0,11	0,017	0,088	0,123	0,123
Отчаянный — осторожный	0,215	-0,107	0,177	0,054	0,039	-0,096	0,768	0,133
Безынициативный — пробивной	-0,418	0,176	0,61	-0,044	0,096	0,192	-0,097	0,113

обратно связано с ростом степени быстроты, открытости, динамичности. Очевидно, что минимальные значения любого фактора имеют противоположную семантическую окраску и, в частности, в отношении фактора F 1 характеризуют уровень доминантной активности личности.

Расчет значений факторов с учетом весовых коэффициентов включенных в них параметров дал возможность оценить их количественно (в Z-оценках). С использованием формулы $T = 10z + 50$ определялся уровень выраженности факторов в T-баллах. Оценка количественных значений факторов образа «противник» осуществлялась с применением факторных уравнений, полученных при анализе образа «Я».

Представленные в табл. 3 (см. на с. 166) данные свидетельствуют о том, что восприятие испытуемыми себя существенно отличается от их

представлений о противнике. Наиболее выраженные отличия касаются факторов эмпатичности (F 4), инициативности (F 3), психологического комфорта (F 5) и подчиненной пассивности (F 1). Обследованные считают себя более отзывчивыми, добрыми, самостоятельными, аккуратными, пробивными, непринужденными, радостными, спокойными, быстрыми, яркими, доминирующими, шумными. Напротив, противник представляется обследованным черствым, злым, зависимым, небрежным, безынициативным, напряженным, грустным, тревожным, медленным, незаметным, подчиняющимся, тихим. Интересно, что уровни эмоциональной лабильности (возбужденности, бешабашности, безрассудности, рассеянности) и непредсказуемости (загадочности, необычности, изменчивости) в образах «Я» и «Противник» не различались, что, вероятно, может

Таблица 3

**Значения психологических факторов (Т-баллы, $x \pm \sigma$, $n = 257$)
образов «Я» и «Противник» (методика СД)**

Показатель (фактор)	Образ «Я»	Образ «Противник»	Средняя разность	t	p
F 1 подчиненной пассивности	59,5±53,6	78,1±68,7	-18,59	-3,14	0,002
F 2 эмоциональной лабильности	187,7±32,5	188,1±36,2	-0,36	-0,11	0,910
F 3 инициативности	212,4±23,8	161,4±34,6	50,99	19,47	0,000
F 4 эмпатичности	118,5±25,6	23,4±34,7	95,12	34,93	0,000
F 5 психологического комфорта	122,3±28,6	90,2±34,9	32,08	10,92	0,000
F 6 непредсказуемости	139,6±20,8	139,76±24,47	-0,12	-0,06	0,953
F 7 осторожности	56,3±16,6	42,4±22,6	13,87	7,18	0,000
F 8 социальной незначимости	75,6±10,2	95,2±16,3	-19,55	-16,00	0,000

Таблица 4

Результаты корреляционного анализа

Психологические факторы		Образ «Противник»							
		F 1	F 2	F 3	F 4	F 5	F 6	F 7	F 8
Образ «Я»	F 1	-0,20**			-0,17**				
	F 2		-0,13*					+0,17**	
	F 3		+0,25**				+0,23**	-0,16**	+0,18**
	F 4					-0,13*	+0,18**		+0,16**
	F 5						+0,18**		
	F 6								
	F 7		+0,19**						-0,23**
	F 8								

Примечание: — знак ** — различие на уровне значимости $p < 0,01$;
— знак * — различие на уровне значимости $p < 0,05$.

отражать незавершенность процессов самоидентификации обследуемых.

Данные корреляционного анализа (табл. 4), в ходе которого сопоставлялись психологические составляющие (факторы) образов «Я» и «Про-

тивник», позволили дифференцировать представления обследуемых. Так, испытуемые, воспринимавшие себя как доминирующих, ярких, стремительных, шумных, активных (F 1), оценивали противника как инертного, подчиняющегося, сдержанно-

го, незаметного, тихого, пассивного, замкнутого (F 1), но при этом еще и отзывчивого, доброго, теплого, чувствительного (F 4). В свою очередь инициативные (F 3) представляли противника эмоционально ригидным (стабильным) (F 2), непредсказуемым (F 6), неосторожным (F 7) и социально незначимым (F 8). Эмпатичные обследуемые (F 4) представляли противника психологически дискомфортным (F 5), непредсказуемым (F 6) и осторожным (F 8), а обследуемые с признаками эмоциональной ригидности (F 2) оценивали противника как неосторожного (F 7) и эмоционально лабильного (F 2).

Важно обратить внимание на то, что лица с противоположными (полярными) представлениями о себе (максимальными и минимальными параметрами одного фактора) по многим параметрам давали различные оценки своего противника. Так, в частности, если доминантно-активные испытуемые обнаруживали у противника признаки подчиненной пассивности и эмпатичности, то подчиненно-пассивные (F 1) воспринимали его как доминантно-активного и неэмпатичного (F 4).

Представленные результаты оценивались нами исходя из важности (значимости) образа противника в структуре ценностных ориентиров современного человека. Очевидно, что реальные (столкновения, конфликты) или идеаторные (воспоминания, ожидания) взаимодействия с противником в обстоятельствах по-

ражения нередко актуализируют состояние враждебности, непредсказуемости, угрозы, тревоги и даже страха. Напротив, обстоятельства победы в условиях конфликтного взаимодействия могут быть связаны с чувством превосходства и недооценки недруга (противника), что, впрочем, не исключает также враждебность и определенную тревогу.

Степень травматичности для психики обстоятельств взаимодействия с противником различна и в значительной мере определяется эффективностью «работы» осознаваемых и неосознаваемых механизмов ее защиты. Осознаваемые способы защиты психики обеспечивают «приписывание» враждебной личности социальных «стигм», формирующихся у человека за счет влияний СМИ, окружающего микросоциума. Возникающие при этом социальные стереотипы, предубеждения помогают обосновать, осознать негативизм противника, наделяя его заведомо отрицательными качествами. Неосознаваемые механизмы защиты, как предполагали еще Зигмунд и Анна Фрейд¹, обуславливают ослабление психотравмирующего влияния за счет его игнорирования или искажения восприятия.

По-видимому, данные табл. 4, свидетельствующие о разнонаправленности некоторых представлений испытуемых о себе и противнике, могут объясняться отношениями превосходства (доминантно-активные находят у противника признаки подчиненности, а инициативные —

¹ Фрейд А. Эго и механизмы защиты. — М., 2003.

Таблица 5

Значения психологических факторов самооценки (Т-баллы, $x \pm \sigma$) у испытуемых крайних групп

Показатель	1-я группа		2-я группа	
	$x \pm m$	n	$x \pm m$	n
Фактор F 1 подчиненной пассивности	-9,9±1,5	45	149,8±4,9	43
Фактор F 2 эмоциональной лабильности	137,3±3,3	37	238,3±2,0	41
Фактор F 3 инициативности	169,0±5,5	31	232,7±0,8	100
Фактор F 4 эмпатичности	73,4±3,4	39	151,0±0,6	35

неосторожности), враждебности (подчиненно-пассивные видят противника неэмпатичным, а эмпатичные — психологически дискомфортным), механизмами проецирования (наделение врага неприемлемыми для себя качествами), игнорирования (избирательное невнимание к качествам противника), вытеснения (формирование низкой самооценки и непритязательного восприятия себя), реактивного образования (возникновение противоречивых оценок). Наиболее существенная разнонаправленность оценок отмечалась в рамках факторов F 1 подчиненной пассивности ($r = -0,20$, $p < 0.01$), F 2 эмоциональной лабильности ($r = -0,13$, $p < 0.05$), F 7 осторожности ($r = -0,23$, $p < 0.01$). Можно полагать, что разнонаправленность представлений о себе и противнике отражает травматичность реального или опосредованного (через СМИ, родных и близких) опыта взаимодействия с чужим.

Логика приведенных размышлений определила следующий шаг исследования — анализ степени разнонаправленности оценок «противника» у испытуемых с крайними (минимальными и максимальными) показателями наиболее важных факторов самооценки. Для выявления указанных лиц использовали четыре наиболее существенных психологических фактора образа «Я» (F 1 – F 4). Крайние группы испытуемых выделяли путем исключения из общего списка лиц, у которых значения факторов попадали в интервал $x \pm 1,0\sigma$. В результате в 1-ю группу включались испытуемые с минимальными значениями факторов, а во 2-ю группу — с их максимальными значениями (табл. 5).

Характерными особенностями самооценки доминантно-активных лиц (F 1, группа 1) были следующие качества: быстрый, стремительный, яркий, доминирующий, шумный (рис. 1 на с. 169)¹. Образ «Я» этих

¹ Примечание: в рисунках 1–4 при сравнении показателей психологических факторов лиц 1-й и 2-й групп приводятся только факторы, достоверно различающиеся в сопоставляемых выборках.

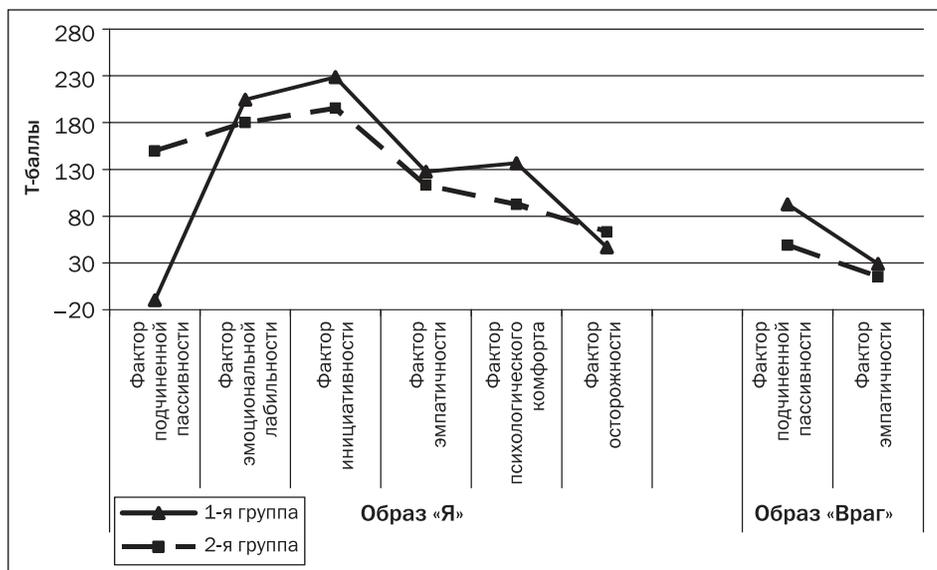

Рис. 1. Психологические характеристики самооценки и оценки противника у обследуемых с минимальными (1-я группа, n = 45) и максимальными (2-я группа, n = 43) значениями фактора подчиненной пассивности

обследуемых включал также свойства эмоциональной лабильности (возбужденный, бесшабашный, рассеянный), инициативности (пробивной, самостоятельный), эмпатичности (отзывчивый, добрый, теплый), психологической комфортности (непринужденный, радостный) и неосторожности (отчаянный, безрассудный). Доминантно-активные лица оценивали противника как подчиненно-пассивного (сдержанный, незаметный, тихий, подчиненный) и, вместе с тем, как имеющего тенденции к эмпатичности (отзывчивость, теплота, доброта). В представлениях подчиненно-пассивных испытуемых (F 1, группа 2), напротив, образ противника был связан с качествами до-

минирования и враждебности (чужой, черствый, холодный, злой). При этом если уровень доминирования-подчинения в сопоставляемых выборках как в представлениях о себе, так и в представлениях о противнике значительно различался, то в отношении фактора эмпатичности эти различия были менее выраженными, хотя и достоверными. Представители обеих групп оценивали противника как менее эмпатичного, однако доминантно-активные относились к нему лучше.

Эмоционально ригидные (стабильные) испытуемые (F 2, группа 1) отмечали у себя такие качества, как постоянство, спокойствие, осмотрительность, рассудительность,

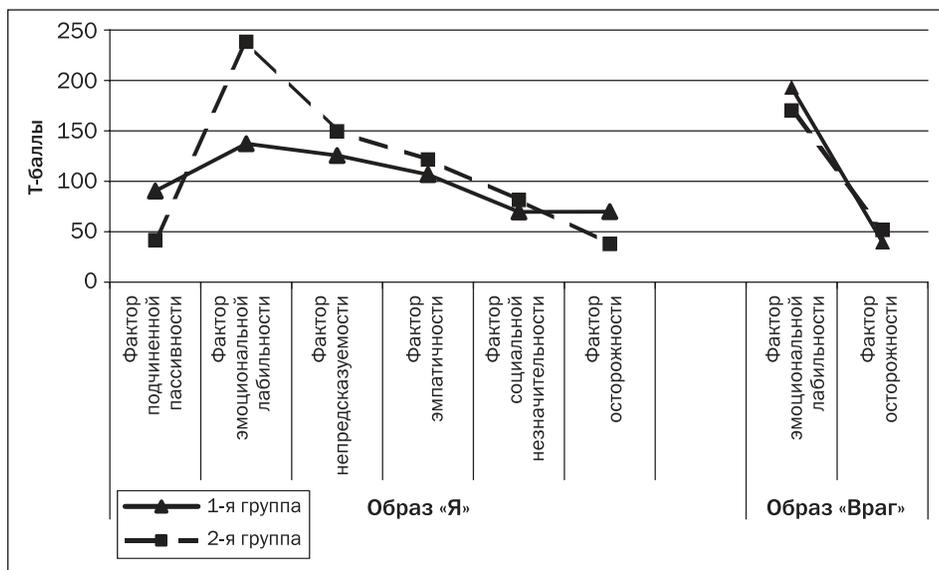

Рис. 2. Психологические характеристики самооценки и оценки врага у обследуемых с минимальными (1-я группа, $n = 37$) и максимальными (2-я группа, $n = 41$) значениями фактора психологической нестабильности

сосредоточенность, а также сдержанность, замкнутость, спокойствие, некоторую отчужденность, понятность, обыденность, осторожность и осмотрительность (рис. 2). В их представлениях о противнике выявлены такие характеристики, как изменчивость, возбужденность, бесшабашность, рассеянность, безрассудство, отчаянность и неосторожность. Такое отношение к противнику имеет оттенок враждебности и страха. Эмоционально лабильные обследуемые (F 2, группа 2) оценивали противника как человека со средним уровнем эмоциональной стабильности и значительной степенью осторожности. При этом уровень осторожности противника в представлениях эмо-

ционально стабильных был ниже их собственного, а у эмоционально лабильных — выше.

Испытуемые, представляющие себя инициативными (F 3, группа 2), активными, эмпатичными, психологически комфортными и социально значимыми (рис. 3 на с. 166) оценивали противника как нестабильного, непредсказуемого и неосторожного. Напротив, безынициативные (F 3, группа 1), зависимые, подчиняющиеся, жесткие, злые, дискомфортные испытуемые отмечали у противника качества эмоциональной стабильности, предсказуемости и осторожности.

Представленные на рис. 4 (на с. 172) показатели отражают особенности самооценки и представле-

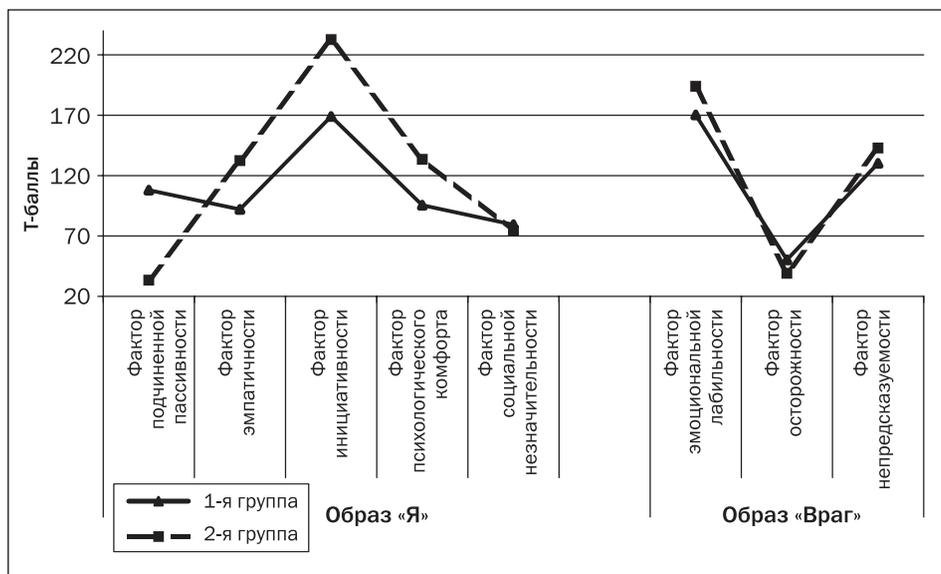

Рис. 3. Психологические характеристики самооценки и оценки противника у обследуемых с минимальными (1-я группа, n = 31) и максимальными (2-я группа, n = 100) значениями фактора инициативности

ний о противнике у лиц с разной степенью эмпатичности. Лица 2-й группы оценивают себя как эмпатичных, инициативных, психологически комфортных, доминантно-активных. Противник в их представлениях выглядит психологически дискомфортной, непредсказуемой и социально незначительной личностью. Иные взгляды на противника имеют неэмпатичные (1-я группа), безынициативные, дискомфортные и подчиненно-пассивные испытуемые, которые отмечают у него признаки психологического комфорта, предсказуемости поведения и социальной значимости.

Обобщение оценок представителей выделенных групп (см. табл. 5, рис. 1–4) целесообразно осуще-

ствить по определенным основаниям. Оценка реального или потенциального противника (врага) отражает отношение (взгляды, принципы, менталитет, стереотипы и т. д.) испытуемых к миру, что проявляется, как известно, настроениями, чувствами и эмоциями. Среди настроений и эмоций, используемых в качестве основания для обобщения, мы выделили следующие: превосходство, враждебность, страх и непредсказуемость поведения. Эти отношения и настроения чаще других ассоциируются с образом реального или потенциального противника. Представленные в табл. 6 (см. на с. 168) данные позволяют прогнозировать специфику этих отношений у лиц с

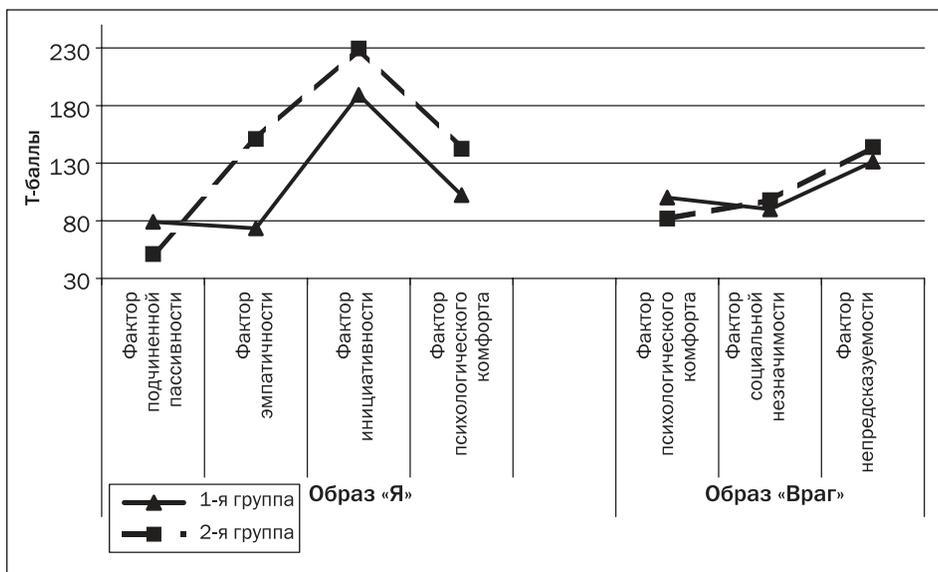

Рис. 4. Психологические характеристики самооценки и оценки врага у обследуемых с минимальными (1-я группа, $n = 39$) и максимальными (2-я группа, $n = 35$) значениями фактора эмпатичности

различными вариантами самооценки. В частности, для испытуемых с доминантно-активными проявлениями самооценки акцентировано отношение превосходства к противнику, а для лиц с подчиненно-пассивными характеристиками образа «Я» — враждебность к чужому и непредсказуемость его поведения. Эмоционально стабильные и эмпатичные также затрудняются с прогнозами в отношении поведения противника, а у пассивных, эмоционально лабильных и безынициативных отмечаются признаки подчиненности по отношению к нему.

Следует подчеркнуть, что если различия в представлениях о себе и противнике у испытуемых с разными осо-

бенностями самооценки были доказаны количественно (по результатам обработки теста СД), то выводы об их отношениях и чувствах основывались в том числе на содержательном, качественном анализе данных. Для обоснования последнего было осуществлено сопоставление мотивационных ценностей испытуемых. С этой целью сравнивали результаты субтеста 2 методики Ш. Шварца у представителей выделенных (см. табл. 5) групп. Наш интерес к субтесту 2 методики Ш. Шварца был вызван тем, что в нем определение ценностей основывается на сопоставлении себя или противника с описанием некоего человека. Каждое описание (а их в методике 40) связано с

Таблица 6

Отношение к противнику у лиц с различными характеристиками самооценки

Основные качества самооценки	Отношение			
	превосходство	враждебность	страх	непредсказуемость
Доминантно-активные	+++	+	–	+
Подчиненно-пассивные	–	+++	++	+++
Эмоционально стабильные	–	++	++	+++
Эмоционально лабильные	–	+	+	+
Инициативные	+	++	++	+++
Безынициативные		+	+	+
Эмпатичные	++	+	++	+++
Неэмпатичные	+	++	++	++

Примечание: «–» отношение нейтральное или его оценка не осуществлялась, «+» слабая степень, «++» средняя степень, «+++» выраженная степень.

одной из 10 ценностей, которые Ш. Шварц считает базовыми и выражающими мотивирующие цели (потребности) человека.

Сопоставление ценностей, отмечаемых обследуемыми у себя и противника (рис. 5), показало их различие по всем параметрам, за исключением стремления к наслаждениям и удовольствиям (ценность «гедонизм»). Испытуемые полагают, что противник меньше сдерживает свои враждебные мысли и поступки, менее ответственно относится к культурным и религиозным традициям, не стремится к сохранению благополучия близких людей и окружающего мира, недостаточно самостоятелен и эмоционален, не склонен к обеспечению личной и общественной безопасности, имеет более выраженные мотивы к достижению личного

успеха, доминированию над людьми и ресурсами.

Показатели табл. 7 (см. на с. 175) свидетельствуют о том, что представители 2-й группы (подчиненно-пассивные) считают противника неконформным, игнорирующим требования личной и общественной безопасности, не заботящимся о благополучии близких людей и социума (дефицит доброты и универсализма), не признающим культурные традиции, стремящимся к доминированию и успеху за счет других. Такая оценка противника, очевидно, отражает враждебность, страх, отвержение и, как следствие, неспособность к прогнозированию поведения. В то же время представления этих обследуемых о степени самостоятельности и стимуляции (характеризующих стремление к новизне, впечатлениям,

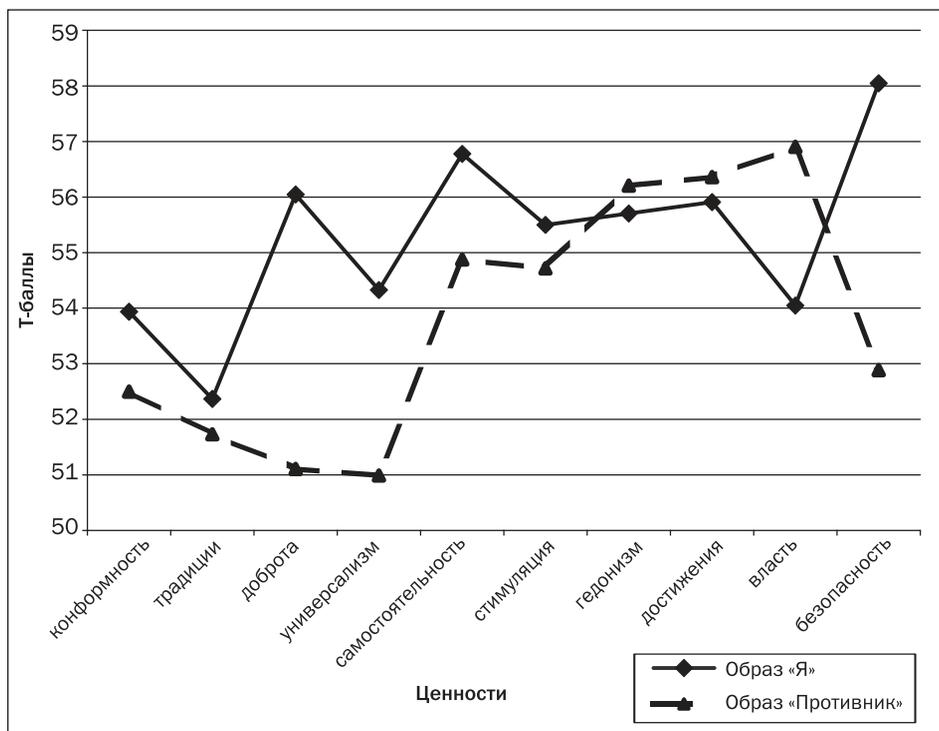

Рис. 5. Мотивационные ценности (методика Ш. Шварца) в представлениях испытуемых (n = 257) о себе и противнике

независимости мыслей и поступков) в сопоставляемых оценках («Я» и «Противник») идентичны, что исключает у них идеи превосходства в отношении противника. Взгляды доминантно-активных обследуемых (1-я группа) наряду с тенденцией к враждебности (дефицит у противника доброты и универсализма при сопоставимости ценностей «конформность», «традиции» и «безопасность») отличаются идеей выраженного превосходства. Противник представляется несамостоятельным (ведомым) и не стремящимся к получению новой информации.

Представления эмоционально лабильных испытуемых (табл. 8 на с. 176) о себе (по сравнению с эмоционально стабильными) характеризуются стремлением к самостоятельности решений и поступков, новизне и впечатлениям, наслаждениям и успеху. При этом лабильные во многом идентифицируют себя с образом противника, отмечая схожесть таких ценностей, как конформность, традиции, стимуляция, гедонизм, достижения и безопасность. Противник в представлениях лабильных в меньшей степени заботится о благополучии

Таблица 7

Мотивационные ценности ($x \pm \sigma$, Т-баллы) в представлениях о себе и противнике у лиц с признаками доминантной активности (1-я группа, $n = 45$) и подчиненной пассивности (2-я группа, $n = 43$)

Показатель	Группа	Образ «Я»	Образ «Противник»	p (различия между образами внутри группы)
Конформность	1	53,40±2,59	53,74±3,42**	0,512
	2	54,07±1,77	51,60±2,07	0,000
Традиции	1	51,96±2,65*	52,28±3,36*	0,502
	2	53,07±2,36	50,93±2,26	0,000
Доброта	1	56,54±2,75	52,15±3,27**	0,000
	2	56,02±1,85	50,00±2,18	0,000
Универсализм	1	54,27±2,34	52,07±3,09**	0,000
	2	54,60±1,78	50,09±1,87	0,000
Самостоятельность	1	57,97±2,68**	55,06±4,01	0,000
	2	55,57±2,51	54,67±3,61	0,151
Стимуляция	1	56,78±2,70**	54,98±3,78	0,002
	2	53,82±2,34	54,75±3,56	0,178
Гедонизм	1	56,70±3,01*	56,65±3,57	0,919
	2	55,17±2,63	55,81±3,99	0,452
Достижения	1	57,22±3,12**	56,67±3,50	0,267
	2	54,67±2,25	56,67±3,06	0,000
Власть	1	55,31±2,98**	57,06±3,46	0,000
	2	52,09±2,85	57,13±2,79	0,000
Безопасность	1	54,70±2,37	53,63±2,71**	0,022
	2	54,48±1,99	51,94±2,67	0,000

Примечание: здесь и в табл. 8–10 знаком «*» обозначены различия по сравнению с показателями лиц 1-й группы: * — $p < 0,05$; ** — $p < 0,01$.

близких людей и социального окружения (ценности «доброта» и «универсализм»), менее самостоятелен в мыслях и поступках, более склонен к доминированию над людьми и ресурсами (власть). Эмоционально стабильные намного меньше идентифицируют себя с противником, представляя его не сдержанным в агрес-

сивных побуждениях (конформность), не соблюдающим культурные обычаи (традиции), не заботящимся о благополучии родных и социального окружения (доброта и универсализм), игнорирующим личную и общественную безопасность, склонным к удовольствиям и наслаждениям (гедонизм), личному успеху (достижения) и

Таблица 8

Мотивационные ценности (χ^2 , T-баллы) в представлениях о себе и противнике у лиц с признаками эмоциональной стабильности (1-я группа, n = 37) и эмоциональной лабильности (2-я группа, n = 41)

Показатель	Группа	Образ «Я»	Образ «Противник»	p (различия между образами внутри группы)
Конформность	1	54,36±2,46*	51,96±2,59	0,000
	2	53,23±2,32	53,11±3,31	0,828
Традиции	1	52,53±2,30	50,98±2,48	0,003
	2	51,91±2,53	52,00±3,06	0,862
Доброта	1	55,76±1,82	50,56±2,66	0,000
	2	56,19±2,24	51,34±3,22	0,000
Универсализм	1	54,04±1,86	50,52±2,00*	0,000
	2	54,33±2,17	51,77±2,50	0,000
Самостоятельность	1	55,73±2,56**	55,30±2,97	0,427
	2	57,58±2,22	56,10±3,74	0,013
Стимуляция	1	54,35±3,03**	54,59±2,95	0,692
	2	56,63±2,26	55,85±3,73	0,193
Гедонизм	1	54,03±2,50**	56,33±3,09	0,003
	2	57,20±2,63	56,12±3,60	0,117
Достижения	1	55,63±2,24*	56,57±2,75	0,087
	2	56,89±2,54	57,28±3,04	0,398
Власть	1	53,81±2,52	57,05±2,49	0,000
	2	54,29±3,03	57,60±3,27	0,000
Безопасность	1	54,50±2,28	52,55±2,88**	0,003
	2	54,21±2,34	54,02±3,20	0,742

Примечание: см. табл. 7.

доминированию над другими (власть). Такие отношения основываются на идеях враждебности, страха и невозможности предсказания поведения.

Мотивационные ценности испытуемых, имеющих разную степень инициативности, во многом совпадают (табл. 9). Представления лиц сравниваемых групп о ценностях противника также схожи. Враг представляется

неконформным, злым, несамостоятельным и одновременно стремящимся к власти. Инициативные полагают противника не заинтересованным в безопасности общественных отношений и самого себя, не стремящимся к новой информации и разнообразию обстоятельств. В целом, представители обеих групп воспринимают противника как враждебного,

Таблица 9

Мотивационные ценности ($\bar{x} \pm \sigma$, T-баллы) в представлениях о себе и противнике у лиц с признаками безынициативности (1-я группа, n=31) и инициативности (2-я группа, n=100)

Показатель	Группа	Образ «Я»	Образ «Противник»	p (различия между образами внутри группы)
Конформность	1	53,31±2,03	52,11±2,44	0,036
	2	53,78±2,38	52,88±3,09	0,007
Традиции	1	52,44±2,13	51,22±2,40	0,041
	2	51,94±2,29	51,73±3,13	0,498
Доброта	1	55,40±2,08	50,03±2,08**	0,000
	2	56,09±2,48	51,62±2,92	0,000
Универсализм	1	53,82±2,06	50,58±1,98*	0,000
	2	54,31±2,22	51,58±2,66	0,000
Самостоятельность	1	56,55±3,05	54,80±3,50	0,012
	2	57,16±2,25	55,17±3,33	0,000
Стимуляция	1	55,81±3,15	54,94±3,79	0,236
	2	56,01±2,47	55,06±2,98	0,007
Гедонизм	1	56,34±3,28	55,93±3,98	0,686
	2	56,13±2,64	56,58±3,07	0,232
Достижения	1	55,34±3,08	56,56±3,31	0,060
	2	55,90±2,57	56,40±3,05	0,160
Власть	1	53,71±3,33	57,44±3,10	0,000
	2	54,28±2,83	56,85±3,16	0,000
Безопасность	1	53,68±2,68	52,63±2,93	0,161
	2	54,59±2,16	53,04±2,60	0,000

Примечание: см. табл. 7.

несамостоятельного и властолюбивого. Идеи превосходства над врагом более свойственны инициативным.

Оценка образа противника у испытуемых, имеющих разный уровень эмпатичности, схожа и характеризуется отношениями отчуждения, враждебности, страха (табл. 10 на с. 178). По-видимому, уровень эмпатичности нельзя отнести к психологическим де-

терминантам представлений о противнике. Интересно, что ценностные самооценки испытуемых подтвердили данные теста СД. Так, эмпатичные представляют себя более конформными, добрыми и терпимыми, а также менее властолюбивыми по сравнению с неэмпатичными, жесткими об-
следуемыми.

Таблица 10

Мотивационные ценности ($x \pm \sigma$, Т-баллы) в представлениях о себе и противнике у лиц с признаками неэмпатичности (1-я группа, $n = 39$) и эмпатичности (2-я группа, $n = 35$)

Показатель	Группа	Образ «Я»	Образ «Противник»	p (различия между образами внутри группы)
Конформность	1	52,98±1,99**	52,22±2,24	0,158
	2	54,36±1,89	51,89±3,27	0,000
Традиции	1	52,64±2,69	51,90±2,64	0,198
	2	52,39±2,57	51,43±3,83	0,169
Доброта	1	54,71±1,73**	50,49±1,81	0,000
	2	57,02±2,17	51,05±3,02	0,000
Универсализм	1	53,18±1,78**	50,74±1,79	0,000
	2	54,71±2,07	51,27±2,65	0,000
Самостоятельность	1	56,36±2,28	54,09±3,54	0,001
	2	56,95±2,48	54,96±3,89	0,002
Стимуляция	1	54,87±2,60	54,18±2,77	0,237
	2	55,86±2,49	55,17±3,55	0,318
Гедонизм	1	55,34±2,78	55,34±3,44	0,994
	2	56,19±1,93	56,24±3,62	0,946
Достижения	1	55,32±2,09	55,89±2,77	0,251
	2	55,88±2,40	56,14±3,51	0,682
Власть	1	54,55±2,09*	56,21±2,57	0,004
	2	53,02±2,92	56,88±3,19	0,000
Безопасность	1	53,79±2,04	52,41±2,09	0,014
	2	54,75±2,41	52,53±2,87	0,000

Примечание: см. табл. 7.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. На основании результатов самооценки испытуемых, полученных с использованием оригинальной модификации методики «семантический дифференциал», выделено восемь основных психологических факторов, объясняющих

62% общей дисперсии параметров. Осмысление включенных в выделенные психологические факторы понятий позволило придать им интегрирующие семантические обозначения, соответствующие их содержательным характеристикам.

Сравнение представлений испытуемых о противнике с показателями

их самооценки выявило наиболее выраженные различия психологических факторов эмпатичности (F 4), инициативности (F 3), подчиненной пассивности (F 1) и психологического комфорта (F 5). Обследуемые воспринимают себя более эмпатичными, инициативными, доминантно-активными, психологически комфортными, осторожными и социально значимыми. При этом уровень эмоциональной лабильности и поведенческой непредсказуемости в представлениях о себе и противнике не различался.

2. Сопоставление представлений испытуемых, имеющих крайние значения психологических факторов самооценки, показало их неодинаковое, иногда диаметрально противоположное отношение к противнику. Лица с признаками доминантной активности в образе «Я» воспринимают противника как подчиненно-пассивного и, напротив, подчиненно-пассивные приписывают противнику доминантно-активные черты. Испытуемые с эмпатическими характеристиками самооценки воспринимают противника как психологически дискомфортного, социально незначимого и непредсказуемого, в то время как лица с менее выраженными признаками эмпатии дают более доброжелательную оценку, придавая ему характеристики большей психологической комфортности, социальной значимости и предсказуемости. Инициативные обследуемые относятся к противнику как к эмоционально лабильному, неосторожному и не-

предсказуемому, а менее инициативные дают более положительную оценку этих качеств. Эмоционально стабильные воспринимают противника как эмоционально лабильного и неосторожного, а оценки эмоционально лабильных в отношении этих психологических характеристик противника более благоприятны.

3. Сравнение мотивационных ценностей (методика Шварца), определяемых у себя и противника, свидетельствует о том, что противник (в представлениях испытуемых) имеет неконформистские проявления, менее ответственно относится к культурным и религиозным традициям, недостаточно самостоятелен и эмоционален, менее склонен к обеспечению личной и общественной безопасности, имеет более выраженное стремление к достижению личного успеха, доминированию над людьми и ресурсами.
4. Сравнительный анализ представлений обследуемых, имеющих различные показатели самооценки (по параметрам психологических факторов СД), об особенностях мотивационных ценностей противника (по показателям теста Шварца) показал следующее:
 - 1) система ценностных ориентиров (мотивационных ценностей) доминантно-активных (F 1) испытуемых в большей степени, чем у подчиненно-пассивных, идентифицирована с их представлениями о ценностях противника. Так, первые идентифицируют себя с против-

ником по ценностям «конформность», «традиции», «гедонизм» и «достижения», в то время как вторые — с ценностями «самостоятельность», «стимуляция» и «гедонизм». И те, и другие в качестве основных ценностных характеристик противника отмечают склонность к власти (доминирование над людьми и ресурсами), дефицит доброты и универсализма (обе ценности предполагают сохранение благополучия людей). Подчиненно-пассивные наряду с этим считают противника неконформным (плохо сдерживающим агрессивные побуждения), нетрадиционным (меньше уважает культурные и религиозные обычаи), более замотивированным на личный успех (ценность «достижения») и менее заинтересованным в личной и общественной безопасности;

- 2) степень идентификации ценностных ориентиров испытуемых, имеющих самооценочные признаки эмоциональной лабильности (F 2), с ценностными мотивами противника более существенна, чем у эмоционально ригидных (стабильных). Первые приписывают противнику меньшую мотивированность к сохранению благополучия людей и мира в целом, самостоятельность в принятии решений и поступках и более выраженное стремление к власти над людьми. Спектр различий ценностных ориентиров с противником у вторых шире и наряду

с перечисленными включает приписывание противнику несдержанности в агрессивных побуждениях, более значимую зависимость от религиозных и культурных норм, менее выраженное стремление к наслаждениям и чувственным удовольствиям, высокую мотивированность к достижению личного успеха;

- 3) оценки ценностных ориентиров противника лицами, имеющими различную степень инициативности (F 3), оказались сходными. Представители обеих групп (инициативные и безынициативные) оценивали противника по сравнению с образом «Я» как менее конформного, доброго, универсального, самостоятельного и более властолюбивого;
- 4) обследуемые, имеющие различную выраженность фактора эмпатичности (F 4), оценивали систему ценностных ориентиров противника (по сравнению с собственными показателями) сходным образом. И те, и другие отмечали у врага слабую заботу о благополучии людей и мира в целом, меньшую степень когнитивной и поведенческой самостоятельности, тенденцию к доминированию над людьми и ресурсами. Кроме того, эмпатичные приписывали противнику некоторый неконформизм, а неэмпатичные — слабое стремление к безопасности личных и общественных отношений.

Приведенные в четвертом выводе факты позволяют полагать, что факторы самооценки «подчиненная пассивность» и «эмоциональная лабильность» более значимо влияют на детерминацию представлений испытуемых о противнике, чем факторы «инициативность» и «эмпатичность».

5. Представленные выше материалы указывают на то, что степень психологического дистанцирования и негативного отношения к противнику возрастает по мере увеличения выраженности таких самооченочных психологических факторов, как подчиненная пассивность (включает качества «медленный», «пассивный», «сдержанный», «незаметный», «сомневающийся», «подчиняющийся», «статичный», «тихий») и эмоциональная ригидность-стабильность (включает качества «спокойный», «осмотрительный», «рассудительный», «сосредоточенный»). Подчиненно-пассивные воспринимают противника как более быстрого, активного, стремительного, уверенного, доминирующего, динамичного, шумного, чужого, черствого, холодного, злого, бесчувственного (понятия СД) и наряду с этим агрессивного, неуважительного к традициям, недоброго к близким и миру, не думающего о безопасности себя и общества, стремящегося к личному успеху и доминирующего над другими (ценности теста Шварца). Эмоционально ригидные видят в противнике возбужденную, бесшабашную, безрассудную, рассеянную и отчаянную личность

(понятия СД), а также признаки агрессивности, дефицита доброты к людям и миру, стремление к личному успеху и доминированию над другими (ценности теста Шварца). Следовательно, отношение представителей обеих обсуждаемых групп (подчиненно-пассивных и эмоционально ригидных) к противнику можно представить в категориях враждебности, отчужденности, испуга, непредсказуемости и настороженности.

Напротив, противоположные характеристики самооценки (доминантная активность и эмоциональная лабильность) предполагают тенденцию к сглаживанию различий с образом противника. Доминантно активные испытуемые оценивают противника как личность подчиненно-пассивную (понятия СД), не переживающую о благополучии людей, не склонную к волнениям и новизне впечатлений, не самостоятельную в мыслях и поступках, стремящуюся к богатству и авторитету (ценности теста Шварца). В свою очередь, эмоционально лабильные видят в противнике более спокойную, осмотрительную, рассудительную, сосредоточенную и осторожную личность (понятия СД), что сочетается, вместе с тем, со слабо выраженным стремлением заботиться о благополучии людей и мира, а также желанием управлять людьми и ресурсами (ценности теста Шварца). Очевидно, что степень враждебности, отчужденности и настороженности у доминантно-активных и эмоционально лабильных незначительна. Для доминантно-активных также свойственно

выраженное отношение превосходства над противником.

Очевидной представляется нам также связь между, с одной стороны, дистанцированием и негативным отношением к противнику и, с другой, — степенью инициативности и эмпатичности обследуемых. Возрастание степени инициативности испытуемых коррелирует с ростом представлений о возбужденности, бесшабашности, безрассудности, рассеянности, отчаянности, загадочности и необычности (понятия СД) противника, а также уменьшением его стремления к безопасности личных и общественных отношений (ценности теста Шварца). В свою очередь, уровень эмпатичности испытуемых прямо коррелирует с представлениями о противнике как о напряженном, грустном, тревожном, замкнутом, поверхностном, воображаемом, загадочном, необычном, изменчивом (понятия СД) и одновременно не сдерживающим свои агрессивные мысли и поступки (ценности теста Шварца).

Таким образом, представленные в работе соотношения образов «Я» и «Противник» (см. табл. 6), отражающие важные элементы системы ценностных ориентиров молодежи, позволяют прогнозировать степень психологического дистанцирования и негативизма (в идеях превосходства, враждебности, страха, непредсказуемости поведения) у лиц с различными особенностями самооценки.

6. Установлено, что вне зависимости от особенностей самооцен-

ки три ценности (из десяти), определяемые в образах «Я» и «Противник», всегда различны. В представлениях о противнике все испытуемые отмечают склонность к власти, дефицит доброты и универсализма. Мотивирующая цель ценности «власть» заключается в достижении социального статуса, престижа, контроля над людьми, богатства, общественного признания, что в целом характеризует стремление к достижению доминантной позиции в рамках определенной социальной системы. Основой ценности «доброта» является доброжелательность, сфокусированная на сохранении благополучия людей, с которыми индивид находится в личных контактах. Доброжелательность может принимать формы полезности, лояльности, снисходительности, честности, ответственности, дружбы, зрелой любви. Для ценности «универсализм» мотивирующая цель состоит в стремлении к пониманию, терпимости и защите благополучия всех людей (независимо от их близости к индивиду) и природы в целом. Эти мотивы обеспечивают выживание индивида и группы в условиях контактов с представителями других этносов и социальных групп. Следовательно, молодые люди вне зависимости от их самооценки всегда представляют реального или мнимого противника как более властолюбивого, менее доброго и универсального.

ВОПРОСЫ АДМИНИСТРАТИВНОГО РУКОВОДСТВА И ПОДЧИНЕНИЯ В РУССКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ТВОРЧЕСТВА М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА)

Алякринская М. А.

Вопросы культуры административного руководства и, соответственно, подчинения часто поднимались на страницах произведений русской классической литературы XIX в. Однако ни для одного писателя, пожалуй, они не были так актуальны, как для М. Е. Салтыкова-Щедрина. Это неудивительно: закончив Императорский Александровский лицей с чином 10-го класса, будущий сатирик более 20 лет жизни посвятил государственной службе, выйдя в отставку в звании действительного статского советника. Младший чиновник Канцелярии военного министерства, старший чиновник особых поручений при вятском губернаторе, чиновник министерства внутренних дел, вице-губернатор Рязани и Твери, управляющий Пензенской, Тульской и Рязанской казенными палатами — вот далеко не полный перечень должностей, которые занимал писатель на протяжении служебной деятельности. Естественно, что, имея специальное образование и большой опыт практической работы, М. Е. Салтыков рассматривал в своих произведениях огромное число проблем функционирования русской административной системы вообще и «больные места» взаимодействия руководитель — подчиненный в частности.

Алякринская Марина Андреевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры культурологи и русского языка Северо-Западной академии государственной службы.

Воспитанный на европейской культурной традиции XVII–XVIII вв., Салтыков по своему мироощущению был просветителем и на вопросы административного руководства и подчинения смотрел сквозь призму ценностей культуры Просвещения. В соответствии с установками этой культуры руководитель должен отвечать ряду требований: быть широко просвещенным вообще и компетентным в вопросах управления в частности; в практике руководства основываться на разумном (рациональном) начале, которым для просветителей являлся закон. Что касается подчиненных, то с их стороны предполагалось трезвое сознание собственных прав и обязанностей, а также понимание обстоятельства, что служить следует «делу, а не лицам». Философия Просвещения акцентировала мысль об антиличностном характере подчинения, о том, что человек работает, выполняя требования должностной инструкции, а не конкретного лица. Если распоряжения руководителя противоречат инструкции (букве закона), подчиняться им не следует — это правило особенно четко сформулировано у А. Н. Радищева: «И, если бы сам государь ве-

лел тебе нарушить закон, не повинуйся ему, ибо он заблуждает себе и обществу во вред. Да уничтожит закон, яко же нарушение оного повелевает, тогда повинуйся...»¹.

Однако установки европейского Просвещения являлись отвлеченно-теоретическими даже для европейской культуры, не говоря уже о России. По иронии судьбы Салтыков, будучи идеалистом, «развитым из развитых европейцев» (В. Г. Короленко), уже в начале служебной карьеры столкнулся с миром «неумытой действительности» русского провинциального быта². Несовпадение идеала и реальности стало основным нервом произведений сатирика и, естественно, сказалось на освещении им вопросов административного руководства и подчинения.

Просвещенного администратора, обладающего правосознанием в сочетании с разумной деловой жилкой, Салтыков в окружавшей его действительности не увидел. В «Помпадурках и помпадуршах» он вывел целую галерею типов русских губернаторов — решительных и деятельных, но весьма недалеких новаторов («Являются, знаете, одни за другими пионеры. Расчищают, пролагают, прорубают,

¹ Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву. — СПб., 1992. С. 53.

² Биограф М. Е. Салтыкова-Щедрина С. А. Макашин приводит список дел, с которого начал свою карьеру писатель в Вятке: «о найденном в реке мертвом крестьянском теле и вымогательстве, учиненном в связи с сим жителями деревни Киребеево»; «о растрате в палате уголовного суда апелляционных пошлинных денег»; «о злоупотреблениях в вятской городской полиции по заготовлению арестантской одежды»; «о неприличных поступках губернского канцеляриста»; «о взыскании с городского головы взятых им назад тому 5 лет двух рублей серебром»; «о драке, учиненной на свадьбе» и др. (см.: Макашин С. А. М. Е. Салтыков-Щедрин. Биография. Т. 1. — М., 1951. С. 311–312).

строят, ломают и опять строят... одним словом, ведут жизнь деятельную»¹); демагогов, подменяющих практическую работу разговорами («Дни идут за днями, а Митенька все болтает...»²); бесплодных прожектеров, ставящих благополучие России в прямую зависимость от умения разводить свиней («Пусти в народное обращение какого-нибудь симментальского быка — и через десять лет ты не узнаешь местности. ...На месте болот — цветущие луга, на месте обнаженных полей — обильные пажити...»³) и др. В «Истории одного города» писатель подверг уничижительной критике систему высшего руководства страной, придав ряду градоначальников города Глупова личностные черты русских монархов.

Непросвещенность приводит к особому типу руководства — «беспорядочному», «судорожному» и нерезультативному, когда в итоге очередного мероприятия руководитель в очередной раз понимает, что «шел слишком быстрыми шагами и совсем не в том направлении, куда идти следует»⁴. Салтыков даже выдвинул парадоксальный тезис: отсутствие администрирования предпочтитель-

нее администрирования плохого! В главе «Единственный» «Помпаду-ров и помпадурш» он нарисовал сатирическую утопию — градоначальника, который ничего не делает, поскольку убежден, что «самая лучшая администрация заключается в отсутствии таковой»⁵. Бездеятельность имеет следствием блестящие результаты: «В течение десяти лет не случилось ни одного воровства, ни одного восстания..., обыватели отъелись... Одно было у всех на уме: заживо поставить помпадуру монумент»⁶.

Трагедия бездарного руководства заключается в том, что просчеты высоких должностных лиц всегда искупаются за счет безгласных «низов». Надо сказать, что отношение к этим «низам» у писателя было сложное: с одной стороны, он жалел «человека, питающегося лебедой», с другой — ненавидел его бессознательное отношение к жизни, пассивность и безмолвность. Это нашло отражение в ряде знаменитых языковых формул, вроде хрестоматийно известного «бунта на коленях»: «А глуповцы стояли на коленях и ждали. Знали они, что бунтуют, но не стоять на коленях не могли»⁷.

¹ Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: в 20 т. Т. 8. — М., 1965–1977. С. 26.

² Там же. С. 121.

³ Там же. С. 213.

⁴ Там же. С. 352.

⁵ Там же. С. 220.

⁶ Там же. С. 234–235.

⁷ Там же. С. 338. Вот другие варианты «формул подчинения»: «Мы люди серые, привычные! Нас хоть на куски режь, хошь с кашей ешь, мы на все готовы! (Салтыков-Щедрин М. Е. Указ. соч. Т. 10. С. 12); «Что хошь с нами делай! ...хошь — на куски режь, хошь — с кашей ешь, а мы не согласны! ...И упорно стояли при этом на коленях» (Там же. Т. 8. С. 338); «Находились смельчаки, которые предлагали поголовно пасть на колена и просить прощения...» (Там же. Т. 8. С. 283).

Поскольку, по мнению просветителей, исполнительная власть должна основываться исключительно на законных началах, Салтыкова, как и Радищева, возмущала практика подмены закона распоряжениями «первого лица». В ряде произведений сатирика встречаем иронический эпизод: администратор начинает знакомство с подчиненными с того, что садится на «Свод законов Российской империи», заявляя при этом: «Я вам книга, милостивые государи! Я — книга, и больше никаких книг вам знать не нужно!»¹. Самое интересное, что подчиненных, воспитанных в традиции представлять все «усмотрению главных начальников», отнюдь не смущает подобный поступок. Вообще присутствующее русскому сознанию «упорное начальстволюбие»² — качество не самое лучшее, но оно в российской истории нередко являлось мощным и единственным средством прогресса. Писатель часто иронизировал на тему о том, что все социальные и культурные преобразования в России можно рассматривать как результат исполнения начальственных начертаний: «Ежели мы не изобрели пороха, то это значит, что

нам не было это приказано; ежели мы не опередили Европу на поприще общественного и политического устройства, то это означает, что и по сему предмету никаких распоряжений не последовало. Мы не виноваты. Прикажут — и Россия завтра же покроется школами и университетами; прикажут — и просвещение, вместо университетов, сосредоточится в полицейских управлениях. Когда угодно, куда угодно и все, что угодно»³.

Однако Салтыкова волновала не только проблема плохого руководства, но и вопросы о том, как может подобное руководство быть терпимо и кто реализует нелепые административные решения. Проблемы «культуры подчинения» нашли отражение прежде всего в проблематике циклов «Господа ташкентцы» и «В среде умеренности и аккуратности».

«Господа ташкентцы» — цикл, посвященный, говоря современным языком, «управленцам среднего звена». Эти чиновники исполнительны, однако исполнительность их нередко принимает форму готовности «следовать указанию всякого одаренного способностью указывать перста»⁴. Салтыкова смущала

¹ Салтыков-Щедрин М. Е. Указ. соч. Т. 8. С. 28.

² Глуповцы, утратив градоначальника, до такой степени чувствуют себя «сиротами», что немедленно «впадают в анархию», встреча же нового руководителя превращается в народное ликование, когда жители, еще «не видав в глаза вновь назначенного правителя, уже называли его «красавчиком» и «умницей», а «лучшие граждане собрались перед соборной колокольной и, образовав всенародное вече, потрясали воздух восклицаниями: батюшка-то наш! красавчик-то наш! умница-то наш!» (Салтыков-Щедрин М. Е. Указ. соч. Т. 8. С. 280).

³ Салтыков-Щедрин М. Е. Указ. соч. Т. 10. С. 8.

⁴ Там же. С. 47.

такого рода исполнительность, поскольку он полагал, что источником ее является не желание послужить отечеству, а эгоистические личные интересы — элементарное хищничество, стремление отхватить свой кусок от государственного пирога. Вообще, если вопрос о казнокрадстве был традиционен для русской литературы, то Салтыкову в «Господах ташкентцах» лучше других удалось воспроизвести психологический тип чиновника-казнокрада — человека, в котором «упорствующая безазбузность» сочетается с «увеличивающимся аппетитом»¹. Невежество и отсутствие профессиональной специализации такой чиновник заменяет искусством политической балансировки — готовностью проводить в жизнь любые идеи и решения, если они соответствуют сиюминутному политическому курсу: «...я живу, а если живу, то, стало быть, имею и право отстаивать свое существование. Но отстаивать его я не могу иначе, как продолжая быть той самой пустой бутылкой, какую сделали меня обстоятельства. ...Покуда порожняя посуда имеет возможность дребезжать и звенеть, моя обязанность — тоже дребезжать и звенеть и, время от времени, наполняться той жидкостью, которая наиболее подходит ко вкусам минуты»². Этот тип Салтыков назвал «ташкентцем» — словом, которое сочетает понятие об «азиатской дикости» с

претензией на «просвещение», на цивилизующую роль³. Российская административная система перенаселена «ташкентцами» — «просветителями, свободными от наук» и не способными на «историческое зодчество», — и это делает ее нефункциональной. Неслучайно «Господа ташкентцы» представляют ряд памфлетных очерков, в которых чрезвычайно резко, в гротескной форме, описана разрушительная деятельность подобных представителей исполнительной власти.

Гораздо более сложно разработан Салтыковым тип «маленького» чиновника, который сатирик, с присущей ему языковой меткостью, назвал Молчалиным, вспомнив А. С. Грибоедова и сюжетно продолжив жизнь образа великой комедии. У Салтыкова Молчалин уже в преклонных годах, имеет многочисленное семейство, давно «прощен» образумившимся и управляющим департаментом «Государственных Умопомрачений» Чацким, женившимся на Софье Павловне. За плечами Молчалина — 40 лет безупречной службы, и в качестве подчиненного — послушного, благонадежного и исполнительного — он интересен писателю. Ведь с точки зрения административной системы Молчалин — идеальный исполнитель, в сатире же Салтыкова эта фигура вырастает до размеров пугающих, приобретая зловеще-символический

¹ Салтыков-Щедрин М. Е. Указ. соч. Т. 10. С. 28.

² Там же. С. 49.

³ В современной сатирику печати постоянно указывалось на необходимость «цивилизовать» географический Ташкент.

оттенки, как в знаменитом эпизоде: «Я видел однажды Молчалина, который, возвратившись домой с обгабренными бессознательным преступлением руками, преспокойно принялся этими самыми руками резать пирог с капустой. “Алексей Степанович! — воскликнул я в ужасе! — вспомните, ведь у Вас руки...” “Я вымыл-с”, — ответил он мне совсем просто, доканчивая резать пирог»¹.

В «Господах Молчалиных» Салтыков подверг скрупулезному анализу характер деятельности Молчалина-чиновника, его типическую карьеру и мотивацию деятельности. Человек «молчалинского» типа внешне принижен и робок, он болезненно сосредоточен на мелочах своего личного «я», к которым приурочена «жизнь целой вселенной» и которые «представляют единственное мерило для оценки великих и малых событий, совершающихся на всемирной арене»². Типовая карьера Молчалина начинается с того, что он — человек, не имеющий средств и достоинств, которые давали бы право на «место в жизненном пиру», — пытается искать опоры вне себя и находит ее в «нужном человеке». К «нужному человеку» необходим соответствующий подход, и Молчалин последовательно проходит стадии «служения», требующие «очень большого запаса небрежливости»³. Сначала в нем видят

просто «безответное существо, на котором можно вполне безопасно срывать какую угодно дурость»⁴. Постепенно, в качестве «козла отпущения», его начинают ценить. Со временем роль Молчалина повышается: он входит в ряды «необходимой домашней челяди» начальника и, наконец, настолько хорошо изучает слабые места руководителя, что начинает управлять им: «В одно прекрасное утро он уже там, в седле. Он до мозга костей изучил своего “субъекта”, он дошел, относительно его, до такого ясновидения, что заранее угадывает все его норы, все душевные непредвиденности»⁵. Теперь его карьера обеспечена.

Салтыков, в качестве просветителя, был склонен давать нравственную оценку всем явлениям действительности, и по его концепции Молчалины, которых легионы и руками которых претворяются в жизнь неправедные решения, есть воплощение общественного зла. Самая большая опасность этих рядовых исполнителей — в том, что они не несут личной ответственности за свои действия, оставаясь неизвестными и безнаказанными перед «судом истории». Вместе с тем Салтыков специально оговаривал факт, что в частной жизни Молчалины — прекрасные отцы, мужья, гостеприимные и заботливые хозяева, преданные друзья. Такая возможность

¹ Салтыков-Щедрин М. Е. Указ. соч. Т. 12. С. 12.

² Там же. С. 14.

³ Там же. С. 17.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 25.

«двойственного» существования смущала писателя, казалась ему аномалией: «Профессия Алексея Степановича не внушает мне особой симпатии, но в то же время личное его добродушие является для меня фактом, стоящим вне всякого сомнения. По-видимому, два существования — казенное и свое собственное — идут рядом в этом человеке, но идут особняком, не сливаясь... Вот это-то хроническое двоегласие жизни и сбивает с толку...»¹. Надо заметить, что в «двоегласии жизни» Салтыков обвинял не только административную систему, но и русскую интеллигенцию, представляющую общественное мнение и спокойно взирающую на ненормальность ситуации: «Ежели общественное значение Алексея Степановича исчерпывается носимой им фамилией Молчалиных, то твою, человеке, роль в сношениях с ним — каким именем следует ее характеризовать?»².

Как и многие теоретики, размышлявшие о государственном устройстве, Салтыков считал, что людей, которые привыкли жить низменными инстинктами, нельзя допускать к административной работе. Эта позиция не была оригинальной: еще Аристотель в «Политике» отмечал факт, что к власти ревностно стремятся люди «сверхсильные»,

«сверхбогатые» и, напротив, «сверхбедные», «сверхуниженные»³. Первые — из честолюбия и властных выгод, вторые — из чувства самосохранения. Оба этих мотива недопустимы, если речь идет о благе государства и общества; человек гражданского сознания разумно властвует и разумно подчиняется, причем эти качества неотделимы друг от друга: «Добродетель гражданина, по-видимому, и заключается в способности и властвовать, и подчиняться»⁴; «гражданин — тот, кто желает и подчиняться, и властвовать»⁵. Салтыков так же, как Аристотель, хотел видеть в администраторах всех уровней — от самого высокого до низового — прежде всего граждан: людей, живущих не инстинктами, но идеалами и имеющих четкие понятия о «той высшей правде, олицетворением которой служит государство»⁶.

Сегодня шкала просветительских категорий и ценностей, в какой мыслил, рассуждал и по которой судил людей и события М. Е. Салтыков-Щедрин, представляется архаичной. Тем не менее требования писателя о воспитании в человеке государственном просвещенного и разумного сознания остаются актуальными, поскольку ни в одной сфере деятельности сознание это не востребовано в такой степени, как в сфере государственного управления.

¹ Салтыков-Щедрин М. Е. Указ. соч. Т. 12. С. 104.

² Там же. С. 106.

³ Аристотель. Собр. соч.: в 4 т. Т. 4. — М., 1983. С. 507.

⁴ Там же. С. 451.

⁵ Там же. С. 507.

⁶ Салтыков-Щедрин М. Е. Указ. соч. Т. 11. С. 433.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ: НОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПОИСКИ РЕШЕНИЙ

СИБИРЕВ Ю. В.

В последнее время в издательстве Северо-Западной академии государственной службы вышли две книги, автором которых является доцент кафедры государственного и муниципального управления СЗАГС, кандидат физико-математических наук В. В. Яновский.

Первое из изданий — научная монография В. В. Яновского — посвящена проблемам инновационного развития крупных городов¹.

Одна из особенностей нашей страны — крайне неравномерное распределение населения по территории, высокий уровень урбанизации при низкой плотности населения. По данным Всероссийской переписи населения 2002 г., городское население составляет в России 73,3%. Преобладающая часть городского населения (64%) проживает в городах с численностью 100 тыс. человек и более, при этом продолжается процесс концентрации городского населения. Если в целом доля городского населения в России за 13 лет (по сравнению с переписью 1989 г.) практически не изменилась (73,3% против 73,4%), то доля жителей больших городов выросла на 3%. В 2002 г. в «городах-миллионерах» проживало 40% жителей крупных городов против 37% в 1989 г.

Сибирев Юрий Васильевич — кандидат философских наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западной академии государственной службы.

¹ Яновский В. В. Инновационное развитие крупного города. Мегалполис Санкт-Петербург. — СПб.: Изд-во СЗАГС, 2006.

В этой ситуации проблемы управления развитием городов, особенно крупных, становятся весьма актуальными. Несомненный интерес представляет попытка автора подойти к их рассмотрению с позиций теории коэволюции биосферы и социальных систем и инноватики. В условиях непрерывной и порой весьма жестокой конкуренции за ресурсы, рынки сбыта, наконец, жизненное пространство смогут выжить лишь те социально-территориальные экономические сообщества, которые возьмут на вооружение идеологию инновационного конвейера, т. е. непрерывных социальных, экономических и технико-технологических нововведений.

В рецензируемой книге 4 главы. В первой — «Город как социально-экономическая система» — дается определение социально-экономической системы городского типа, рассматриваются функции городов и сущность процесса урбанизации, а также анализируется роль инноваций в урбанизации.

Во второй главе «Развитие урбанизированных систем — потенциал и стратегии» автор обращается к проблемам стратегического планирования развития социально-экономической системы городского типа, описывает сценарно-ресурсные стратегии городского развития, а также роль в этом процессе новых подходов: инжинирингового, процессного, проектного, маркетингового, инновационного и других. Здесь же дается характеристика так называемого «города-предпринимателя», основная черта

которого — децентрализация власти и реализация ряда компетенции государственной власти на местном уровне.

В третьей главе «Мегаполис — основной элемент современной урбанизированной системы» В. В. Яновский рассматривает российскую урбанизацию и приходит к выводу о том, что в стране сформировалась четырехполюсная иерархия регионов, основанная на доминировании столичного торгово-банковского капитала (Москва) и районов добычи экспортного топлива и сырья (Северо-Восток) над стагнирующим промышленным поясом от Санкт-Петербурга до Новосибирска и аграрного юга. С признанием факта стагнации закономерно возникает вопрос о путях ее преодоления, и здесь автор в качестве одного из таких путей видит развитие мегаполисов, потому что именно они призваны сыграть главную роль в технологическом прогрессе. В этой же главе рассматриваются составляющие конкурентоспособности мегаполиса и проблемы формирования благоприятного инвестиционного климата в регионе.

Четвертая глава «Некоторые проблемы развития мегаполиса Санкт-Петербург» выступает одновременно и обобщающей, и прикладной. В ней автор обращается к проблемам развития конкретного города, которые находят свое отражение в стратегическом плане его развития, а также в определении приоритетов социально-экономического развития. Автор выделяет 5 таких приоритетов для Санкт-Петербурга: развитие

города как инвестиционного рынка и промышленного центра сложных наукоемких производств инновационного типа; формирование промышленно-производственных, технико-внедренческих зон для создания «совокупного инновационного продукта»; поддержка сферы производства социального капитала — науки, научного обслуживания, культуры и образования; развитие туризма и маркетинг города как центра туризма мирового уровня; укрепление позиций города как транспортно-транзитного и логистического узла.

В формулировке самих этих приоритетов ничего принципиально нового, пожалуй, и нет. Они назывались уже в Стратегическом плане развития Санкт-Петербурга, принятом в 1997 г. Заслуга автора состоит в попытке разработать механизм реализации данных приоритетов, основным звеном которого он считает разработку инновационной политики мегаполиса. Субъектами такой политики выступают как органы власти, так и структуры гражданского общества в лице местного сообщества и хозяйствующих субъектов.

В условиях современной экономики мегаполис, как форма организации производственной жизни общества, оказывается более эффективным, чем любые другие формы организации территориальных общностей. Возникновение и рост мегаполисов — необратимая тенденция как в мире в целом, так и в России в частности. Однако вместе с городами растут и их проблемы, главными из которых выступают экология и без-

опасность. Основным индикатором «здоровья» и безопасности мегаполиса, по мнению В. В. Яновского, служит темп научно-технического прогресса. Как только теряется темп развития, начинается неизбежная деградация урбанизированной системы. От этого не застрахован ни один город, в том числе и Санкт-Петербург. Учитывая это, нельзя не согласиться с автором в его итоговом тезисе, что для безопасности и поддержания качества жизни жителей мегаполисов необходима продуманная долгосрочная стратегия развития мегаполиса, административный аппарат, способный эту стратегию реализовать, а также создание условий для развития процессов самоорганизации населения на территории мегаполисов.

Инновационную направленность развития во многом определяет эффективность взаимодействия государственных институтов, формирующих макроэкономическую среду, и предпринимательских структур, функционирующих в реальном секторе экономики. Как показал опыт индустриально развитых стран, только рыночных сил недостаточно для активной научно-технической и инновационной деятельности. Поэтому государство обязано нести ответственность за общую стратегию технологического развития, поддержку наукоемких технологий и наиболее актуальных прикладных и фундаментальных исследований.

Поэтому представляется целесообразным предложить автору рассмотреть в следующих работах основные составляющие организационно-экономического механизма

(его в обобщенном виде составляют принципы, методы управления, социальные институты и инфраструктура) обеспечения устойчивого развития Санкт-Петербурга.

Второе издание — это учебное пособие «Введение в специальность «Государственное и муниципальное управление»»¹.

Специальность «Государственное и муниципальное управление» является базовой для Северо-Западной академии государственной службы, именно она определяет «лицо» академии, ее место в системе высшего образования Санкт-Петербурга и Северо-Западного федерального округа в целом, поэтому учебные пособия по этой дисциплине должны быть всегда высокого качества. Предлагаемая вниманию читателя книга — хороший пример качественной учебной литературы. Она сочетает лаконичность и полноту изложения, дополненные необходимым методическим обеспечением: в конце каждого раздела приводятся вопросы для обсуждения, в конце книги представлен список вопросов к зачету, темы письменных работ, словарь основных понятий, список основной и дополнительной литературы. Понятно, что по теме «государственное и муниципальное управление» уже написаны тома и еще их будет создано немало, но понятно и то, что в небольшой книге трудно отразить все нюансы и сложность этой про-

блемы. Перед авторами стояла совершенно иная задача — они хотели «ввести будущих специалистов в круг основных проблем, понятий и закономерностей, технологий данной профессиональной деятельности». И это им удалось.

Вероятно, одной из причин успеха является то, что авторы знают проблематику специальности «государственное и муниципальное управление» не понаслышке. В. В. Яновский — заместитель декана факультета государственного и муниципального управления СЗАГС, член Совета Учебно-методического объединения вузов России по образованию в области менеджмента. Уже более пятнадцати лет он читает курсы по различным аспектам государственного управления и менеджмента. С. А. Кирсанов — заведующий кафедрой «Государственного и муниципального управления» Санкт-Петербургского института гуманитарного образования; президент АНО «Институт муниципального развития», кандидат экономических наук, ведет большую общественную деятельность — он помощник депутата Государственной Думы РФ, депутат Муниципального совета г. Колпино.

В книге 3 главы. Первая называется «Государственная служба как профессия». При всей, казалось бы, очевидности того, что госслужба требует профессионального образования, вопрос о том, является ли государственная служба профессией,

¹ Яновский В. В., Кирсанов С. А. Введение в специальность «Государственное и муниципальное управление»: Учеб. пособие. — СПб.: Изд-во СЗАГС, 2007.

остаётся до сих пор дискуссионным, поскольку для разных должностей государственной службы требуются знания из разных научных областей и различные специалисты. Авторы рассматривают этот вопрос сквозь призму специфики государственного управления и деятельности государственных органов. Согласно Закону «О системе государственной службы РФ» государственная служба Российской Федерации — профессиональная служебная деятельность граждан Российской Федерации по обеспечению полномочий государственных органов разных уровней и лиц, замещающих государственные должности. Тем самым профессиональная составляющая раскрывается не через специфику предметной деятельности, а через отношения связанности с осуществлением полномочий государственных органов и государственных деятелей. Соответственно, заключительный параграф этой главы описывает виды и структуру государственной службы, показывает иерархический характер ее строения, разницу карьерных и политических должностей, карьерного и должностного принципов ее строения. Читателю будет интересно познакомиться с понятиями профессионального типа (склада) мышления и понятием профессионального творчества, поскольку именно они лежат в основе процесса профессионализации как госслужбы в целом, так и отдельных государственных служащих.

Вторая глава называется «Государственная служба: понятие, цели, задачи». Она носит концептуально-

понятийный характер, потому что в сжатом виде представляет все содержание социально-правового института госслужбы: ее соотношение с государством, цели и задачи, принципы формирования и функции в обществе. Лейтмотивом этой главы является идея кадрового обеспечения госслужбы. Какие бы хорошие законы о госслужбе ни были приняты, какие бы правильные принципы ни лежали в ее основании, все это останется на бумаге, если не будет квалифицированных, мотивированных, профессионально подготовленных кадров. Поэтому пятый параграф второй главы авторы специально посвящают принципам формирования кадрового состава государственной гражданской службы и анализируют зарубежный опыт подготовки, переподготовки и повышения квалификации государственных служащих. Обращение к зарубежному опыту вполне объяснимо, потому что отечественная государственная служба находится на этапе своего формирования.

Третья глава учебного пособия называется «Государственная служба и теория бюрократии». Авторы совершенно верно полагают, что необходимой составляющей профессионального характера государственной службы, отличающей ее, например, от занятости в бизнес-организациях, выступает бюрократическая природа. Это не бюрократия в ее «ругательно-популистском» толковании, когда ставится знак равенства между бюрократией и бюрократизмом. Здесь бюрократия выступает организующим

началом, без которого функционирование института госслужбы просто невозможно. Авторы анализируют 4 основных трактовки бюрократии: «веберовскую» (ее американским вариантом стало описание задач административного управления Вудро Вильсоном); «марксову» (в которой бюрократия предстает особым способом осуществления власти); «имперскую» / «азиатскую» (авторы показывают ее на примере китайской бюрократии) и, наконец, «реалистическую» (направленную на децентрализацию государственного управления, приближение его к людям и их нуждам). Лозунг А. Гора — «Создать правительство, которое стоит меньше, а работает лучше» — в полной мере отражает происходящие изменения в принципах построения государственной машины. Сходные процессы, отмечают авторы, идут и в нашей науке о государственном управлении, только с некоторым опозданием.

Вторая часть этой главы как раз и посвящена обсуждению проблем эффективного государственного управления и способам обеспечения этой эффективности, а также характеристике хода и перспектив административной реформы в Российской Федерации. И здесь авторы также подчеркивают значимость для ее реализации наличия квалифицированных специалистов

в сфере государственного и муниципального управления.

Как и в любой другой книге, в данном учебном пособии есть свои недостатки. В частности, можно было иначе выстроить логику изложения, начав с анализа понятия государственной службы, а потом уже описывать ее как профессию. Можно было дать более широкий список дополнительных источников, включив в него интернет-сайты, в том числе государственных органов. Можно было более подробно раскрыть проблемы обратной связи и оценки деятельности органов власти населением, поскольку это тоже одно из направлений административной реформы. Можно было шире представить данные статистики и т. д. Очевидно, следовало бы посвятить отдельную главу муниципальному управлению и местному самоуправлению. Однако это — задачи для дальнейшей работы авторов, работы над следующим изданием. Важно, что уже в первом издании они добились своей основной цели. Читатель данной книги получает системное представление о том, что такое государственная служба в современной России, каким образом она строится и функционирует, какие основные проблемы необходимо решить, чтобы повысить ее эффективность.

«ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ И МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В РОССИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ». ОБЗОР МАТЕРИАЛОВ V МЕЖДУНАРОДНОГО НАУЧНОГО ФОРУМА СЗАГС

СОЛОВЬЕВА Е. О.

В июне 2007 г. в Северо-Западной академии государственной службы прошел очередной V Международный научный форум «Государственная власть и местное самоуправление в России — история и современность», участники которого затронули широкий круг проблем: от характеристики государственной власти в нашей стране до анализа социально-экономических и политико-правовых последствий глобализации. Материалы форума были изданы в двух томах под одноименным названием. Первый том включает в себя статьи ведущих специалистов и признанных ученых в области государственного управления. Второй том, на котором мы остановимся более подробно, был издан в двух книгах¹. В него вошло более восьмидесяти статей аспирантов, соискателей РАГС, СЗАГС и родственных вузов. Разделенные по тематике на 6 секций, работы формируют целостную картину государственного управления в его правовом, социально-экономическом и политическом аспектах.

В сборнике затронуты актуальные проблемы современной России, а также проблемы,

Соловьева Екатерина Олеговна — ведущий специалист Учебного центра PR-технологий Северо-Западной академии государственной службы, шеф-редактор корпоративной газеты «Академия», аспирант кафедры социологии и социальной работы.

¹ Государственная власть и местное самоуправление в России: история и современность: Материалы V Международного научного форума. Т. 2 в двух книгах / Под общ. ред. В. К. Егорова, А. С. Горшкова, В. М. Герасимова, М. А. Кашиной. — СПб.: Изд-во СЗАГС, 2007.

присущие некоторым историческим этапам развития российской государственности.

Так, при исследовании современного парламентаризма подчеркивается значимость совершенствования процесса законотворчества, поскольку именно сегодня перед государством стоит задача по укреплению его правовой основы, созданию законодательной базы, направленной на упорядочение финансов, поддержку экономики, социальную защиту нуждающихся граждан. Научно обосновано основное концептуальное направление законодательной работы, которое заключается в «рационализации» законотворчества и сопровождается повышением роли органов исполнительной власти.

Весьма актуальным представляется исследование проблем управления кадровым потенциалом государственной гражданской службы, а рекомендации по созданию специального органа, приоритетным направлением работы которого может стать формирование кадрового состава, имеют практическую ценность.

Авторами делается вывод о том, что вследствие реформ произошли большие перемены в государственном управлении, трансформировались функции и структура государственных органов, роль государственного аппарата и государственных служащих. Помимо указанных изменений, в результате административной реформы, реформы местного самоуправления, реформы федеративных отношений произошло разграничение компетенции между уровнями публичной власти. Вопро-

сы компетенции государственного органа или должностного лица, как известно, относятся к числу базовых в юридической науке и политической практике. Именно поэтому предложения об изменении границ территорий, в которых осуществляется местное самоуправление, — это важный вопрос как для государственных и местных властей, так и для жителей территориальных образований.

В издании представлено несколько исследований, посвященных обеспечению внешней и внутренней безопасности. Начало XXI века характеризуется глобальными угрозами безопасности, противодействие которым вышло на первый план международной политики. К числу наиболее изощренных вызовов мировому сообществу, как подчеркивают авторы, относится терроризм, незаконный оборот наркотиков и оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ, торговля людьми, распространение оружия массового уничтожения и иные виды преступлений. В работах также подробно освещены интеграционные процессы, которые объясняются мировыми процессами глобализации.

В материалах, посвященных взаимодействию государства и гражданского общества, подробно рассмотрен коммуникативный процесс, который представляет собой необходимую предпосылку становления, развития и функционирования всех социальных систем, потому что именно он обеспечивает связь между людьми и их общностями, делает возможной связь между поколениями, накопление и передачу социального опыта,

его обогащение, разделение труда и обмен его продуктами, организацию совместной деятельности, трансляцию культуры. Посредством коммуникации осуществляется управление, что также является социальным механизмом, с помощью которого возникает и реализуется передача информации в обществе.

Практический характер носят рекомендации и правовой анализ коллизий взаимодействия международного права и национальных правовых систем, исследование правовых аспектов государственного контроля в России, конституционно-правового регулирования свободы вероисповедания, влияния совершенствования основного избирательного закона России на обеспечение реализации принципа свободных выборов, формирования ювенального законодательства в РФ.

Крайне важными, по нашему мнению, являются исследования значения Интернет в политическом управлении, где подчеркивается, что информационно-коммуникативные технологии (ИКТ) могут быть использованы не только в созидательных целях, но и для достижения политического, экономического, духовного и военного превосходства. Отмечается, что образование с использованием ИКТ в условиях перехода к информационному обществу характеризуется гибкостью, доступностью, мобильностью, качеством, многообразием форм, релевантностью образовательным потребностям людей и запросам общества. Подчеркивается, что в современной России пока что отсутствует

цивилизованная система правового регулирования деятельности Интернет и СМИ, а для принятия необходимых политических решений часто используется лоббизм — установление контактов и передача сообщений представителям власти с целью воздействия на их поведение.

Особого внимания заслуживают политологические и социально-психологические исследования авторов, свидетельствующие о том, что интерес молодежи к политике носит пассивный характер, в то время как эффективность реализации молодыми людьми своих социальных функций является важным фактором устойчивого развития общества и успешного решения задач, стоящих перед государством. Налицо слабая политическая активность молодежи. Кризис институтов социализации (семьи, школы, системы высшего образования) в числе многих других порождает проблему молодежного нонконформизма.

В целом структура сборника призвана обеспечить системный подход к вопросам управления на различных уровнях власти.

Сборник содержит много актуальных сведений из практики государственной и муниципальной службы и адресован аспирантам, преподавателям вузов, студентам. Особый интерес издание должно вызвать у государственных и муниципальных служащих, политиков и экспертов, занимающихся разработкой управленческих решений, у всех, кто соприкасается с проблемами государственной политики и правовыми основами российской государственности.

ИЗУЧЕНИЕ СОЦИОЛОГИИ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО УПРАВЛЕНЦА

ПАСТАРНАКОВА О. А.

Сегодня социология прочно заняла свое место среди учебных дисциплин гуманитарного цикла в высшем образовании. В силу этого потребность в учебной литературе по социологии в ближайшем будущем (и надеемся, в отдаленном тоже) не иссякнет. На рынке книжной продукции ниша учебников по социологии достаточно заполнена, хотя, не будем скрывать, с явным доминированием московских авторов. Учитывая существование государственного образовательного стандарта по данной дисциплине, структура и подбор материалов во всех вузовских учебниках примерно сходные.

В этих условиях ключевыми параметрами оценки учебных пособий становятся полнота, доступность и систематичность изложения, уровень разработанности справочно-библиографического и методического аппарата. Рецензируемое учебное пособие¹ в полной мере отвечает всем названным параметрам. Его авторы имеют большой опыт как педагогической, так и научно-исследовательской работы в вузах. Анатолий Владимирович Ключев — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии и социальной работы СЗАГС, Иван Серафимович Урсу —

Пастарнакова Ольга Александровна — аспирант кафедры социологии и социальной работы Северо-Западной академии государственной службы.

¹ Ключев А. В., Лукьянов В. Г., Урсу И. С. Социология: Учеб. пособие / Под общ. ред. А. В. Ключева. — СПб.: Изд-во СЗАГС, 2007. — 576 с.

кандидат социологических наук, доцент этой же кафедры, Вячеслав Георгиевич Лукьянов — доктор философских наук, профессор кафедры культурологии Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов. Написание этого учебника стало итогом преподавания ими курса социологии студентам различных высших учебных заведений на протяжении многих лет.

В учебном пособии 4 раздела. Первый посвящен становлению и развитию социологии как науки, в отдельной главе этого раздела раскрываются особенности социологической мысли в России. Второй раздел называется «Общество как социальная система». В нем рассматривается социальная структура общества и особенности его социальной динамики, а также раскрывается социальная сущность личности. Третий раздел учебного пособия посвящен основным социальным институтам и социологическому анализу отдельных сфер жизни общества — политике, экономике, культуре, религии, институтам брака и семьи. Четвертый раздел учебного пособия «Теория, методология и методика социологического исследования» является самым объемным. В нем дается характеристика как программы социологического исследования, так и всех основных методов сбора информации, используемых в социологии (количественных и качественных).

В результате социология предстает перед читателями в обеих своих ипостасях: и как наука об обще-

стве, и как практическая деятельность по сбору и анализу информации о социальных процессах. Как в любом качественном учебнике по социологии, в рецензируемом издании широко представлены данные отечественных и зарубежных социологических исследований, а в главах по методике приводятся примеры из практики.

Значительную часть книги составляет справочный и методический материал: хрестоматия, словарь терминов, список учебников и учебных пособий по социологии, тестовые задания.

Собранные вместе под одной обложкой, эти материалы представляют собой учебно-методический комплекс и позволяют осваивать курс социологии во многом самостоятельно. У читателя есть возможность не только ознакомиться с учебным материалом по отдельным темам курса, но и провести его анализ, опираясь на тексты работ классиков социологии, содержащиеся в хрестоматии, отвечая на вопросы для самоконтроля, данные после каждой главы, и выполняя итоговые тестовые задания.

К числу несомненных достоинств книги следует отнести ясность и логичность изложения материала. Как и в любой другой науке, в социологии существует своя, порой весьма сложная и неоднозначная, лексика и терминология. Авторы ею не злоупотребляют и стараются избегать узкоспециализированных терминов, используя их лишь в крайне необходимых случаях. А для того чтобы читателю было легче их

освоить, в конце книги приводится небольшой словарь терминов.

Еще раз подчеркнем, что целевая аудитория данного учебного пособия — студенты и слушатели, обучающиеся по направлению «Социально-экономическое образование». Для них социология является предметом общегуманитарного (общеобразовательного) цикла, а не специальной дисциплиной. Это означает, что им важнее составить общее

представление о предмете, целях и задачах социологии, чем освоить отдельные, пусть и важные, частности. Ис этой задачей рецензируемое учебное пособие успешно справляется. Те же читатели, которым после изучения общего курса социологии понадобятся более детальные сведения, смогут обратиться к специальной социологической литературе, которой сегодня на нашем книжном рынке вполне достаточно.

ДОСКА ПОЧЁТА

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ

Федеральное государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«СЕВЕРО-ЗАПАДНАЯ АКАДЕМИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ»

ПРИКАЗ

« 26 » ноября 2007 г.

№ 163-п

Санкт-Петербург

**О помещении на Доску Почета
и поощрении работников**

**За большой личный вклад в дело подготовки высококвалифициро-
ванных специалистов для государственной и муниципальной службы**

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Поместить на Доску Почета ФГОУ ВПО СЗАГС следующих работников:

- Афонину Елену Геннадьевну — ведущего специалиста кафедры между-
народных отношений;
- Башкееву Наталью Викторовну — главного специалиста информаци-
онно-аналитического центра ИДПО ГиМС;
- Беглову Эльмиру Загировну — заведующего отделом региональных
образовательных программ учебно-методического управления высше-
го профессионального образования;
- Зверинцева Андрея Борисовича — профессора кафедры политологии;
- Каранатову Ларису Геннадьевну — директора центра повышения ква-
лификации ИДПО ГиМС;
- Ключева Анатолия Владимировича — декана факультета социальных
технологий;
- Комиссарову Людмилу Ивановну — доцента кафедры истории и миро-
вой политики;
- Кравец Наталью Николаевну — главного специалиста планово-эконо-
мического управления;
- Красникова Валентина Степановича — доцента кафедры государствен-
ного и муниципального управления;
- Лебедеву Светлану Валентиновну — заместителя заведующего учебным
отделом юридического факультета;

- Ляшедько Елену Михайловну — заместителя директора научной библиотеки;
- Мещерякову Валентину Михайловну — ведущего специалиста кафедры финансов и государственного регулирования экономики;
- Михайлива Василия Дмитриевича — начальника ремонтно-строительной группы эксплуатационно-технического управления;
- Муйзиник Наталью Васильевну — начальника отдела международных программ и регионального сотрудничества управления международных связей;
- Овчинникова Валентина Алексеевича — профессора кафедры государственного и международного права;
- Оськина Сергея Александровича — доцента кафедры философии;
- Павлову Татьяну Анатольевну — заместителя директора центра ускоренного обучения ИДПО ГИМС;
- Савинкову Тамару Викторовну — доцента кафедры культурологии и русского языка;
- Скоркину Наталью Валентиновну — ведущего специалиста факультета государственного и муниципального управления;
- Смирнову Аллу Васильевну — доцента кафедры информатики;
- Смолева Павла Павловича — доцента кафедры физической культуры;
- Сычева Михаила Ивановича — профессора-консультанта кафедры финансов и государственного регулирования экономики;
- Талабанова Николая Андреевича — начальника отдела программного обеспечения — заместителя начальника информационно-вычислительного центра;
- Якименко Валентину Дмитриевну — ведущего специалиста отдела социального развития управления по воспитательной и внеучебной работе.

2. Объявить благодарность и выплатить денежную премию в размере 1500 рублей следующим работникам академии:

- Андреевой Людмиле Михайловне — доценту кафедры гражданского и трудового права;
- Барановой Дине Альгирдасовне — ведущему специалисту факультета социальных технологий;
- Власовой Елене Борисовне — ведущему специалисту отдела делопроизводства;
- Вострякову Льву Евгеньевичу — заведующему редакционно-издательским отделом;
- Горбатовой Наталье Валентиновне — ведущему специалисту научного отдела;
- Голиковой Елене Михайловне — инженеру по снабжению хозяйственного управления;
- Кашиной Марине Александровне — заведующему отделом аспирантуры и докторантуры;

- Китину Евгению Александровичу — директору центра профессиональной переподготовки государственных и муниципальных служащих ИДПО ГИМС;
- Козлову Александру Владимировичу — доценту кафедры таможенного дела и логистики;
- Корнилову Виктору Алексеевичу — начальнику отделения технических средств обучения информационно-вычислительного центра;
- Кудрявцевой Елене Игоревне — доценту кафедры управления персоналом;
- Левшенкову Игорю Габдрафиковичу — специалисту факультета экономики и финансов;
- Лепешкиной Оксане Ивановне — доценту кафедры уголовного права;
- Маликовой Ирине Алексеевне — старшему преподавателю кафедры иностранных языков;
- Мигаль Татьяне Тимофеевне — бухгалтеру управления бухгалтерского учета и финансового контроля;
- Оглоблину Сергею Георгиевичу — доценту кафедры математики и моделирования социально-экономических процессов;
- Орловой Инне Степановне — доценту кафедры социологии и социальной работы;
- Пислюкову Владимиру Витальевичу — заведующему кафедрой антикризисного управления и финансового менеджмента;
- Салиной Любове Владимировне — заведующему отделом научной обработки литературы и каталогизации научной библиотеки;
- Сикацкому Виктору Анатольевичу — доценту кафедры экономической теории;
- Стреляевой Татьяне Николаевне — специалисту центра профессиональной переподготовки государственных и муниципальных служащих ИДПО ГИМС;
- Суркиной Гузели Юнусовне — ведущему специалисту управления кадров;
- Тулупьевой Татьяне Валентиновне — доценту кафедры психологии управления и педагогики;
- Янцен Людмиле Владиславовне — доценту кафедры теории и истории права и государства.

3. Главному бухгалтеру И. В. Осадчей произвести выплату премии из внебюджетных средств в размере 1500 рублей каждому работникам согласно п. 1, 2 настоящего приказа.

4. Контроль за исполнением данного приказа возложить на проректора по персоналу, международным и общим вопросам В. Н. Захарова.

Ректор

А. С. Горшков

ДОСКА ПОЧЁТА

АФОНИНА
Елена Геннадьевна,
ведущий специалист
кафедры международных
отношений

БАШКЕЕВА
Наталья Викторовна,
главный специалист
информационно-
аналитического центра
ИДПО ГИМС

БЕГЛОВА

Эльмира Загировна,
заведующий отделом
региональных
образовательных
программ учебно-
методического
управления высшего
профессионального
образования

ЗВЕРИНЦЕВ

Андрей Борисович,
профессор кафедры
политологии

КАРАНАТОВА
Лариса Геннадьевна,
директор центра
повышения квалификации
ИДПО ГИМС

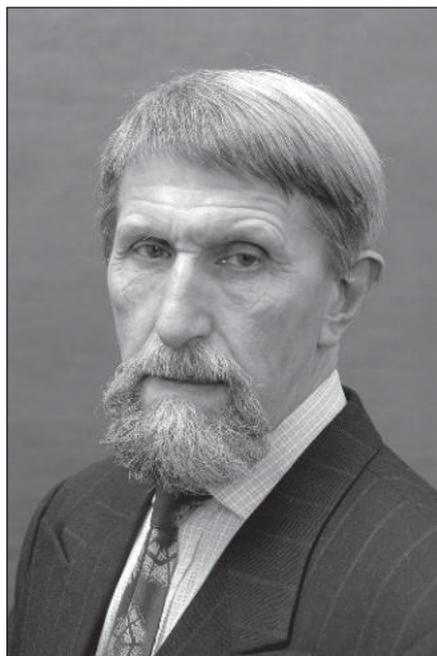
КЛЮЕВ
Анатолий Владимирович,
декан факультета
социальных технологий

КОМИССАРОВА
Людмила Ивановна,
доцент кафедры истории
и мировой политики

КРАВЕЦ
Наталья Николаевна,
главный специалист
планово-экономического
управления

КРАСНИКОВ
Валентин Степанович,
доцент кафедры
государственного
и муниципального
управления

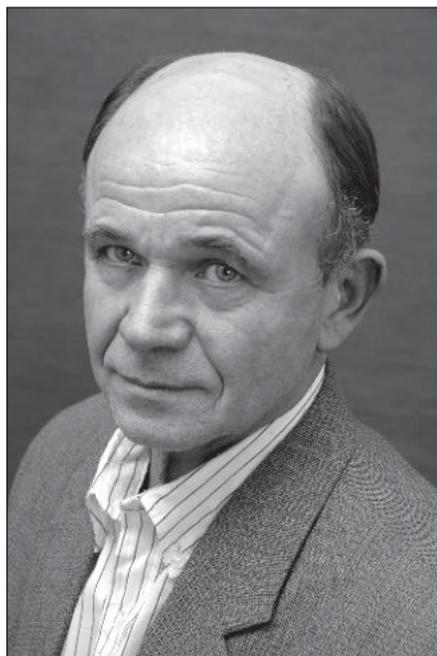
ЛЕБЕДЕВА
Светлана Валентиновна,
заместитель заведующего
учебным отделом
юридического факультета

ЛЯШЕДЬКО
Елена Михайловна,
заместитель директора
научной библиотеки

МЕЩЕРЯКОВА
Валентина Михайловна,
ведущий специалист
кафедры финансов
и государственного
регулирувания экономики

МИХАЙЛИВ

Василий Дмитриевич,
начальник ремонтно-
строительной группы
эксплуатационно-
технического управления

МУЙЗИНИК

Наталья Васильевна,
начальник отдела
международных программ
и регионального
сотрудничества
управления
международных связей

ОВЧИННИКОВ
Валентин Алексеевич,
профессор кафедры
государственного и
международного права

ОСЬКИН
Сергей Александрович,
доцент кафедры
философии

ПАВЛОВА

Татьяна Анатольевна,
заместитель директора
центра ускоренного
обучения ИДПО ГИМС

САВИНКОВА

Тамара Викторовна,
доцент кафедры
культурологии и русского
языка

СКОРКИНА
Наталья Валентиновна,
ведущий специалист
факультета
государственного
и муниципального
управления

СМИРНОВА
Алла Васильевна,
доцент кафедры
информатики

СМОЛЕВ
Павел Павлович,
доцент кафедры
физической культуры

СЫЧЕВ
Михаил Иванович,
профессор-консультант
кафедры финансов
и государственного
регулирования экономики

ТАЛАБАНОВ
Николай Андреевич,
начальник отдела
программного
обеспечения,
заместитель начальника
информационно-
вычислительного центра

ЯКИМЕНКО
Валентина Дмитриевна,
ведущий специалист
отдела социального
развития управления
по воспитательной
и внеучебной работе

НЕПРЕДСКАЗУЕМОСТЬ КАК СТРАТЕГИЯ УПРАВЛЕНИЯ В УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЕ XX В.

Бочаров А. Б.

Кризис, в котором оказалась традиционная управленческая теория, системно связан с кризисом рационально-аналитической дискурсивности. Суть его заключена в невозможности достичь эффективного управленческого решения, критике результата в условиях, когда обе стороны (управляющие и управляемые) последовательно используют одинаковые модели, практики и стратегии воздействия субъекта управления на объект (субъект) управления¹. Этот кризис выявил ограниченность существующих теории и практики управления².

Бочаров Андрей Борисович — кандидат философских наук, доцент кафедры философии Северо-Западной академии государственной службы.

Постепенное наращивание теоретического аппарата, его дальнейшая формализация превратили искусство управления в строгую науку, сродни самой математике. Поднявшись до стадии математического расчета,

¹ Вот, например, что можно прочесть в древнекитайском трактате по военному искусству Сунь-цзы: «Поэтому и говорится: если знаешь его и себя, сражайся хоть сто раз — опасности не будет; если знаешь себя, а его не знаешь, то один раз победишь, другой раз потерпишь поражение; если не знаешь ни его, ни себя, каждый раз будешь терпеть поражение». [См.: Сунь-цзы. Искусство стратегии. — М.: Изд-во Эксмо; СПб.: Мидгард, 2006. С. 84.]

² Родоначальником научного подхода к управлению принято считать американца Ф. У. Тейлора (1856–1915), автора книги «Принципы и методы научного менеджмента» (1911). Интересно, что на его визитной карточке значилось: «Фредерик У. Тейлор. Консультант по вопросам менеджмента».

алгоритмизации, оно неожиданно оказалось в тупике.

Схожие процессы происходили и в других сферах человеческой деятельности, если они достаточно долго подвергались императивному внешнему воздействию и регулированию. Такая аналитическая стратегия прекрасно «работает» при описании систем, причем разной сложности. В этом контексте любая организация, коллектив, словом, любой континуум людей может рассматриваться как пример системы. Для рассмотрения особенностей подобных систем воспользуемся классической теорией систем Л. фон Берталанфи, в которой под системой понимается совокупность элементов с положительной энергией связи или положительной коррекцией движения. Смена структуры системы называется бифуркацией. При малой сложности структурности системы единственными ее бифуркациями являются рождение и смерть. Такие системы принято считать примитивными. Системы, которые между своими крайними точками (созданием и разрушением) проходят конечный ряд бифуркаций, называют простыми. Те системы, чьи структуры способны к самоусложнению и изменению, принято называть сложными, или хаотическими. Люди, их организации и коллективы — это составляющие хаотических систем. Проблема заключается в том, что функционирование

таких систем не подлежит полной формализации, т. е. предсказуемости. Их нельзя предсказывать, хотя можно редуцировать. Типичный пример системы, в которой кризисы формализации (предсказуемости) происходят постоянно — финансы.

Аналитическая стратегия всегда имеет дело со средними значениями величин — усредненными показателями теоретического знания и практического опыта управляющих и управляемых. Усреднение как наиболее естественная форма упрощения — это разновидность методологического редукционизма, составляющая самую суть аналитического подхода. По показателям аналитической стратегии управляют не конкретные люди с их особенностями, характером, темпераментом — взаимодействуют «типичные» управленцы и подчиненные, приведенные расчетами и формулами кабинетных теоретиков к «нормальной» форме. В реальной жизни средние показатели встречаются редко: почти всегда значения параметров отклоняются от среднего значения величин. Если в теории этим отклонением можно пренебречь, то в жизни эти процессы имеют тенденцию к неустойчивости (флуктуациям), отклонения от среднего начинают нарастать, а в точках бифуркации — полностью меняют картину¹. Вблизи точки бифуркации сколь угодно малое изменение на-

¹ В карточных играх примером «точки бифуркации» может стать момент игры ва-банк, когда результат всей игры зависит от одного случайного события и изначально не предопределен предыдущими ходами игроков.

чальных условий оказывает макроэкономическое воздействие на динамику системы. Само по себе это не должно вызывать беспокойства, ведь речь идет, по сути, об антиэнтропийном характере процессов, индуцируемых нестандартными решениями. Вся человеческая история, эволюция жизни на Земле — антиэнтропийны, т. е. сложны, неустойчивы и легко разрушимы. Жизнь менее устойчива, нежели смерть, однако это не повод, чтобы не жить.

Применительно к теории управления это означает, что на принятие любого управленческого решения могут оказать влияние любые факторы¹. Аналитическое (рациональное) регулирование, планирование сложной системы и управление данной системой с неизбежностью приводит к ее структурному кризису, который наступает тем быстрее, чем сложнее система и чем больше ограничений на ее развитие наложено внешним управлением. Особо подчеркнем, что при любых обстоятельствах кризис аналитичности наступает раньше, нежели кризис структуры, т. е. внешнее управление провоцирует в системе бифуркационные процессы, направленные на разрушение механизма управления. Данное положение можно рассматривать как проявление действия принципа Ле Шателье, который предусматривает, что в ответ на любое изменение своего со-

стояния система ведет себя таким образом, чтобы скомпенсировать эффект своего изменения и проявляет общесистемные свойства. Так, например, психологам давно известно парадоксальное явление, получившее название «эффекта Рингельмана», или «феномена социальной лениности», когда управленческие стратегии, понятые и принятые к исполнению слишком буквально, а значит односторонне, приводят к противоположному результату.

Возникает ситуация, когда, перестав ощущать исключительную личную ответственность за конечный результат, почти любой человек подчиняется *закону экономии энергии*: «Что не сделал я, пусть сделают другие».

Благодаря созданию в середине и конце XX в. мирового информационного пространства стало возможным сопоставление уровней развития науки об управлении в различных странах. Поскольку теория управления, безусловно, является наукой, она рассматривает объективную информацию, т. е. констатирует тот факт, что управленческие решения не зависят от особенностей личности принимающего решение. Это свидетельствует о том, что управляющие и управляемые могут действовать одинаково эффективно. Одни — эффективно руководить: отдавать приказы, рассылать директивы, а другие — уклоняться от исполнения. Результатом такой

¹ Как говорил известный психолог Джеймс: «Маленькой задержки в желчном потоке, приема слабительного, чашки крепкого кофе в известную минуту совершенно достаточно, чтобы совершенно изменить взгляды человека на жизнь». В психологии это получило название «эффекта Джеймса-Ланге». [См.: *Урбанович А. А. Психология управления: Учеб. пособие.* — Мн.: Харвест, 2005.]

ситуации становится организационно-управленческий тупик¹. Если воспользоваться терминологией теории игр, это означает, что в рамках аналитической парадигмы при взаимно тождественных позициях, стратегиях, ваша игра превращается в игру с нулевой суммой. Из этого можно сделать вывод о том, что любое управленческое решение может быть предсказано, модель просчитывается до конца, и просчитывается при этом всеми одинаково. Кроме того, следует отметить, что при столкновении одинаковых управленческих стратегий оптимальное решение не может быть найдено на поле правильных действий. Заметим, что правильное в этом контексте означает только действие в рамках определенных, фиксированных, уже апробированных правил. Иными словами, правильное — это *отвечающее ожиданиям*. Применительно к нашему тезису это означает обратное, т. е. действие *вопреки правилам*, следовательно, ожиданиям. Учитывая, что при аналитической стратегии одни решения ожидаются с большей вероятностью, нежели другие, рассчитывающий на успех и ожидающий реализации этой стратегии от кого-то проиграет, поскольку может столкнуться с заведомо непредсказуемыми действиями. В свою очередь установка противника на не-

предсказуемость станет для вас неожиданностью, введет в полнейшую растерянность, в организационный и интеллектуальный ступор, что обернется уже *вашей* ошибкой. Подчеркнем: данная стратегия уже неоднократно обыгрывалась. Ее придерживался Э. Ласкер, играя с А. Алексеевым — сторонником «строгих шахмат». Во время Второй мировой войны, используя эту стратегию «непрямых действий», Э. Манштейн смог осуществить танковый бросок², а фельдмаршал Э. Роммель в Африке долгое время успешно сдерживал войска союзников. В теории военного искусства такая стратегия получила название «стратегия непрямых действий». Заметим, что реализация стратегии непредсказуемости, действия вразрез и вопреки, существенно труднее реализации обычной.

Психологическое содержание стратегии непредсказуемости в теории управления гораздо шире, нежели, к примеру, в шахматах. Так, чем сложнее «пространство управленческих решений» (т. е. множество всех факторов, событий, обстоятельств, влияющих на состояние системы «управление»), тем, как правило, больше возможных точек бифуркации, больше существенно различающихся «конечных» управленческих позиций и ходов.

- 1 Проблема заключается в том, что люди — это пример самых сложных систем, т. е. хаотических. В рамках современной науки поведение хаотических систем не может быть предсказуемым. Им также нельзя управлять, во всяком случае на долговременную перспективу.
- 2 Для советского командования это стало большой неожиданностью, поскольку по всем канонам военного искусства использование одних только танков, т. е. танков без прикрытия, прежде всего авиационного, — это авантюра.

Аналитическая парадигма опирается на представление об «экономическом человеке». По терминологии М. Вебера, «человек экономический» — мнимый, среднестатистический человек, способный к принятию рациональных решений, т. е. к минимизации затрат и максимизации прибыли. «Человек экономический» как носитель здравого смысла, способный к рационализации своих действий в использовании капитала, времени и ресурсов, все еще остается идеальной моделью. Подавляющее большинство теорий управления и маркетинга до сих пор исходят именно из нее. Проблема состоит в том, что эта модель — не просто идеальная, а несущая ложные представления. Так, например, сегодня известно, что наличие полной информации как залог успешного действия практически недостижимо. Кроме того, можно отметить, что в модели принятия решения этап сравнения альтернатив протекает не перед принятием решения, а после, когда человек стремится оправдать свой выбор.

Современная управленческая парадигма содержит следующие основополагающие утверждения:

1. Каждый может принять решение, располагая достаточной информацией.
2. Хороший руководитель способен принимать решение и при нехватке информации.
3. Профессиональный человек успешно действует в ситуации абсолютного неведения, неопределенности и риска.

В отличие от традиционной аналитической стратегии, когда инди-

видуальные особенности исполнителей не являются существенным фактором, для современной стратегии характерной чертой становится зависимость успешности реализации управленческого решения от личности исполнителя. Следует особо подчеркнуть, что в основании той или иной парадигмы в качестве фундирующей ее основы лежат представления о человеке, разделяющем и принимающем ее ценностные основания, и целеполагающие установки.

Американская управленческая культура (впрочем, как и европейская) во многом сформировалась под влиянием англосаксонского психотипа, ядром которого является рационализм. В нем отчетливо прослеживается индивидуализм, расчетливый конкурентный прагматизм. Базовой ценностью является установка на успешность, главным стремлением — карьеризм. В отличие от американской управленческой культуры, российская, как, впрочем, и советская, культивирует совершенно иные ценности. Для американской управленческой культуры характерно отсутствие сверхценностей, на первый план выступает личное благосостояние. С точки зрения соционики, национальный стереотип российского суперэтнуса находится в рамках соционического психотипа — «этико-интуитивного интроверта». Для российской (в том числе и советской) управленческой культуры восточнославянский менталитет явился благодатной почвой, придавшей ей удивительное своеобразие и живучесть. Формирование

этого менталитета было предопределено некоторыми социально-экономическими и природными условиями, в которых сформировалась знаменитая русская душа¹. Говоря словами историка В. О. Ключевского, лес, степь и река как основные природные стихии «приняли живое и своеобразное участие в строении жизни и понятий русского человека»². Именно природа развила в русском человеке «изворотливость в мелких затруднениях и опасностях, привычку к терпеливой борьбе с невзгодами и лишениями»³. Кроме того, в багаже русской ментальности и такая черта, как «колебаться и лавировать между неровностями пути и случайностями жизни»⁴. Как считал В. О. Ключевский, у русской души два начала: ленивое лежание и молниеносная деятельность, когда «природа и судьба вели великоросса так, что приучили его выходить на прямую дорогу окольными путями»⁵. «Великоросс мыслит и действует, как ходит», — подчеркивал историк⁶. Добавим от себя: окольно. Вот вам законченная иллюстрация «стратегии не прямых действий».

Классическая управленческая стратегия, опирающаяся на амери-

канскую управленческую культуру с ее ориентацией на успешность, эквивалент которой — деньги, растиражированная в огромных количествах пособий и учебников, неэффективна в российских условиях. Ведь западная управленческая культура не учитывает сверхценности, основываясь на личном благосостоянии. У нас к такого рода ценностям традиционно негативное отношение, во всяком случае, для нас они не выступают доминантной мотивацией поведения. Деньги — всего лишь средство улучшить жизнь, главное — идея (смысл), привносимая в жизнь.

Кроме того, отдельного рассмотрения заслуживает советская управленческая культура, для которой наиболее характерным было не получение специального образования, а приобретение основательно-го управленческого опыта, административного навыка командования. И сегодня эта особенность по-прежнему является не просто теоретическим анахронизмом, а активно реализуется на практике.

Если классическая управленческая теория может рассматриваться как триумф рациональности в практике управления, то в рамках новой

¹ Будем использовать именно этот термин при всей его семантической размытости и мифологической загрузженности, поскольку слова «бог», «духовность» содержат предыдущий, уже неработоспособный вариант того же понятия, а потому они неконструктивны. В этом же ряду — «счастье всего трудового человечества» как главная ценность (сверхценность) погибшей советской цивилизации.

² Ключевский В. О. Собр. соч.: в 9 т. — М.: Мысль, 1989. Т. 2. С. 241.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

стратегии нам придется отказаться от односторонней рациональности и взять на вооружение методы, соотносящиеся скорее с творчеством, даже магией¹, нежели с наукой.

Новая управленческая стратегия — это стратегия, лежащая за пределами стандартных решений. По отношению к классической управленческой теории с ее культом рациональности, в которой различаются понятия «апробировано» и «не изучено», «не подтверждено», в новой, все еще формирующейся стратегии, нет такой жесткой определенности.

Основным содержанием деятельности в формате такой страте-

гии станет расширение пространства решений за пределы известного теоретического и практического опыта: выигрывает тот, кто первым сконструирует новое пространство, расчистит площадку и сумеет создать на ней свою систему правил управленческой деятельности. Формально такая стратегия явит собой попытку придать смысл некоторой системе деятельности в формате существующих или проектирующихся управленческих решений, организационно и семантически связав их в единую динамическую систему.

¹ Одним из перспективных направлений информационной революции станет создание магических технологий как способа непосредственного воздействия на людей при помощи информационных объектов. В этом смысле НЛП (нейро-лингвистическое программирование) может рассматриваться как одна из их разновидностей. [См.: *Гриндер Дж., Сент-Клер К. Б.* Новый код в НЛП. — СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2007.]

НОВЫЙ ЖУРНАЛ ДЛЯ ПРОФЕССИОНАЛОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ

Волков В. А.

Идея создания вестника возникла на первом заседании Координационного Совета, действующего при аппарате полномочного представителя Президента РФ в СЗФО, в мае 2006 г., так как информированность органов власти СЗФО по вопросам кадровой политики, а также создание единого информационного пространства в данной сфере — проблема, давно назревшая и актуальная в свете осуществления реформы государственной службы. В научно-практическом журнале размещаются материалы по самым актуальным проблемам кадровой деятельности, способствующие выработке единой стратегии в сфере формирования кадрового потенциала Северо-Западного федерального округа и страны в целом. Несмотря на то, что вестник — журнал новый (пока вышло всего 3 номера), он уже успел зарекомендовать себя как издание весьма востребованное, найти свой круг читателей не только среди кадровых служб СЗФО, но и привлечь внимание научной общности. Уже сегодня очевидно, что издание может способствовать созданию условий для объединения усилий органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, образовательных учреждений СЗФО в определении единых подходов к нормативно-правовому обеспечению деятельности кадровых служб.

«На страницах журнала, — отметил полномочный представитель Президента Российской Федерации в Северо-Западном феде-

Волков Виталий Александрович — доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии, проректор Северо-Западной академии государственной службы.

ральном округе И. И. Клебанов, — планируется вести конструктивный диалог между практиками, реализующими кадровую политику в органах государственной власти Северо-Запада России, и учеными, занимающимися разработкой новых технологий в законопроектной деятельности, методологии формирования нового кадрового потенциала. Именно это сотрудничество позволит выработать общий подход к реализации на практике положений Концепции административной реформы, обеспечить в данной области наиболее эффективный режим взаимодействия всех ветвей власти».

В журнале представлены официальные документы Координационного Совета, информационно-аналитические материалы по вопросам государственной службы и кадровой политики, находят отражение результаты научно-прикладных исследований, представляющие интерес для органов государственной власти и местного самоуправления.

Издатель вестника — Северо-Западная академия государственной службы — ведущий образовательный и научно-исследовательский центр, где сконцентрированы силы, способные обеспечить разработку теоретической и методологической основы кадровой политики СЗФО. Преподаватели академии, осуществляющие исследования в этой сфере, стали постоянными авторами научно-практического журнала.

В состав редакционного совета и Редакционной коллегии журнала вошли представители всех субъектов Российской Федерации СЗФО, что

позволяет учитывать опыт, накопленный органами государственной власти всего Северо-Запада. В значительной степени вестник обеспечивает методическое сопровождение государственной и муниципальной службы, деятельности кадровых служб органов государственной власти и местного самоуправления; оперативный обмен информационными, методическими и иными интеллектуальными ресурсами в целях повышения эффективности управленческой деятельности, выработки предложений по совершенствованию правового регулирования государственной службы, наградной политики, системы подготовки кадров, формированию единого кадрового пространства, реализации основных направлений административной реформы.

В разделе «Официально» публикуются решения, распоряжения и другие документы Координационного Совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе, а также нормативные документы, разработанные департаментом кадровой политики аппарата полномочного представителя Президента в СЗФО.

В рубрике «Дискуссия» приводятся диалоги между руководителями органов власти в сфере кадровой политики субъектов РФ СЗФО, а также ведущими учеными Северо-Западной академии государственной службы по актуальным вопросам государственного управления. Публикуемые в этой рубрике материалы

отражают бесценный опыт, наработанный органами государственной власти Северо-Запада.

В разделах журнала «Аналитические материалы» и «Лекция» приведены обзоры результатов практического опыта в сфере государственной службы и местного самоуправления в Российской Федерации; аналитические материалы по вопросам государственной службы, государственного управления и местного самоуправления в зарубежных государствах; информация в области организации правового регулирования и кадровой политики в системе государственной службы, профессионального обучения государственных служащих на территории Северо-Западного федерального округа. В вестнике публикуются материалы о практике применения наиболее эффективных методик проведения аттестации и квалификационного экзамена в органах исполнительной власти субъектов Российской Федерации СЗФО; о применении технологий оценки профессиональной служебной деятельности гражданского служащего, его знаний, навыков и умений (профессионального уровня), а также критериев и показателей эффективности служебной деятельности гражданских служащих; об организации стажировок гражданских служащих; внедрении в рамках проведения стажировок института «наставничества» (для нижнего и среднего звена гражданских служащих) и института «коучинга» — для гражданских служащих категории «руководители».

В рубрике «Книжный обзор» внимание читателей предлагаются но-

вые научные издания, отражающие взгляды ученых на актуальные проблемы в области государственного и муниципального управления, представляющие интерес не только для специалистов в сфере кадровой деятельности, но и для ученых, преподавателей, аспирантов, слушателей и студентов высших учебных заведений.

В разделе «Страничка герольдмейстера» представлено описание высших наград в российской наградной системе, а также отражена ретроспектива становления высших отечественных наград. В вестнике размещены информационные и геральдические материалы, иллюстрирующие особенности субъектов СЗФО.

Журнал выходит 2 раза в год, включен в объединенный каталог «Пресса России», подписной индекс — 29515. Также осуществляется редакционная подписка на журнал «Государственная служба. Вестник Координационного Совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе» — через Северо-Западную академию государственной службы (Тел. / факс (812) 335-94-72; 199178, Санкт-Петербург, В. О., Средний пр., 57, к. 322).

Ниже представлены публикации журнала «Государственная служба. Вестник Координационного Совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе» в 2006 — 2007 гг.

**ПУБЛИКАЦИИ ЖУРНАЛА
«ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЛУЖБА. ВЕСТНИК КООРДИНАЦИОННОГО
СОВЕТА ПО КАДРОВЫМ ВОПРОСАМ, ГОСУДАРСТВЕННЫМ НАГРАДАМ
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЕ ПРИ ПОЛНОМОЧНОМ
ПРЕДСТАВИТЕЛЕ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ» В 2006–2007 ГГ.**

- *Горшков А. С.* Вступительное слово председателя редакционного совета журнала
2006 С. 4–5

- Концепция периодического издания «Государственная служба. Вестник Координационного совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе»
2006 С. 6–9

- *Нестеров А. Г.* Повышение эффективности кадровой политики в сфере государственной службы — необходимое условие административной реформы
2006 С. 10–14

- *Нестеров А. Г.* Проблемы формирования кадрового состава государственной гражданской службы
2007 № 1 С. 4–8

ОФИЦИАЛЬНО

- *Баркин В. А.* О требованиях к рассмотрению материалов по представлениям к государственным наградам Российской Федерации
2007 № 2 С. 12–31

- План работы Координационного Совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе на 2006–2007 гг.
2006 С. 21–23

- Предложения по совершенствованию федерального законодательства о государственной гражданской службе Российской Федерации в части поступления на государственную гражданскую службу и проведения проверки достоверности представляемых гражданином персональных данных, сведений о доходах, имуществе и обязательствах имущественного характера
2007 № 1 С. 26–28

- Распоряжение полномочного представителя Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе «О создании Координационного совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе»
2006 С. 15–20
- Решение Координационного Совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе
2006 С. 24–27
- Решение Координационного Совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе от 22 января 2007 г. № 2
2007 № 1 С. 18–23
- Решение Координационного Совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе от 17 мая 2007 г. № 3
2007 № 2 С. 4–11
- Состав рабочей группы по подготовке к заседаниям Координационного Совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе
2007 № 1 С. 24–25

Дискуссии

- *Кравцова Т. В.* О практике реализации кадровой политики в Северо-Западном федеральном округе
2007 № 1 С. 9–17
- *Кравцова Т. В.* Основные аспекты формирования этики служебного поведения государственных гражданских служащих
2007 № 2 С. 32–41

Информационно-

АНАЛИТИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

- *Богданов А. К.* Применение кадровых технологий. Из опыта Новгородской области
2007 № 1 С. 37–41
- *Вагина Л. В.* О порядке формирования должностных окладов государственных гражданских служащих
2006 С. 37–45
- *Ганц Н. В.* Система высшего образования государственных служащих в США
2007 № 2 С. 48–53

- *Горшков А. С.* Совершенствование системы профессионального обучения государственных служащих в условиях административной реформы
2006 С. 28–36
- *Косов Ю. В.* Трансграничное региональное сотрудничество на современном этапе
2006 С. 46–49
- *Костоусов С. Е.* Повышение профессионального уровня специалистов государственной гражданской и муниципальной службы как принцип государственной кадровой политики
2007 № 1 С. 42–46
- *Мартынов С. А.* Критерии оценки профессиональной деятельности государственного гражданского служащего
2007 № 2 С. 42–47
- *Мошарев В. Н.* Профессиональная этика в системе государственной гражданской службы
2007 № 1 С. 47–52
- *Периль Б. В.* Исследование проблем приграничного сотрудничества в рамках программ европейских международных организаций
2006 С. 50–57

ЛЕКЦИЯ

- *Древаль И. В., Кашина М. А.* Аттестация государственных служащих как инструмент оценки и развития кадрового потенциала государственного органа
2007 № 1 С. 53–71
- *Охотский Е. В.* Социально-правовой статус государственного гражданского служащего в системе государственного управления
2007 № 2 С. 54–74
- *Яновский В. В.* Основные аспекты теории и практики государственного управления
2006 С. 58–76

КНИЖНЫЙ ОБЗОР

- Издания Северо-Западной академии государственной службы
2007 № 1 С. 74–77
- Издания Северо-Западной академии государственной службы
2007 № 2 С. 75–77

СТРАНИЧКА

ГЕРОЛЬДМЕЙСТЕРА

- *Васецкий А. А.* Медаль «Золотая Звезда»
2007 № 2 С. 78–79
- *Вилинбахов Г. В.* Орден Святого апостола Андрея Первозванного
2007 № 1 С. 72–73

КАДРОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА РФ

Дунаева Н. В.

В Санкт-Петербурге прошел IV ежегодный семинар-совещание по актуальным вопросам кадрового обеспечения органов государственной власти Северо-Западного федерального округа. Организаторами семинара стали Северо-Западная академия государственной службы и аппарат полномочного представителя Президента РФ в Северо-Западном федеральном округе.

В работе семинара приняли участие заместитель полномочного представителя Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе А. Г. Нестеров, председатель Комитета Совета Федерации Федерального Собрания РФ по науке, культуре, образованию, здравоохранению и экологии В. Е. Шудегов, председатель бюджетно-финансового комитета Законодательного собрания Санкт-Петербурга В. В. Барканов, начальник управления контроля и методического обеспечения государственного заказа комитета экономического развития, промышленной политики и торговли правительства Санкт-Петербурга Н. Н. Залесский, председатель избирательной комиссии Ленинградской области В. П. Журавлев и другие.

На семинар также прибыли представители органов власти республик и областей СЗФО, специалисты Минобороны РФ, а также Северо-Западного таможенного управле-

Дунаева Наталья Викторовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории права и государства Северо-Западной академии государственной службы.

ния. Ректор Северо-Западной академии государственной службы А. С. Горшков отметил, что широкая география и большое число участников убедительно говорят о повышенной заинтересованности госслужащих и представителей научной общественности в разработке эффективных мер по укреплению кадрового потенциала органов власти в субъектах РФ.

В течение двух дней в стенах СЗАГС звучали доклады, посвященные вопросам модернизации системы образования, повышению уровня профессиональной подготовки госслужащих, совершенствованию механизмов оценки их слу-

жебной деятельности, поиску путей эффективного использования в учебных процессах современных научно-практических разработок. Одним из действенных инструментов повышения уровня кадрового обеспечения органов государственной власти Северо-Западного федерального округа участники семинара признали новый Интернет-ресурс — банк методических материалов по вопросам госслужбы и ее кадровому обеспечению. Доступ к ним открыт на официальных сайтах аппарата полномочного представителя Президента РФ в СЗФО и Северо-Западной академии государственной службы.

ПУБЛИКАЦИИ ЖУРНАЛА «УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ» В 2007 Г.

РАЗДЕЛ «ГОСУДАРСТВЕННАЯ И МУНИЦИПАЛЬНАЯ СЛУЖБА»

- *Бродский М. Н., Музыченко А. С.* Совершенствование правового регулирования государственной гражданской службы Санкт-Петербурга III 5
- *Васьков В. Т.* Профессиональное обучение государственных и муниципальных служащих для единой дежурной службы — объективное влечение времени III 21
- *Гнетов А. В., Громов А. В., Петрова Е. В.* Возможности использования института резерва кадров в подборе кадров на государственной службе III 15
- *Горшков А. С., Бирюкова Г. М., Чжен Жичан, Чжао Шимин.* Государственный служащий: психологическая и профессиональная компетентность IV 5
- *Давыдов В. Д.* Методы оценки эффективности и результативности профессиональной служебной деятельности гражданского служащего II 21
- *Древаль И. В., Москвина А. Ю.* Необходимость развития деловых и личных качеств государственных и муниципальных служащих в целях успешной реализации административной реформы III 28
- *Иванов А. Г.* Проблемы реформирования местного самоуправления в Российской Федерации и тенденции его развития II 12
- *Иванова В. И.* Модернизация ценностного сознания государственных служащих в условиях административной реформы I 22
- *Коротич Е. Б.* Государственное управление региональным развитием Украины IV 39
- *Князев С. Н., Ганчеренок И. И., Лосева И. И., Рафикова А. Р.* Здоровьесбережение как приоритет для эффективного государственного управления IV 26

● <i>Кравцова Т. В.</i> Формирование единого кадрового пространства	II	5
● <i>Марышев А. А.</i> Вопросы взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления (на примере опыта США)	IV	19
● <i>Мионов С. М.</i> Проблемы и перспективы реформирования системы местного самоуправления: взаимодействие органов государственной власти и органов местного самоуправления	I	5
● <i>Торба А. В.</i> Правовой механизм обеспечения аттестации государственных гражданских служащих	IV	10
● <i>Черкасов Н. А.</i> К совершенствованию подготовки государственных служащих в условиях формирования информационной экономики и развития интеграционного процесса	I	13

РАЗДЕЛ «ПОЛИТИКА И ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО»

● <i>Ашуров М. К.</i> Поиск мирного разрешения межтаджикского конфликта в деятельности политических институтов и общественных объединений	I	113
● <i>Беликов В. Ф.</i> Основные направления развития законодательства о местном самоуправлении в городах федерального значения	III	68
● <i>Белых И. В.</i> О состоянии местного самоуправления на территории внутригородского муниципального образования Мещанское в г. Москве	III	74
● <i>Васецкий А. А.</i> Корпоративизм и политическая составляющая его развития	IV	40
● <i>Вульфович Р. М., Щербакова М. Д.</i> Социально ориентированная жилищная политика в городах Европы и России	II	41
● <i>Гриценко Е. В.</i> К вопросу о концепции организации публичной власти в городах федерального значения	III	44
● <i>Журавлев В. П.</i> Проблемы организации избирательного процесса в субъектах Российской Федерации (на примере Ленинградской области)	II	27
● <i>Зверев С. И.</i> Московская модель городского управления: структура, проблемы и перспективы развития	III	50

- *Кашина М. А.* Россия в поисках своего пути общественного развития: централизация власти плюс вдохновляющая идеология I 41
- *Кашина М. А., Морозова Ю. А.* Лакуны и новеллы федерального и регионального законодательства по вопросам организации местного самоуправления в городах федерального значения (на примере Санкт-Петербурга) III 83
- *Лутова С. К.* Этнополитическая ситуация в Санкт-Петербурге в начале XXI в. II 56
- *Мамонова В. В.* Регуляторная деятельность органов местного самоуправления в Украине: достижения и трудности III 98
- *Мещеряков Т. В.* Вопросы законодательного регулирования публичной власти в городах федерального значения III 64
- *Мокрый В. С.* Правовое регулирование организации местного самоуправления в городах федерального значения III 34
- *Овчинников В. А., Барбарова Н. Г.* Реформирование местного самоуправления в России (на примере Ленинградской области) II 32
- *Овчинников В. А., Демидов Д. Г.* Принципы права: принципы легальности и легитимности в избирательном законодательстве Российской Федерации I 63
- *Овчинников В. А., Таровик С. С.* К вопросу о реформе основного избирательного закона IV 59
- *Сергиенко А. М.* Вопросы местного значения I 75
- *Филиппов Г. Г.* Неиспробованный еще вариант общественного развития I 34
- *Циско Ш., Грегова Е.* Финансирование общественного управления на уровне городов и сел в Словацкой республике I 106
- *Ястребова Е. Ю.* Правовая компетенция органов местного самоуправления по размещению наружной рекламы I 97

РАЗДЕЛ «ВЛАСТЬ И ЭКОНОМИКА»

- *Алексеев А. А., Курзенев В. А.* Метод оценки финансового состояния предприятий на основе МСА (на примере Калужской области) I 127

● <i>Голянич В. М.</i> Чувство неполноценности и психологические комплексы в генезе конфликтов у сотрудников организации	I	137
● <i>Грегова Е., Циско Ш.</i> Информационные технологии и их роль в сфере экономики и управления	II	83
● <i>Давыденко А. А.</i> Тенденции развития государственного управления морскими портами России	IV	74
● <i>Дементьев А. А.</i> Финансово-экономические инструменты обеспечения устойчивого развития муниципального образования	III	130
● <i>Засядь-Волк В. В.</i> Факторы эффективной земельной политики в регионе	II	62
● <i>Ивановский Л. В.</i> Первоочередные меры по улучшению управления подсистемой внутригородского транспорта транспортного комплекса Санкт-Петербурга	III	122
● <i>Ипатов Ю. М., Яновский В. В.</i> Современный механизм управления инновационными процессами в мегаполисе	III	107
● <i>Мальцев К. В.</i> Системный подход в исследовании развития земельного рынка	IV	80
● <i>Музалевская И. М.</i> Традиция и инновация в социокультурных практиках	I	149
● <i>Проскура Д. В.</i> Проблемы обеспечения конкурентоспособности регионов: кластеризация и активизация инновационных процессов	II	89
● <i>Ходачек В. М.</i> Финансовая политика в системе государственного и муниципального управления	I	117

РАЗДЕЛ «ОБЩЕСТВО И РЕФОРМЫ»

● <i>Акопов С. В.</i> Теория мимов, социальный дарвинизм и проблема гуманизма в общественных науках	IV	122
● <i>Васецкий А. А., Левина С. А.</i> Мониторинг муниципальных средств массовой информации (на примере печатных изданий муниципальных образований Санкт-Петербурга)	II	97
● <i>Васецкий А. А., Левина С. А., Ястребова Е. Ю.</i> Формы информационного взаимодействия органов местного самоуправления с органами государственной власти и населением	III	152
● <i>Вульфович Р. М.</i> Перспективы развития системы управления Санкт-Петербурга	III	140
● <i>Галёва Н. Е.</i> Особенности формирования народонаселения европейского Севера России	IV	133

- Герасимова С. А. Телевидение как средство формирования и управления общественным сознанием II 142
- Голянич В. М., Грачев С. С. Представления о себе и противнике в системе ценностных ориентиров молодежи IV 160
- Гусева Г. А., Макаров Е. В. Молодежные когорты региона как источник развития трудового потенциала промышленного предприятия (на примере филиала федерального государственного унитарного предприятия концерна «Росэнергоатом» «Ленинградская атомная станция») II 107
- Зверев П. Б. О некоторых международных аспектах организационной и правовой деятельности властных структур в крупных городах Российской Федерации III 198
- Кашина М. А. Женщины в российской пенитенциарной системе: к вопросу о необходимости гендерной юстиции IV 99
- Кудрявцева Е. И. Проблемы управления персоналом на предприятиях и в организациях малого и среднего бизнеса IV 89
- Полохало Ю. Н., Косов Ю. В. Российское высшее образование в условиях глобализации: проблема сохранения национальных традиций и использования зарубежного опыта IV 112
- Резник Ю. М. Жизненный мир провинциального человека (опыт анализа социокультурных различий) IV 143
- Степанов А. И. Оптимизация массовых представлений о социальных классах в современной России I 179
- Ушаков Б. Г. Поведение человека и персонала как проблема методологии и практики. Системный анализ II 148
- Филиппов Г. Г. На пути к закату и заходу III 203
- Черныш М. Ф. Социальная мобильность среднего класса I 157
- Чимаров С. Ю. Нейролингвистическое программирование: история и инструментарий I 170
- Щербина В. В., Ермолаев В. Н. Логика и механизмы развития предприятий малого бизнеса (на примере частных стоматологических клиник г. Москвы) III 171
- Щербук Ю. А., Жолобов В. Е., Кадыров Ф. Н., Хайруллина И. С. Проблемы государственного регулирования здравоохранения в Санкт-Петербурге III 168
- Яновский В. В. Предоставление субсидий на оплату жилого помещения и коммунальных услуг органами местного самоуправления Российской Федерации II 118

РАЗДЕЛ «ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА»

- Александров В. Б. Психологические основы провинциализма I 199
- Алякринская М. А. Вопросы административного руководства и подчинения в русской культурной традиции (на материале творчества М. Е. Салтыкова-Щедрина) IV 183
- Гуркина Н. К., Чистиков А. Н. Партийно-советская бюрократия 1920-х гг.: кадровая политика (на примере Северо-Западного региона Советской России) I 190
- Косов Ю. В., Торопыгин А. В. Три конференции мира: традиции и современность III 214
- Круглов В. В., Лабудин А. В. Ю. В. Андропов: Формирование плана реформ (О попытках найти выход из тупика тоталитарного социализма) II 164
- Ястребова Е. Ю. От «Статута королевы Анны» (1710 г.) к Бернской конвенции (1886 г.): историко-правовой аспект развития авторского права в Западной Европе II 199

РАЗДЕЛ «ОТКЛИКИ НА КНИГИ»

- Абрамова Л. П. Право и философия III 222
- Пастернакова О. А. Изучение социологии для формирования современного управленца IV 199
- Савельев В. В. О преемственности в культурологии II 206
- Сибирев Ю. В. Государственное управление: новые проблемы и поиски решений IV 190
- Соловьева Е. О. «Государственная власть и местное самоуправление в России: история и современность». Обзор материалов V международного научного форума СЗАГС IV 196
- Стребков А. И. Конфликты и интеграционные процессы в Содружестве Независимых Государств I 217

РАЗДЕЛ «НАУЧНЫЕ ДИСКУССИИ»

- Бочаров А. Б. Непредсказуемость как стратегия управления в управленческой парадигме XX в. IV 213

РАЗДЕЛ «НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ СЗАГС»

● <i>Васецкая А. А.</i> Законодательные и управленческие проблемы развития крупных городов	II	233
● <i>Волков В. А.</i> Некоторые результаты научно-издательской деятельности академии в 2006 г.	I	211
● <i>Волков В. А.</i> Новый журнал для профессионалов государственной службы	IV	224
● <i>Волков В. А.</i> Организация публичной власти в городах федерального значения	III	226
● <i>Дунаева Н. В.</i> Кадровое обеспечение органов государственной власти Северо-Западного федерального округа РФ	IV	230
● <i>Измайлов А. Ф.</i> Система заработной платы как инструмент управления	I	233
● <i>Кириллов А. Л.</i> Управление по результатам: возможные подходы (на примере реализации «Программы реформирования региональных финансов в Ленинградской области»)	II	219
● <i>Кашина М. А.</i> Взаимодействие государства и гражданского общества в реализации политики гендерного равенства в России	II	226
● <i>Шаскольская Е. А., Мелькишев С. В.</i> Проблемы интеграции в европейское образовательное пространство: СЗАГС и Ассоциация институтов и школ государственной службы Центральной и Восточной Европы (NISPAcee)	III	234
● <i>Янченко Л.</i> Конференция студентов и аспирантов	I	23

VI Международный научный форум «Государственная власть и местное самоуправление в России: история и современность»

Северо-Западная академия государственной службы приглашает принять участие в VI Международном научном форуме «Государственная власть и местное самоуправление в России: история и современность» на тему: «Государственное и муниципальное управление в контексте современных российских реформ», который состоится 29 мая 2008 г.

В ходе работы круглых столов будут рассмотрены следующие вопросы:

Секция 1: Современный этап реформы высшего образования и перспективы развития направления «Государственное и муниципальное управление»

- Организация обучения в условиях Болонского процесса и проблемы подготовки кадров для органов государственной власти и местного самоуправления.
- Проблемы формирования государственного стандарта нового поколения по направлению «Государственное и муниципальное управление».
- Организационно-правовое обеспечение реформы высшего профессионального образования.
- Модульная система организации учебного процесса: технологии применения в подготовке, переподготовке и повышении квалификации государственных и муниципальных служащих.
- Роль научных исследований в реализации учебных планов бакалавров и магистров в сфере государственного и муниципального управления.

Секция 2: Государственное и муниципальное управление в условиях современных реформ

- Взаимодействие государства и гражданского общества на современном этапе реализации административной реформы.
- Взаимодействие федеральных и региональных органов власти и органов местного самоуправления.
- Прогнозирование и планирование развития властных структур в регионах.
- Зарубежный опыт государственного и муниципального управления.

Секция 3: Правовые основы государственного и муниципального управления

- Правовое обеспечение административной реформы в РФ.
- Избирательный процесс и избирательное законодательство в России.
- Законодательное обеспечение деятельности властных структур в регионах.
- «Четвертая власть» и законотворческие процессы.

Секция 4: Взаимодействие органов государственной власти и местного самоуправления с хозяйствующими субъектами: проблемы формирования эффективного партнерства

- Формирование круга компетенции органов власти в решении экономических проблем региона.
- Воздействие экономических проблем региона на выработку политики органов власти.
- Научное обоснование решения крупных комплексных проблем социально-экономического развития региона.
- Взаимодействие вузов и органов власти в решении экономических проблем региона.

В рамках форума состоится Научная конференция аспирантов РАГС и СЗАГС и Международная ассамблея молодых ученых и специалистов «Государственное управление в XXI веке: актуальные проблемы».

Материалы форума будут опубликованы в сборниках научных статей.

Контакты: 199178, Санкт-Петербург, Средний пр. В.О., д. 57, комн. 320;
тел. / факс: 323-24-60, e-mail: nauka@szags.ru.

**Научно-практический журнал
Северо-Западной академии государственной службы
«УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ» № 4(28)/2007**

Электронная версия журнала доступна по адресу:
www.szags.ru/index.phtml?id_page=394

Учредители: Северо-Западная академия государственной службы,
Администрация Великого Новгорода, Новгородское муниципальное
научно-образовательное учреждение «Диалог»

Редактор Пастарнакова О. А.

Корректор Погорельцева Д. В.

Дизайн и верстка Островой Е. И.

Дизайн обложки Шемшуренко Е. Г.

Сдано в набор 07.03.2008. Подписано к печати 27.03.2008
Формат 70×100/16. Офсетная печать. Усл. печ. л. 15.
Тираж 650 экз. Заказ № 3.

Издание зарегистрировано Северо-Западным региональным управлением
Комитета Российской Федерации по печати.
Свидетельство о регистрации СМ 4 № П-2046 от 10.07.96

Объединенный каталог «Пресса России». Индекс 12971

Комплекс издательских и полиграфических работ выполнен ООО «Веленара»
E-mail: velenara@mail.ru
